

2018 Калужское Наследие № 3

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель
Министерство культуры и туризма
Калужской области

Автор идеи
А. Д. Артамонов

Главный редактор
Д. В. Кузнецов

Редакционная коллегия

Н. А. Абакумова
В. А. Бессонов
М. Ю. Бирюкова
О. А. Калугин
Е. В. Князев
М. В. Марченко
В. М. Обухов
П. А. Сулов
М. А. Улыбышева
Е. Е. Чудаков

Адрес редакции
248000, г. Калуга, ул. Пушкина, 14
Тел. +7(4842)72-16-18
E-mail: nasledie40@mail.ru

В номере использованы фотографии
из фондов ГБУК КО «Калужский объединенный
музей-заповедник», И. Малеева, В. Ларина,
А. Никитина, А. Пашина, И. Маслина,
С. Коробцова

Журнал подготовлен в издательстве «СерНа»
Тел. +7(910)914-95-30
Макет, компьютерная верстка С. И. Захаров
Корректор Н. Г. Любомудрова

Подписано в печать 29.09.2018 г.
Тираж 999 экз.

Отпечатано в типографии «Наша Полиграфия»
г. Калуга, ул. Грабцевское шоссе, 126
Лиц. ПЛД № 42-29 от 23.12.99
Тел. +7(4842)77-00-75

На обложке: главный дом усадьбы Гончаровых. Первоначально в 1740-е годы были построены каменные П-образные двухэтажные жилые палаты. В 1764 и 1770–1773 годах с западной и восточной стороны к дому пристраивались дополнительные объёмы. В 1787 году надстроен третий этаж. В 1810–1811 годах фасады дома были изменены и приобрели классический вид. Именно таким в 1830 и 1834 гг. Главный дом видел, приезжавший в Полотняный Завод великий поэт России А. С. Пушкин.

ТЕМА НОМЕРА
ПОЛОТНЯНЫЙ ЗАВОД: ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

НОВЫЙ РАЗДЕЛ
ГЕРАЛЬДИКА КАЛУЖСКОГО КРАЯ

ОТКРЫТИЕ «БУЗЕОНА»
ПЕРВЫЙ МУЗЕЙ БУМАГИ В РОССИИ!

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

Полотняный завод: прошлое и будущее

Интервью с губернатором Калужской области

Анатолием Дмитриевичем Артамоновым 4

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

Константин Гавриленко

Бузеон – музей бумаги, выстроенный своим коштом 12

Дмитрий Кузнецов

Это загадочное слово «Бузеон»

Репортаж с открытия музея 16

«Полотняный Завод – это не периферийная деревня,

а музей Пушкинской эпохи»

Интервью с Валерием Васильевичем Сударенковым

Елена Буянкина 20

За отменное качество. Выставочные медали Гончаровых 25

ЖЕМЧУЖИНА ГУБЕРНИИ

А. А. Любимов

Вершина русского классицизма

Дворец Щепочкина в Полотняном Заводе 28

СТАРАЯ КАЛУГА

Виталий Бессонов

Посещение Калуги императрицей Екатериной II в 1775 году 38

АРХЕОЛОГИЯ

Игорь Болдин

Археологическое исследование усыпальницы и церкви

на территории усадьбы Полотняный завод 46

Виталий Бессонов

Усыпальница рода Гончаровых 56

ГЕРАЛЬДИКА

Под звездой рода Гончаровых 64

ДВОРЯНСКИЕ УСАДЬБЫ

Наталья Марченко

Полотняный Завод – дворянская усадьба Гончаровых 66

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ЭТЮДЫ

Дмитрий Кузнецов

Вторая жизнь Воскового оркестра 74

КАЛУГА ЛИТЕРАТУРНАЯ

Татьяна Бессонова

Поэт, талант, аристократ, красавец... 79

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

Елена Назарова

«Маленькие Афины» Дмитрия Дмитриевича Гончарова 84

ЗНАМЕНИТЫЕ КАЛУЖАНЕ

Елена Назарова

Жена и муза Поэта 90

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Париж – Петербург – Полотняный Завод

Интервью с певцом Сергеем Мазуренко 94

ФОТОАЛЬБОМ

Спасо-Преображенский храм

Прошлое и настоящее 100

Уважаемые читатели!

Третий номер журнала «Калужское наследие» — тематический. Материалы, его составившие, посвящены, в основном, только одной теме — истории уникального пушкинского места — усадьбы Полотняный Завод. Наверное, немного найдётся мест не только в Калужском крае, но и в России, которые вместили бы в себя столько всевозможных историко-культурных пластов: промышленных, архитектурных, военных, литературных, династических, театральных... На страницах нашего журнала мы постарались в той или иной степени отразить всё это уникальное многообразие.

Но, конечно, прежде всего, Полотняный Завод освящён именем Александра Сергеевича Пушкина.

Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоём
Предполагаем жить, и — глядь как раз — умрём.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Эти строки написаны великим поэтом в 1834 году. Тогда, в августе, Пушкин в очередной (и в последний) раз приезжал в Полотняный Завод, где проводили летние месяцы его жена и дети. Красота и неповторимая романтика родового гнезда Гончаровых настолько очаровали Александра Сергеевича, что он предпринял попытку приобрести имение в Медынском уезде и даже выдал доверенность на покупку одному из своих знакомых в Москве. Сделка не состоялась. Но мечта поэта остаться на Калужской земле нашла воплощение в блистательных строках, ныне известных всем.

Пушкинская тема и темы, связанные с династией Гончаровых, стали своего рода лейтмотивом публикаций 3-го номера нашего журнала. История усадьбы Гончаровых и соседнего архитектурного шедевра — дома Щепочкина; рассказ о первом в нашей стране Музее бумаги, открывшемся в Полотняном Заводе; очерки о знаменитом домашнем театре последнего владельца имения Дмитрия Дмитриевича Гончарова, фоторепортаж о восстановленном храме Преображения Господня и находящейся в нём родовой усыпальнице Гончаровых, — всё это и много другое нашло отражение на страницах нового выпуска «Калужского наследия».

Редакция журнала

ТЕМА НОМЕРА

ПОЛОТНЯНЫЙ ЗАВОД: прошлое и будущее

Интервью с губернатором Калужской области
Анатолием Дмитриевичем Артамоновым

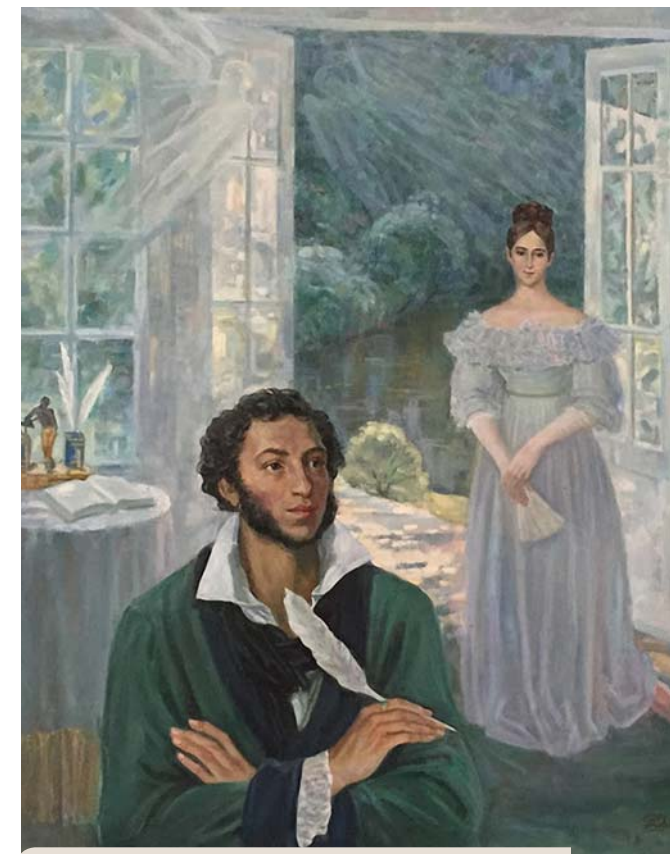
— Анатолий Дмитриевич, Вы согласны с утверждением, что Полотняный Завод занимает особое место на «исторической карте» региона?

— Калужский край — сердце России, здесь находится целое созвездие мест, просиявших в отечественной истории: и Козельск, и Малоярославец, и Боровск, и Юхнов, и побережье Угры, где проходило Великое стояние, и Таруса, и, конечно, Полотняный Завод. Причина его особенности — имя нашего великого поэта Александра Сергеевича Пушкина, его жизненная связь с Калужской землёй. Долгие годы всероссийским пушкинским брендом, если так можно сказать, является Пушкиногорье: сёла Михайловское, Тригорское... Однако замечу, долгое время Пушкин пребывал там в качестве ссыльного, а Полотняный Завод знаменует

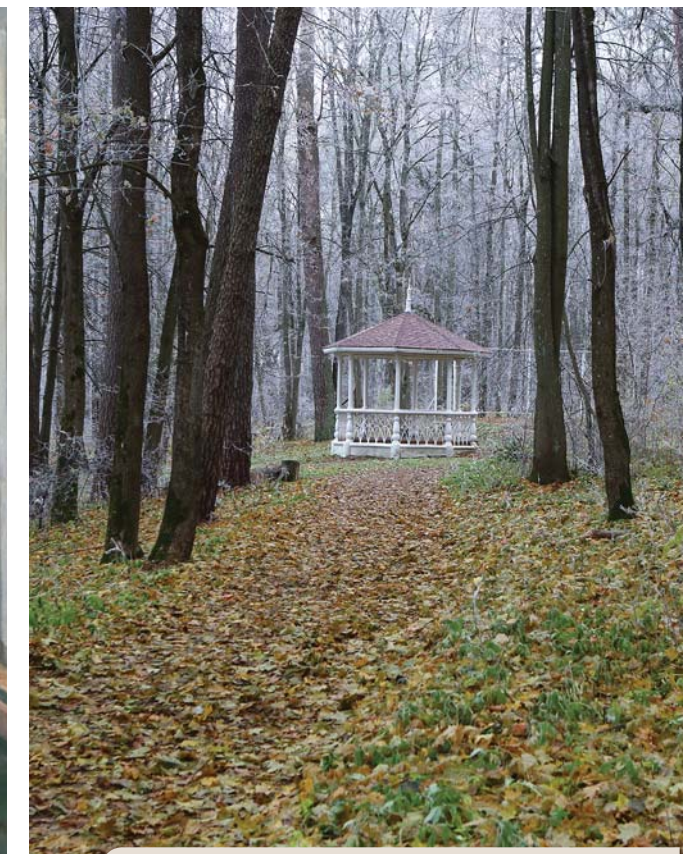
собой счастливейшие периоды его жизни: сватовство к Наталье Николаевне Гончаровой и приезд к ней — уже супруге и матери его детей. Помните, ставшую уже хрестоматийной, фразу из его письма: «Кабы заводы были мои, так меня бы в Петербург не заманили и московским калачом. Жил бы себе баринком...»? Александр Сергеевич был очарован Полотняным Заводом, он мечтал остаться на Калужской земле. Известно, что Пушкин выдал в Москве доверенность на покупку для него в Медынском уезде нескольких деревень, но этой сделке не суждено было состояться.

— Другими словами, Полотняный Завод — самый «пушкинский» уголок России?

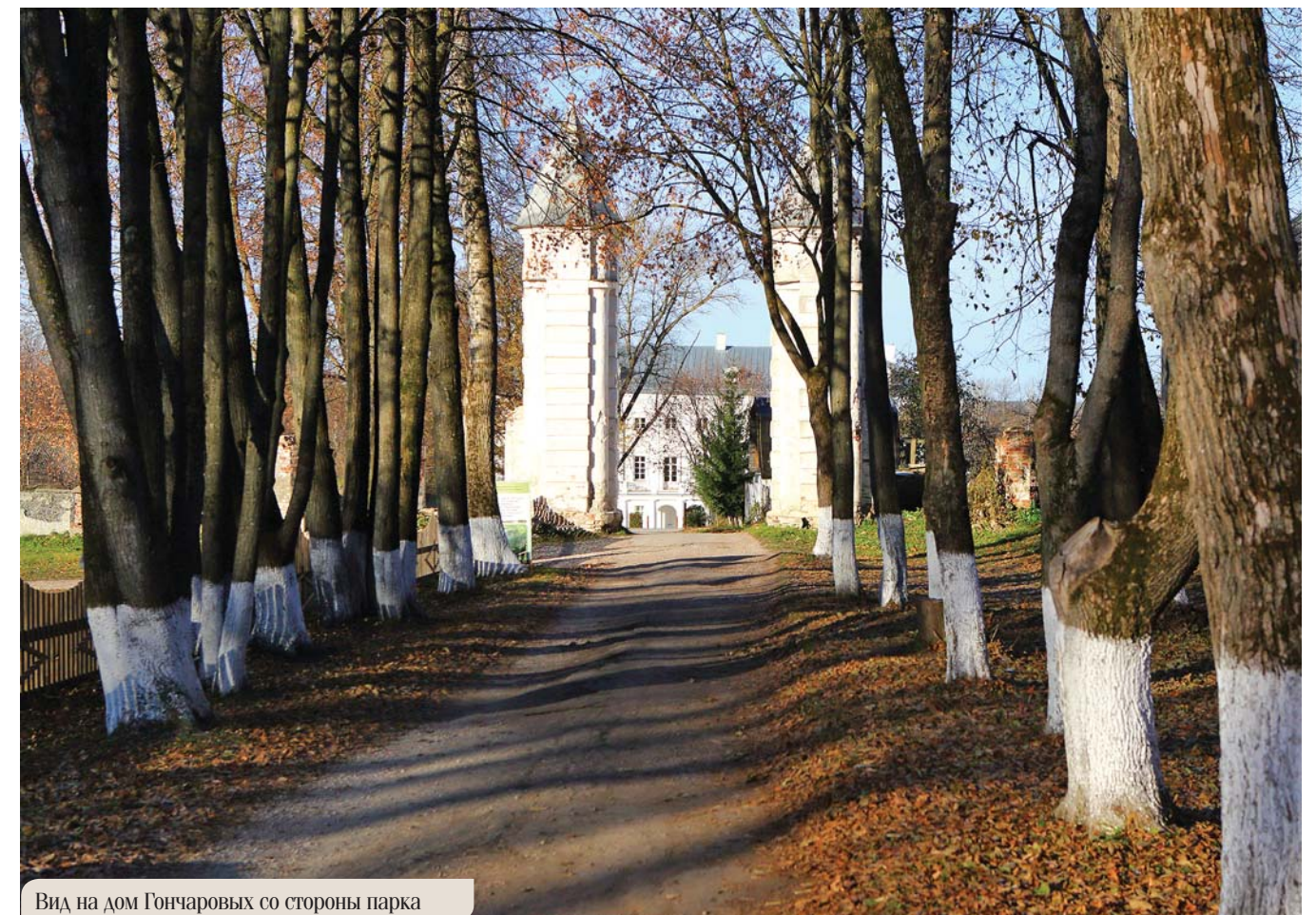
— Один из таких уголков. Но их ведь совсем немного. Тем более ценно, что именно у нас есть столь

«Я помню чудное мгновенье...» Худ. Т. Духанова

Пушкинская беседка в парке усадьбы Гончаровых

Вид на дом Гончаровых со стороны парка

Выездное заседание Правительства Калужской области в Полотняном Заводе. 24 сентября 2013 г.

притягательное для множества людей место — усадьба Гончаровых в Полотняном Заводе. И всё, связанное с этой замечательной семьёй, имеет важное культурное и историческое значение. И даже промышленное. Ведь Гончаровы были владельцами знаменитой фабрики, выпускавшей в XVIII столетии стратегическую продукцию — парусное полотно, которым оснащался российский флот! И до сего дня предприятие «Полотняно-Заводская бумажная Мануфактура», — одно из старейших российских производств! — успешно работает, выпускающая нужные нам канцелярские товары, бумагу, картон... Вот, кстати, замечательная связь — истории, культуры,

промышленности, экономики: всё — в едином узелке, всё — в Полотняном Заводе.

— В 1990-е годы, не смотря на сложное положение в стране, началось возрождение дома Гончаровых, — по сути, новый виток истории посёлка. В «нулевые» годы этот процесс продолжился, но был уже связан с Вашей деятельностью на посту губернатора области. Можно ли подвести некоторые итоги?

— Да, конечно. Прежде всего, нужно сказать о том, что мы всерьёз стремимся сделать посёлок местом ещё большего паломничества для туристов, — а интеллектуальный, познавательный туризм сейчас на подь-

Дом Г.И. Щепочкина

ёме, — и серьёзные меры на этом пути уже предприняты. Калужский объединённый музей-заповедник, в структуру которого входит сейчас вся усадьба Гончаровых, включая главный дом усадьбы, сохранившиеся старинные строения и парк, целенаправленно развивает инфраструктуру культурно-исторической территории, постепенно превращая её в современный туристский комплекс.

Принято решение о реставрации уникального памятника архитектуры конца XVIII — начала XIX веков — дома Щепочкина. В сущности, этот дом так красив и монументален, что его смело можно назвать дворцом. Таким

образом, в обозримом будущем в Полотняном Заводе появится ещё одна отреставрированная усадьба, расположенная в непосредственной близости от усадьбы Гончаровых, и, конечно же, это станет дополнительным фактором привлечения туристов.

В последние годы Полотняный Завод стал местом проведения военно-исторических фестивалей с участием российских клубов исторической реконструкции. Это театрализованные, масштабные мероприятия, очень красочные и зрелищные, позволяющие зрителям «переноситься» в минувшие эпохи, к примеру, в эпоху Первой мировой войны или в период войны Гражданской,

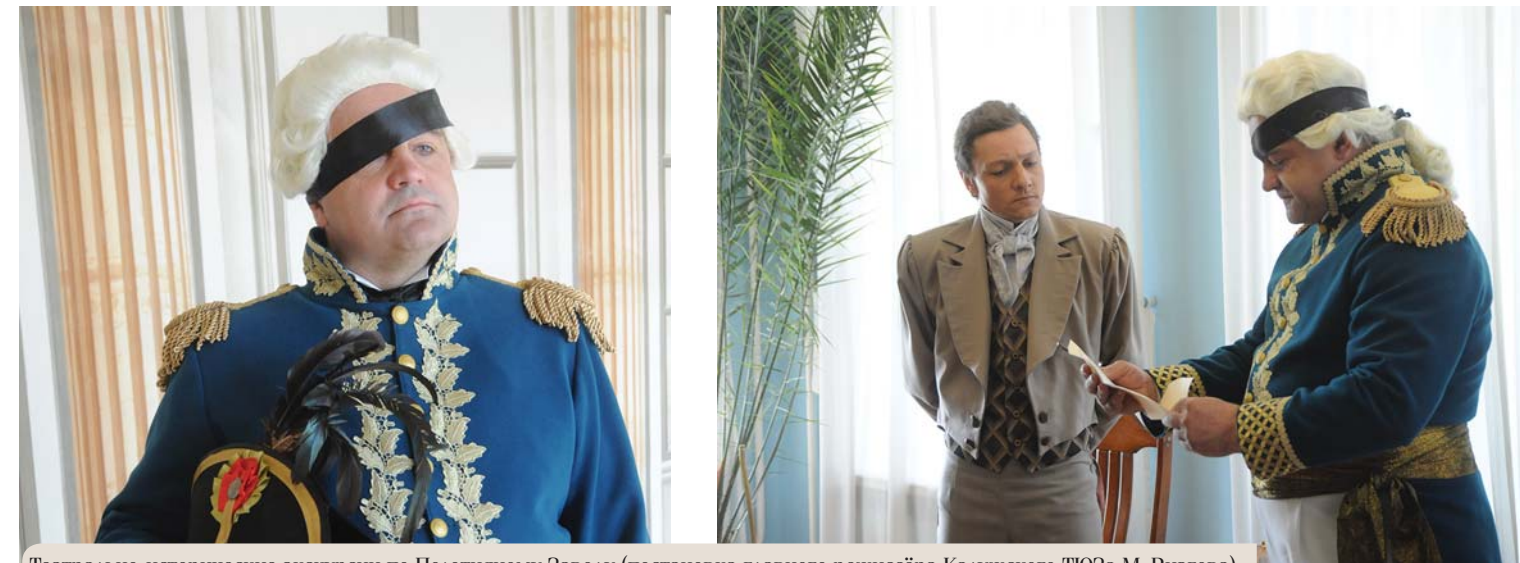
Полотняный Завод. Вид на дом Гончаровых со стороны р. Суходрев

Русский Легион Чести. Историческая реконструкция событий Первой мировой войны

Сабля штабных офицеров французской армии произвольного образца в медных ножнах. Предположительно клинок изготовлен в Германии, детали эфеса и монтировка произведены во Франции. Изготовитель клинка — Бюхнер (Büchner). 1800-е гг. Сталь, латунь, медный сплав, дерево. Золочение, оброн, резьба по дереву. Сабля принадлежала военному комиссару 5-й кирасирской дивизии Великой армии Пьеру-Луи Вало графу де Боволье, владельцу Сен-Марсоля (1770–1825). Боволье был активным участником вандейского восстания. Амнистирован и в 1811 г. принят на службу. 12 октября 1812 г. взят в плен партизанами полковника Н. Д. Кудашева недалеко от Медыни. 16 октября доставлен в Полотняный Завод и представлен Кутузову. Затем Боволье был направлен через Калугу в Рязань

Театрально-исторические экскурсии по Полотняному Заводу (постановка главного режиссёра Калужского ТЮЗа М. Визгова)

в годы Отечественной войны 1812 года или Второй мировой войны.

Памятным событием Отечественной войны с Наполеоном стало пребывание в Полотняном Заводе великого полководца России генерал-фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова. В октябре 1812 года после Малоярославского сражения в течение трёх дней в доме Гончаровых размещалась Главная квартира русской армии и ставка её главнокомандующего. И если враг начал своё бесславное отступление от Малоярославца, то преследование неприятеля русской армией началось

именно из Полотняного Завода. Этот исторический факт отражён и в музейных экспозициях, и в театральных представлениях.

Один из самых любимых калужанами Пушкинский праздник в 2018 году отметил своё сорокалетие. В честь этого события на площади перед домом Гончаровых с большим концертом выступил знаменитый столичный коллектив — Государственная капелла Москвы имени Вадима Судакова.

Ну, и конечно, сохранение истории семьи Гончаровых, прославившей Полотняный Завод на всю Россию,

Полотняно-Заводская бумажная фабрика. 1955 г.

остаётся у нас в неизменном приоритете. Сейчас полным ходом идёт восстановление Спасо-Преображенского храма — родовой церкви Гончаровых, уже многое сделано. И сделано, на мой взгляд, самое важное: воссоздана родовая усыпальница семьи, найдены и перезахоронены останки её известных представителей.

Полотняно-Заводская бумажная Мануфактура, как и сам посёлок, образовавшийся при её появлении, в этом году отмечают своё 300-летие. Строго говоря, 300 лет назад царь Пётр I подписал указ о создании Тимофеем Филатовичем Карамышевым полотняной фабрики, но именно этот документ положил начало развитию этого места, как мануфактурного центра, ставшего впоследствии столицей промышленной империи

Родовая усыпальница Гончаровых при храме в честь Преображения Господня

Полотняный Завод. Храм в честь Преображения Господня

компаньона Карамышева — Афанасия Абрамовича Гончарова. Именно здесь, на церковной земле у реки Суходрев, были построены и введены в эксплуатацию фабрики, производящие парусное полотно и бумагу. И если первая закрылась, проработав примерно 150 лет, то вторая уже три века продолжает свою деятельность.

Приятно видеть, что нынешнее руководство Полотняно-Заводской бумажной Мануфактуры осторожно и бережно относится к старым, трёх вековой давности постройкам, заботится о сохранении исторической памяти. На территории фабрики в 2018 году открылся интереснейший Музей бумаги — «Бузеон», посвящённый истории производства бумаги. Это — уникальный, интерактивный музей, созданный в старинном фабричном помещении. И — важно отметить — единственный в России. Подобных музеев у нас в стране ещё не было.

История Полотняного Завода многогранная. Бесконечное количество великих имён связано с этим местом: императрица Екатерина II, Е. Р. Дашкова, В. А. Жуковский, Н. В. Гоголь, А. К. Толстой, О. Л. Книппер-Чехова, Е. Ф. Гнесина и многие, многие другие. Нельзя обойти вниманием тот факт, что в усадебной церкви венчался знаме-

Фрагмент экспозиции музея бумаги «Бузеон»

Церемония открытия Музея бумаги «Бузеон». В роли А. А. Гончарова — заслуженный артист России С. Лунин

нитый военный хирург Н. И. Пирогов. Церковь сейчас отстраивается заново, но на прежнем фундаменте. Во второй половине XIX в. Полотняный Завод становится культурным центром. Здесь открывается народная библиотека, организуется первый в губернии любительский театр, в котором вместе с Гончаровыми играли рабочие Полотняного Завода.

Если говорить об истории XX века, то Полотняному Заводу и тут есть чем гордиться: в июле 2009 года на трассе «Калуга — Медынь» близ посёлка был открыт памятник — стела легендарной французской эскадрильи «Нормандия-Неман», сражавшейся на Калужской земле в годы Великой Отечественной войны. Именно с Полот-

няного Завода в 1943 г. начался боевой путь знаменитой французской эскадрильи.

— Как Вы могли бы охарактеризовать стратегию развития Полотняного Завода в ближайшие годы?

— Стратегию эту можно выразить одним словом: возрождение. Возрождать необходимо не только здания, парки, ландшафты, элементы традиционного уклада, но и духовные ценности, в том числе бережное отношение к своей истории, к своим корням. Историческая память, гордость за деяния предков рождает в людях чувства сопричастности к многовековой истории своего Отечества и желания не только сохранять, но и приумножать. А это путь к созиданию и процветанию нашего государства. ■

Памятник эскадрилье Нормандия-Неман в Полотняном Заводе

Вид на дом Гончаровых со стороны строящегося Спасо-Преображенского храма

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

БУЗЕОН – МУЗЕЙ БУМАГИ, ВЫСТРОЕННЫЙ СВОИМ КОШТОМ

Константин Гавриленко,
директор музея бумаги «Бузеон»

Появление музея бумаги «Бузеон» в усадьбе Полотняный Завод является событием удивительным и закономерным.

Удивительным — потому что музеи предприятий крайне редко перерастают формат небольшой комнаты «производственной славы» и превращаются в полноценный музей истории отдельных отраслей промышленности, места своего предприятия в истории России.

Закономерным — потому что было сложно не увековечить память о 300-летней истории бумажного производства в пос. Полотняный завод, его связи с А. С. Пушкиным, историей становления российского книгопечатания и журналистики.

И поэтому музей бумаги «Бузеон» не стал очередным собранием старых фотографий и почётных грамот времён развитого социализма. Он вобрал в себя и очарование старинных стен бумажной мануфактуры XVIII века, и прелесть набережной канала реки Суходрев, и дух старинных образцов продукции бумажных предприятий России XVIII–XX веков, многих из которых уже не существуют.

Генеральный директор ООО «Объединённые бумажные фабрики» Дмитрий Александрович Дулькин, ставший основателем музея бумаги «Бузеон», так объясняет своё отношение к усадьбе Полотняный завод и Полотняно-Заводской бумажной мануфактуре: «Для меня Полотняный Завод со времён Екатерины Великой остаётся майоратом — мануфактурой, которую нельзя разделить и пустить

по ветру. Так со времён золотого века государыни приходится соблюдать традицию бумажного производства в Полотняном Заводе. Одним словом — майорат».

И действительно, много славных бумажных предприятий было в России: в XVIII веке гремела слава Большой Ярославской мануфактуры И. М. Затрапезнова, в XIX веке — Красносельской бумажной фабрики, в XX веке возводился Байкальский ЦБК. Многие предприятия остановили свою работы, многие были вынуждены сменить бумажную отрасль на другое направление деятельности, а Полотняно-Заводская бумажная мануфактура на протяжении почти трёх столетий продолжала выпускать бумагу, несмотря на войны, промышленные революции и социальные катаклизмы.

Но вернёмся к музею бумаги «Бузеон». Вот несколько характеризующих его цифр. Музей был задуман его создателями Дмитрием Александровичем Дулькиным и Валентиной Геннадьевной Мироновой (генеральный директор ООО «Полотняно-Заводская бумажная мануфактура») в 2013 году. Для размещения музея было определено старинное производственное здание общей площадью 1250 кв. м. На двух этажах этого здания и была устроена экспозиция музея бумаги «Бузеон».

К. В. Гавриленко рассказывает об экспозиции бумаги «Бузеон»

Действующий макет водяной молотковой мельницы XVIII в.

Макет бумажного производства. XVIII в.

При устройстве музея его авторами был изучен опыт зарубежных музеев и научных центров, посвящённых истории бумаги. Особенно тесное сотрудничество удалось наладить с музеем бумажных фабрик в городке Капельядес близ Барселоны. Многие советы его директора Виктории Рабаль были реализованы в музее бумаги в Полотняном Заводе.

Таким образом, в «Бузеоне» была сделана попытка представить историю развития бумажного производства от древности до наших дней, показать эволюцию процесса производства бумаги от самых примитивных способов древности до современных высокотехнологичных, рассказать о месте бумаги в культуре, показать возможности применения бумаги в произведениях искусства и домашнем досуге.

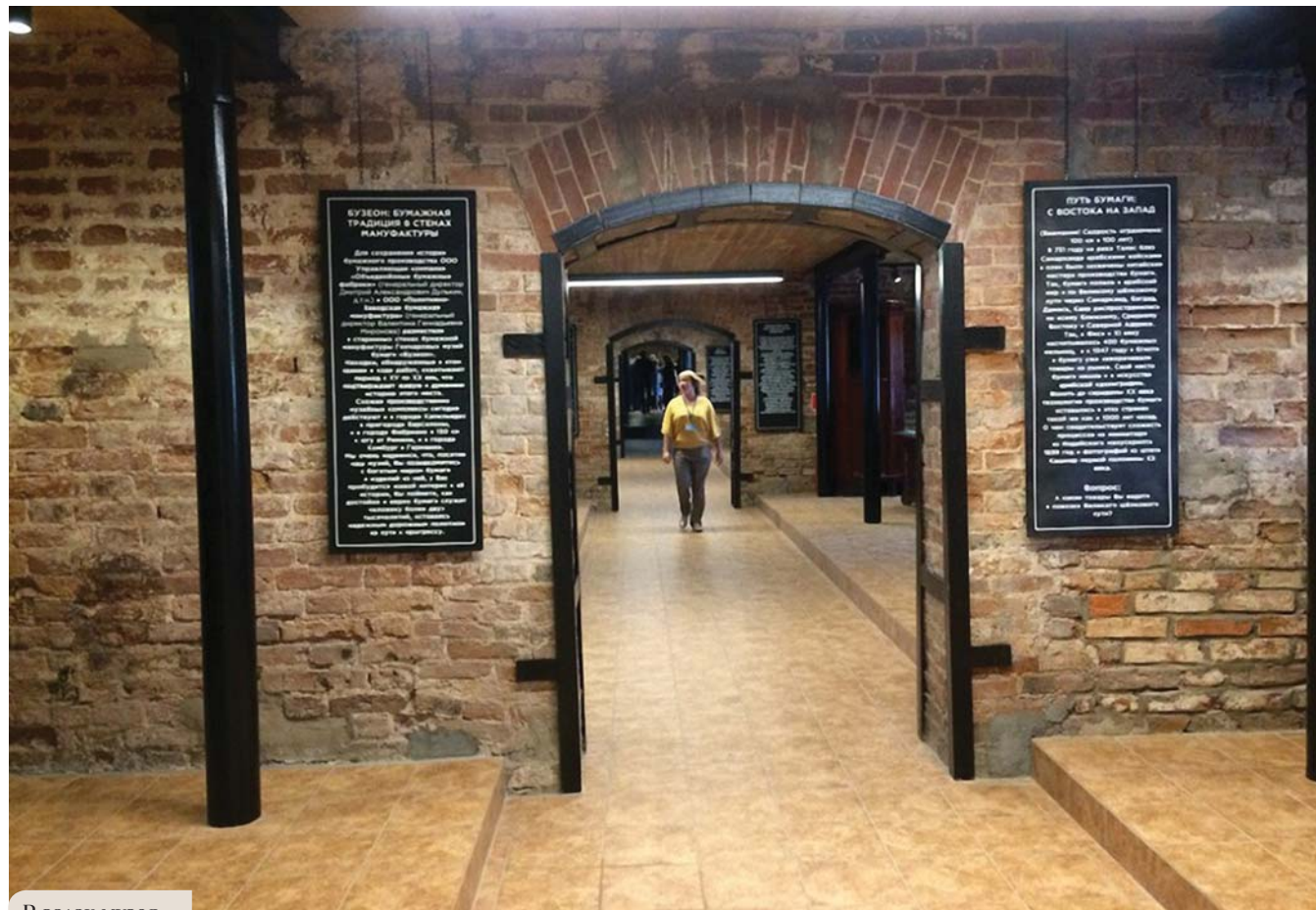
Особой гордостью музея стал зал ручного отлива бумаги, в котором собраны механизмы, связанные с производством бумаги разных эпох: это и действующий макет водяной молотковой мельницы XVII века в натуральную величину, и листоотливной лабораторный аппарат 1953 года, и печатный тигельный пресс 1961 года.

Тигельный пресс ПТ-4. 1961 г.

Макет бумагоделательной машины. Середина XX в.

В залах музея

В одном из залов музея. На переднем плане слева направо: В. Г. Миронова, генеральный директор ООО «ПЗБМ», В. С. Бабурин, председатель Законодательного собрания Калужской области, Н. Н. Григорьева, председатель Дзержинского районного собрания

К. В. Гавриленко демонстрирует работу интерактивной стены

Гости в зале музея бумаги «Бузеон»

Экспонаты музея бумаги «Бузеон»

С помощью интерактивной стены посетители музея смогут совершить виртуальную экскурсию по действующему бумагоделательному производству, побывать в цехах Полотняно-Заводской бумажной мануфактуры, увидеть хронику бумажных производств Советского Союза с 1920 по 1980-е годы.

Таким образом, мы попытались собрать в нашем музее черты экспозиций разных музеев: в части зарождения бумажного производства — Государственного музея Востока, в части истории технологий — Политехнического, в части советского периода — музея советской школы и др.

Всё это позволило рассказать в девяти выставочных залах музея бумаги «Бузеон» об истории создания и использования человечеством такого уникального и интересного материала как бумага.

Забывая об интерактивной компоненте музея бумаги, мы также попытались включить возможность вовлечения посетителя музея в живые мастер-классы: это возможность создать свой лист бумаги, собрать свою тетрадку, попробовать себя в качестве восточного каллиграфа, поучаствовать в мастер-классе по созданию декоративных изделий из бумаги, научиться за партой советской школы.

Конечно, после открытия музея бумаги «Бузеон» 24 августа 2018 года, нам предстоит ещё многое сделать: какие разделы расширить и дополнить, от каких-то — отказаться. Жизнь внесёт свои коррективы в красивое здание Бузеона, но несомненно одно: в Полотняном Заводе нам удалось создать настоящий музей истории бумаги и бумажной промышленности. Музей — ориентированный на лучшие образцы современного музейного дела как у нас в России, так и за рубежом.

Ждём Вас в гости! 📷

ЭТО ЗАГАДОЧНОЕ СЛОВО «БУЗЕОН»

Репортаж с открытия музея

Дмитрий Кузнецов,
член Союза писателей России

До недавнего времени слова такого в русском языке не существовало, как не было в России музея, посвящённого истории бумажного производства. Но вот с недавнего времени в Полотняном Заводе сразу появились и первый в стране музей бумаги, и его оригинальное название. «Бузеон»! — звучит необычно, современно, даже интригующе. Интрига же состоит в том, что абсолютное большинство из нас, постоянно пользуясь привычным благом цивилизации — бумагой, совершенно не представляет, как она делается, откуда берётся. Музей «Бузеон» призван это исправить: отныне каждый, побывавший в нём, будет в «бумажном плане» достаточно образован. Более того, посетители интерактивного музея смогут погрузиться в атмосферу жизни русской мануфактуры середины XVIII века и расположенного рядом рабочего посёлка — Полотняный Завод!

24 августа 2018 года на территории фабрики ООО «Полотняно-Заводская бумажная мануфактура», расположенной близ знаменитого дома Гончаровых, было необычайно многолюдно. Площадь перед фабричными зданиями заполнили празднично одетые люди, тут и там мелькали барышни в бальных платьях, кавалеры во фраках, играл камерный оркестр, и жаркое летнее солнце озаряло корпус

нового музея, который вот-вот примет первых посетителей. Именно о том, что и посетители будут первыми, и подобный музей в России — первый и единственный, «сказал в приветственном слове генеральный директор ООО «Объединённые бумажные фабрики» Дмитрий Дулькин. А принявший эстафету коммерческий директор фабрики Артём Дулькин добавил, что и в мире таких музеев один

На площади перед музеем во время церемонии открытия музея бумаги «Бузеон». 24 августа 2018 г.

Д. А. Дулькин, генеральный директор ООО «Объединённые бумажные фабрики»

В.Г. Миронова, генеральный директор ООО «ПЗБМ»

или два — не больше, потому, значение происходящего трудно переоценить. С этим полностью согласилась... появившаяся вдруг императрица Екатерина Великая (в исполнении Заслуженной артистки России Надежды Ефременко), которая похвалила за расторопность и деловую

хватку первого владельца фабрики Афанасия Абрамовича Гончарова (Заслуженный артист России Сергей Лунин). Императрица провидчески произнесла: «Попомни моё слово, Афанасий, пройдут века и установят тебе здесь если не памятник, то памятную доску!»

В роли А. А. Гончарова заслуженный артист России С. Лунин, в роли Екатерины Великой заслуженная артистка России Н. Ефременко

Праправнучки Д.Н. Гончарова (брата Н.Н. Гончаровой) Е.А. Сергеева (справа) и Т.А. Шведова открывают памятную доску основателю мануфактуры А.А. Гончарову

Директор музея бумаги «Бузеон» К.В. Гавриленко и генеральный директор ООО «Объединённые бумажные фабрики» Д.А. Дулкин открывают музей

В корень зрела Государыня, так и случилось. Организатору бумажного и полотняного производства в России, родоначальнику славного дворянского семейства Афанасию Абрамовичу Гончарову на старой фабричной стене была открыта изящно выполненная памятная доска! Честь снять с неё покрывало современное руководство фабрики предоставило приехавшим из Москвы на церемонию двум сёстрам, потомкам семьи Гончаровых — Татьяне Львовне Шведовой и Елене Львовне Сергеевой. Что-то неуловимое в их лицах напоминает о самой яркой представительнице рода, первой красавице России незабвенной Наталье Николаевне Гончаровой, ставшей женой великого Пушкина. Покрывало упало, памятная доска открыта!

Настал черёд второго — главного — этапа церемонии. Гости праздника подошли к дверям «Бузеона», ручки которых перевязаны алой лентой. Директор музея историк Константин Гавриленко с нескрываемым волнением развязывает символический узел. Миг, и — тяжёлые музейные двери распахнуты, люди проходят в помещение.

Надо сказать, что для непосвящённых «Бузеон» — как волшебная пещера Аладдина, таит в себе много сокровищ: необычных экспонатов, технических моделей... Есть даже действующий макет водяной молотковой мельницы в натуральную величину — произведение технической мысли XVIII века! Удивительно мастерски, кропотливо воссоздано в уменьшенном (модельном) варианте помещение бумагоделательного цеха двухсотлетней давности. На стендах — уникальные предметы, связанные с историей бумажного производства, в том числе варианты первых упаковочных материалов (амбалажей) с витиеватыми, набранными старым шрифтом надписями...

Присутствовавший на открытии музея председатель областного Законодательного собрания Виктор Бабурин (в 1981–1984 гг. — директор Полотняно-Заводской бумажной фабрики), не скрывал своего удивления: «Тут словно бы совершаешь путешествие в прошлое, настолько всё зримо и реально!».

Да, новый музей не зря именуется интерактивным, то есть — имеющим прямое взаимодействие с посетителями, которые именно погружаются в атмосферу старого времени. Музей и расположен в одном из первых фабричных помещений, и сами стены его — тоже подлинный исторический экспонат.

Праздник открытия «Бузеона», приуроченный к двум значимым в жизни Калужского края датам: 300-летию Бумажной фабрики и 300-летию посёлка Полотняный Завод, получился очень красивым, эффектным, запоминающимся. В музыкальной части блеснули замечательные певцы и музыканты Калуги, великолепно исполнила русские романсы актриса Ольга Петрова. Гости праздника искренне благодарили его организаторов за подаренную радость и — главное! — за бережное отношение к нашему историческому наследию, за музей «Бузеон». ❏

Праздник открытия музея «Бузеон»

Поёт актриса Ольга Петрова

«ПОЛОТНЯНЫЙ ЗАВОД – ЭТО НЕ ПЕРИФЕРИЙНАЯ ДЕРЕВНЯ, А МУЗЕЙ ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ»

Интервью с Валерием Васильевичем Сударенковым

Валерий Васильевич Сударенков руководил Калужской областью в трудный и противоречивый период 1990-х годов, когда, казалось бы, проблемы культуры, сохранения исторического наследия отошли даже не на второй, а на третий или четвёртый план. Тем не менее, период его «правления» стал для Калужского края своего рода ренессансным, — культурно-историческим проектам и инициативам был дан «зелёный свет». Одно из наиболее значимых дел того времени — реконструкция, а по сути возрождение из руин, Дома Гончаровых в Полотняном Заводе. Об этом — наш разговор.

— Вы можете вспомнить то время, когда началось возрождение Дома Гончаровых?

— Да, конечно. Реальные мысли о реставрации усадьбы, от которой, по сути, остались одни руины, появились в 1990-м году. Я тогда только вернулся из Средней Азии (с 1986 по 1990 год В. В. Сударенков занимал должность заместителя председателя Совета Министров Узбекской ССР. — Д. К.) и как-то сразу познакомился с Владимиром Влади-

мировичем Соловьёвым, пушкинистом, большим энтузиастом в плане продвижения различных культурных проектов. Он просто горел идеей возрождения усадьбы Гончаровых, «зажигал» ею и других людей. Однажды он привёз ко мне дальнего родственника Гончаровых — Николая Гончарова, бизнесмена из Соединённых Штатов. Николас Гончаров проявил бурный интерес к возможности восстановления усадьбы своих предков, говорил, что мы можем

рассчитывать на любую помощь с его стороны. И слова его как-то обнадёживали. Но это были просто слова. Однако они запали в душу. Действительно, нужно было восстанавливать родовое гнездо Гончаровых, тем более, что приближалось 200-летие нашего великого поэта.

— А от американского бизнесмена помощи так и не последовало?

— Он был очень экспрессивен. Собрал людей в Полотняном Заводе, выступил перед ними, призывая

помочь восстановить дом, поддержать его инициативу, начать работу и подарил кому-то один доллар бумажкой. На этом энтузиазм и закончился. Вероятно, его возможности тоже были ограничены, может быть, не всё складывалось с бизнесом... Что теперь судить. Но импульс был задан. Мы продолжали работать в этом направлении. И я встречался с праправнуком поэта Григорием Григорьевичем Пушкиным у него в Москве, мы говорили о том, каким может быть восстановленный Дом. Потом появились Черкашины...

— Это знаменитая семья пушкинистов?

— Да. Это удивительные люди. Лариса Андреевна Черкашина — писатель, историк, всё своё творчество посвятившая одной теме — семейному союзу Пушкина и Гончаровой. И её отец — Андрей Андреевич Черкашин, пушкинист до мозга костей, в юности освобождавший Полотняный Завод от немцев и тогда уже давший себе зарок, если останется жив, всю жизнь посвятить изучению биографии и родословной Пушкина. И он сделал эту родословную — «Тысячелетнее древо А. С. Пушкина: корни и крона», полвека над ней работал, и выпустил в свет уже в 1990-е годы. Постепенно стали подключаться и другие ревнители пушкинской славы. Таким образом сложилась у нас активная группа, которая побудила начать процесс восстановления усадьбы уже не в мечтах, а в реальности.

— Как складывался процесс восстановления Гончаровской усадьбы?

— Я бы выделил два этапа. Первый — с 1990-го по 1996-й год и второй — с 1997-го по 2000-й. Первый этап — это подготовительная сторона вопроса, оценки возможной стоимости работ, разработка реставрационного проекта...

Второй этап — уже непосредственные реставрационные работы, восстановление Дома как такового. Надо сказать, мы постоянно имели в виду приближающееся 200-летие Пушкина, то есть — июнь 1999 года. В связи с этим — я считаю, это большой удачей! — Калужская область вошла в государственную программу подготовки юбилея А. С. Пушкина. Там было выбрано пять или шесть территорий, которым уделялось особое внимание в процессе подготовки, в том числе и наша область. Больше того, от нас

Дом Гончаровых в 1930-е гг.

Дом Гончаровых в 1970-е гг.

Начало реставрации дома Гончаровых

А. А. Черкашин и Г. Г. Пушкин. 1990-е гг.

Л. А. Черкашина

Дом Гончаровых (вид со стороны р. Суходрев)

в Государственную комиссию по подготовке юбилея Пушкина вошли два человека: я как глава региона и Соловьёв Владимир Владимирович как представитель общественности. Ну, и связь с федеральным Министерством культуры была постоянной, мы чувствовали большую поддержку оттуда. Министерство проявило живой интерес, видя первые результаты нашей активной работы.

— Перемены в государственном устройстве, происходившие в то время, оказывали своё влияние?

—И очень значительное! В 1997 году административно-правовое устрой-

ство области приобрело ту форму, с которой мы сейчас живём. Область, как и другие российские регионы, получила статус большой автономии, собственное законодательство. Содержание областного бюджета уже ложилось на региональные власти. И мы имели свободу в выборе приоритетов финансирования тех или иных проектов. Тогда и началось: и восстановление дома Гончаровых, и капитальный ремонт Областного драматического театра, и реконструкция Музея Цветаевой в Тарусе, дома Батенькова в Калуге... Появилось много других объектов, подде-

жащих скорейшему восстановлению, чтобы область приобрела культурный облик. Новая администрация области, которую я возглавил в конце 1996 года, положила в основу своей работы восстановление культурно-исторических памятников. И первым номером шла усадьба Гончаровых в Полотняном Заводе.

— Финансирование восстановительных работ шло из областного бюджета?

— Частично. У нас всё-таки были хорошие связи с Министерством культуры России. И Егоров Владимир Константинович, бывший министром

Аллея в Гончаровском парке

В. В. Сударенков

в самом конце 1990-х годов, и Швыдкой Михаил Ефимович, ставший во главе министерства в 2000-м — бывали в Полотняном Заводе и поддерживали нас, в том числе и в финансовом отношении. Финансирование реставрационных работ, музеефикации — всё шло на федеральном уровне. Внутри области руководство Дзержинского района (в конце 90-х Михаил Павлович Локтев район возглавлял) очень хорошо реагировало на все наши просьбы и предложения. Виктор Сергеевич Бабурин, в прошлом глава Дзержинского района, а в моей администрации возглавлявший один из отделов, также был подключён к процессу восстановления дома Гончаровых. В целом же, всю практическую часть по реставрации усадьбы вёл мой заместитель, затем сменивший меня на посту губернатора, — Анатолий Дмитриевич Артамонов.

— А поддержку обычных людей, жителей Полотняного Завода в то время Вы чувствовали?

— Я не скажу, что это прикладная была поддержка. Чем уж таким реальным могли помочь жители посёлка? Но я не помню ни одной претензии, типа — к чему этим заниматься?... время тяжёлое... кругом дефицит, долги социальные... люди зарплаты не получают, а вы в усадьбу деньги вкладываете!.. Вот такого не было. Наоборот, внутренняя поддержка, радость от того, что дом Гончаровых преобразуется на глазах, из руин превращаясь в красивейший дворец, — это очень чувствовалось!

Дом Гончаровых. Кабинет хозяина

Дом Гончаровых. Столовая

Дом Гончаровых. Китайская комната

Дом Гончаровых. Бежевый зал

Дом Гончаровых. Танцевальный зал

Дом Гончаровых. Бильярдная

Ну, и существовала в тот период в Калуге очень хорошая неформальная организация ревнителей отечественной истории — «Добрая воля». Её молодые ребята составляли. Они реально помогали в уборке территории вокруг усадьбы, в очистке храмовых помещений...

— **Когда всё уже было сделано, когда преображённый дом Гончаровых засверкал чистотой, Вы помните свои чувства?**

— Помню... Я весь тот период, чуть ли не по дням помню. Но, честно скажу, форсажа, что мы должны к 6 июня 1999 года, к 200-летию Александра Сергеевича Пушкина, непременно открыть музей, не было. Стремление успеть к юбилею было. Но если бы мы и не уложились в срок и открыли бы дом Гончаровых позже, я бы не драматизировал ситуацию. Мы жили идеей, что Полотняный Завод — это не периферийная деревня (как представлялось ранее), а музей Пушкинской эпохи, основа же этого музея — Гончаровская усадьба. Но, конечно, 200-летие Пушкина, торжества в честь великого поэта, открытие отреставрированного Главного дома усадьбы — для меня это один из самых счастливых дней!

— **Каким Вам видится будущее Полотняного завода?**

— Полотняный Завод — место любви Пушкина — счастливое место, я так к нему отношусь, и сейчас он заявлен в масштабах страны как одно из значимых Пушкинских мест и мест, связанных с историей отечественной промышленности. Уже заканчивается восстановление Спасо-Преображенского храма, где крестились и отпевались поколения семьи Гончаровых, восстановлена родовая усыпальница династии. В декабре 2010 года утверждены границы охранной зоны объекта культурного наследия федерального значения «Усадьба Полотняный Завод».

Сейчас многое делается для того, чтобы знаменитый посёлок стал культурным центром международного уровня. Но предстоит сделать ещё больше. В настоящее время и у власти, и у общественности есть чёткое осознание того, что будущее Полотняного Завода, его прошлое и настоящее, связаны с именем великого поэта России. И это — огромный исторический дар не только посёлку, но и всему Калужскому краю. ■

ЗА ОТМЕННОЕ КАЧЕСТВО. ВЫСТАВОЧНЫЕ МЕДАЛИ ГОНЧАРОВЫХ

Елена Буянкина,

научный сотрудник музея-заповедника «Полотняный Завод»

В Полотняном заводе существует множество легенд о трехвековой истории этого места. Среди прочего, рассказывают, что качество выпускаемой в Полотняном Заводе бумаги получило высокую оценку императрицы Екатерины, посетившей фабрику в 1775 г. За это она пожаловала А. А. Гончарову золотую медаль и повелела быть ему поставщиком двора ея величества. Эта легенда, как и многие другие, не находит подтверждения в источниках и ни в коей мере не соответствует действительности. Но остаётся фактом то, что продукция фабрик Гончаровых, представлявшаяся на различные выставки в разные годы, действительно отмечалась медалями. Известно, что всего их было пять и изображение этих выставочных медалей, как зримое олицетворение отменного качества, украшали обёртку производимой бумаги.

Выставочные награды в России появились на самой первой в русской истории «Публичной выставке Российских мануфактурных изделий», проходившей в мае — июне 1829 года в Санкт-Петербурге. Мануфактурный совет при Департаменте мануфактур и внутренней торговли выдал 192 награды, и это притом, что в выставке участвовали 326 экспонентов — фабрикантов, ремесленников, купцов, мастеров и художников. Для их поощрения выделили следующие государственные награды: 16 больших и 35 малых золотых медалей, 38 больших и 17 малых серебряных медалей, 82 публичные похвалы и 4 денежные премии размером в 2500 рублей каждая. Впоследствии система наград, сложившаяся на пер-

вой русской выставке, сохранилась вплоть до февраля 1917 года. Для определения достоинства представленных экспонатов учреждались особые экспертные комиссии, в состав которых, наряду с государственными чиновниками, входили известные предприниматели, учёные, инженеры и общественные деятели. Решения о присвоении наград принимались

о присвоении наград принимались

Образцы упаковочной бумаги для блоков листов с бумажной фабрики Гончаровых. Последняя четверть XIX в.

Лицевая сторона (аверс) награжденной медали Первой публичной выставки Российских мануфактурных изделий. 1829 г.

Лицевая сторона (аверс) награжденной серебряной медали «За трудолюбие и искусство» Всероссийской мануфактурной выставки. 1870 г.

на основании заключений экспертных комиссий. Экспонентам высших сословий, промышленникам и купцам присуждались большие и малые золотые, серебряные и бронзовые медали, право изображения Государственного герба на изделиях и продукции, денежные премии, а также такие специфические формы поощрения как Высочайшее благоволение и публичная похвала в официальном описании выставки. Лучшие из лучших могли рассчитывать на право ношения золотых и серебряных выставочных медалей на орденских лентах. Лицам низших сословий, мастерам и рабочим полагались лишь малые серебряные медали, а также — специальные медали для ношения в петлице, похвальные листы и денежные премии. Со временем система выставочных наград развивалась, дополнялась и совершенствовалась, появились десятки самых различных видов медалей.

На одном из листов упаковочной бумаги фабрики Афанасия Николаевича Гончарова имеется изображение пяти медалей.

Первая медаль датирована 1829 годом.

А. Н. Гончаров (1760—1832) был владельцем двух производств: полотняной и бумажной мануфактур. В «Росписи вещам, выставленным в первую публичную выставку российских изделий в С. Петербурге 1829 года» значит, что в отделе «Льняная и пеньковая пряжа и изделия из оных» под № 85 представлено парусное полотно «фабрики На-

дворного Советника А. Н. Гончарова, Калужской Губернии в Медынском уезде». В отделе «Бумажная пряжа и бумажные изделия» продукции его фабрики представлено не было. Таким образом, есть основание полагать, что данная медаль была получена за отменное качество полотна. Известно, что бумага производилась из отходов парусного полотна, поэтому мануфактуры были единым производственным комплексом. Следовательно, потомки А. Н. Гончарова имели право разместить изображение данной медали на упаковочной бумаге своего производства.

На всех медалях «Первой публичной выставки Российских мануфактурных изделий» 1829 года имелось одинаковое изображение: на аверсе — профиль Императора Николая I, по окружности надпись «Б. М. НИКОЛАЙ I ИМПЕРАТОРЬ И САМОДЕРЖЕЦЬ ВСЕРОСС.», на реверсе — в обрамлении венка из дубовых листьев надпись «ЗА ТРУДОЛЮБИЕ И ИСКУСТВО ОТЪ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВЪ». Надпись «За трудолюбие и искусство» (с одним «с»), под ней — выгравированная фамилия награжденного экспонента и дата — 1829 г. Впоследствии, во времена царствования императоров Александра II, Александра III и Николая II данный вид медали стал шаблоном (в хорошем понимании этого слова).

Вторая медаль датирована 1831 годом.

17 мая 1831 г. в Москве в 18 залах и комнатах верхнего этажа и бельэта-

же Дома Российского Благородного Собрания на Большой Дмитровке была открыта торгово-промышленная выставка — вторая после Всероссийской выставки мануфактурных изделий 1829 года в Санкт-Петербурге. В этом смотре приняли участие 570 экспонентов, представивших около 6000 предметов. После осмотра экспозиции экспертами, членами комитета выставки и Мануфактурного совета лучшие участники были представлены к наградам. Было выдано 12 больших и 28 малых золотых медалей, 32 больших и 70 малых серебряных медалей. Восьми участникам пожаловали право помещать изображение Государственного герба на вывесках и изделиях, ещё восемь получили особые награды — ордена и звания коммерж- и мануфактур-советников, 14 участникам вручили золотые медали на орденских лентах. По материалам Центрального Государственного Архива Древних Актов (далее ЦГАДА), Афанасий Николаевич Гончаров получил на этой выставке серебряную медаль за качественную писчую бумагу. На аверсе медали профильный портрет Николая I, по окружности надпись «Б. М. НИКОЛАЙ I ИМПЕРАТОРЬ И САМОДЕРЖЕЦЬ ВСЕРОСС.», на реверсе в обрамлении венка из дубовых листьев надпись «ЗА ТРУДОЛЮБИЕ И ИСКУСТВО ОТЪ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВЪ», под ней — выгравированная фамилия награжденного экспонента и дата — 1831 г.

Третья медаль датирована 1870 годом.

На проходившей в Санкт-Петербурге в Соляном Городке в 1870 г. Всероссийской Мануфактурной выставке была представлена продукция бумажной фабрики Дмитрия Дмитриевича Гончарова-старшего (1838—1900). По «Положению об экспертах и наградах Мануфактурной выставки 1870 года в Санкт-Петербурге» экспонентам присуждались следующие награды: а) почётные отзывы, б) денежные премии, в) похвальные медали, г) право употреблять на выставках и изделиях изображения Государственного герба. Число почётных отзывов не определялось, а на выдачу денежных премий было назначено 10 тыс. рублей. Похвальные медали — золотые, серебряные и бронзовые изготовлялись по особо утверждённому

Лицевая (аверс) и обратная (реверс) стороны Большой золотой медали Московской политехнической выставки. 1872 г.

для них рисунку, с обозначением имени награжденных экспонентов. Наградных медалей было: золотых — 50, серебряных — 160, бронзовых — 500. В «Отчёте о Всероссийской выставке 1870 года в Санкт-Петербурге» значится информация о том, что по итогам выставки за хорошее качество некоторых сортов бумаги Д. Д. Гончаров — старший был награжден бронзовой медалью. На аверсе медали профильный портрет императора Александра II, по окружности надпись «АЛЕКСАНДР II ИМПЕРАТОРЬ И САМОДЕРЖЕЦЬ ВСЕРОССИЙСКИЙ», на реверсе — в центре имя награжденного, по окружности надпись «ВСЕРОССИЙСКАЯ МАНОФАКТУРНАЯ ВЫСТАВКА 1870».

Четвёртая медаль датирована 1872 годом.

В 1872 г. в Москве состоялась знаменитая Политехническая выставка. Это одна из крупнейших в России выставок XIX в., отразившая дости-

жения в области промышленности, сельского хозяйства, транспорта, военного дела, науки, техники и культуры. В 1872 году Санкт-Петербургским монетным двором к выставке были выпущены медали Императорского Общества любителей естествознания. В газете «Вестник Московской политехнической выставки» от 14 октября 1872 г. (№ 152), имеется информация о том, что по итогам выставки Дмитрий Дмитриевич Гончаров-старший был удостоен Большой золотой медали за коллекцию по писчебумажному производству. На аверсе-изображение двуглавого орла, по наружной окружности надпись «МОСКОВСКАЯ ПОЛИТЕХНИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА 1872 года.». На реверсе — в венке из дубовых и лавровых листьев надпись: «ПРИЗНАТЕЛЬНОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ ПРИ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ 15.X.1863 г.».

Лицевая (аверс) и обратная (реверс) стороны серебряной медали Всероссийской промышленной художественной выставки. 1896 г.

Пятая медаль датирована 1896 годом.

XVI Всероссийская промышленная и художественная выставка открылась 28 мая 1896 г. Демонстрировались лучшие достижения отечественной промышленности. Выставка стала показателем возросшей экономической мощи России. Награды разного достоинства получили 5925 человек из 9700 экспонентов, принявших участие в выставке. Таким образом, почти 2/3 общего числа экспонентов были удостоены похвальных наград. Из числа награжденных 255 экспонентов получили самую высокую награду — золотые медали и право изображения Государственного герба на своих изделиях, вывесках и рекламе. Серебряные медали получили 997 экспонентов, бронзовые медали — 1237. Остальные были награждены дипломами, похвальными отзывами и денежными премиями. Дмитрий Дмитриевич Гончаров-старший на этой выставке представлял продукцию бумажной мануфактуры. В «Альбоме участников Всероссийской Промышленной выставки в Нижнем Новгороде 1896 г.» имеются сведения о том, что по итогам этой выставки Д. Д. Гончаров был удостоен серебряной медали. На аверсе медали профильный портрет Николая II, по окружности надпись «Б. М. НИКОЛАЙ II ИМПЕРАТОРЬ И САМОДЕРЖЕЦЬ ВСЕРОСС.», на реверсе — аллегорическое изображение России в виде женщины, которая осеняет венком колена преклоненных мужчину и женщину. На заднем плане выставочные павильоны и надпись по окружности: «ВСЕРОССИЙСКАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА 1896 Г. Н.-НОВГОРОД».

Участие в выставках не только демонстрировало успехи мануфактуры, служило прекрасной рекламой её изделиям, но и содействовало дальнейшему совершенствованию продукции, расширению и обновлению ассортимента. С другой стороны, знакомство Гончаровых с новинками в своей отрасли расширяло их кругозор, способствовало дальнейшему развитию производства. В наши дни ООО «Полотняно-Заводская бумажная мануфактура» продолжает традиции прошлых веков и является постоянным участником международных и российских выставок. ■

ЖЕМЧУЖИНА ГУБЕРНИИ

ВЕРШИНА РУССКОГО КЛАССИЦИЗМА

Дворец Щепочкина в Полотняном Заводе

А. А. Любимов,
г. Москва

Полотняный Завод представляет собой уникальное сочетание парусно-полотняной фабрики, бумажной мануфактуры и родовых имений компаньонов-совладельцев А. А. Гончарова и Г. И. Щепочкина. До наших дней от этого комплекса в сохранности дошёл только главный дом усадьбы Г. И. Щепочкина — один из самых ярких памятников русского классицизма начала XIX в., за которым по праву закрепилось название — дворец.

Известный исследователь архитектуры Е. В. Николаев в книге «По Калужской земле» так характеризовал это уникальное здание: «Дом Г. И. Щепочкина поставлен над рекой, на самом краю обрыва. Ясным, белым объёмом он отчётливо рисуется на фоне далей. Суходрев делает здесь сильный поворот, и открывается вид вдоль реки, теряющейся у горизонта. Второе такое место найти трудно не только в Полотняном, но и во всей Калужской области — удивительное сочетание простора и уюта. Фасады дома поражают различием настроений и чувством масштаба: дворовый фасад спокоен, прозаичен, а фасад в сторону реки полон возвышенной красоты. Портик неспроста устроен именно с этой стороны: его крупные колонны видны издали. Дом почти лишён украшений, но кажется необычайно нарядным и изысканным».

Появление дома на этом месте неразрывно связано с историей полотняной фабрики. Как известно её начало восходит к 7 марта 1718 г., когда по именному указу Петра I Тимофею Филатовичу Карамышеву было

велено «для дела парусных полотен заводы в том месте, где приищет, с платежом с того места и мельницы оброку буде онои его императорского величества, а буде помещичьи со обыкновенным наймом построить и тот завод умножить и к тому заводу работных людей сколько понадобится нанимать и всякие припасы покупать и в том запрещении никакого некому не чинить и те парусные полотна в российском государстве продавать и в другие государства для продажи посылать с платежом обыкновенных пошлин свободно». Имеющиеся документы указывают, что Карамышев был выходцем из подмосковных дворянских крестьян. В этом случае Пётр I мог знать Карамышева лично, и, имея сведения о его способностях и деловых качествах, поручил ему решение важного государственного дела. Место для нового производства было выбрано на церковной земле церкви Спаса на Взгомнях. 30 января 1720 г. вследствие прошения Карамышева последовало определение Берг и мануфактур коллегии «те парусные и бумажные полотна делать в Ярославце малом на церковной земле,

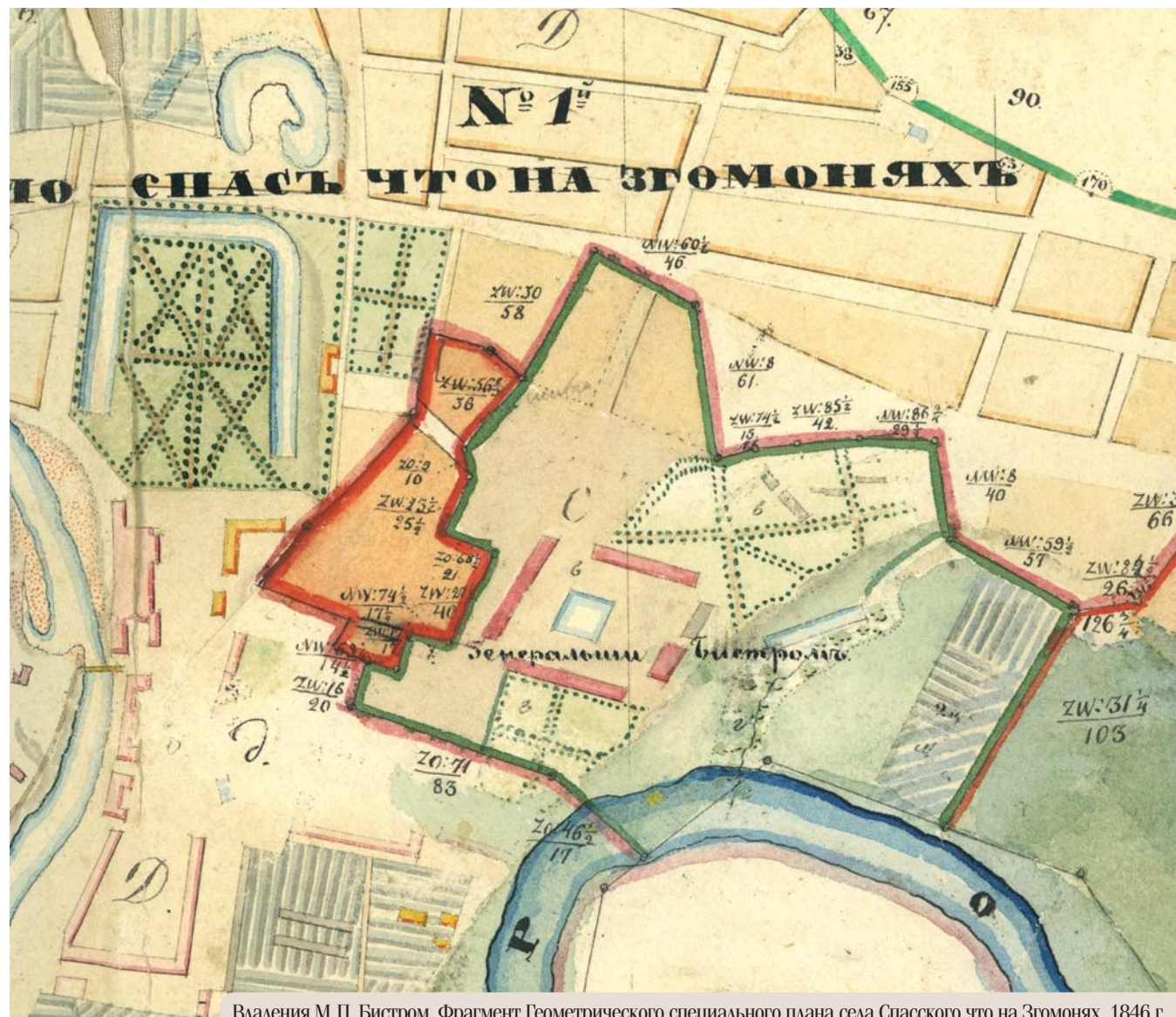
Дом Щепочкина в Полотняном Заводе. Фото начала XX в.

которую он нанял и для того заводу построил мельницу, и к тому принять в компанию из купечества свободных двух человек, кого он похочет, и к государевым делам ево и тех ево двух товарищей и детей их, кои с ними в одних домах живут, выбирать не велеть, да при той же парусной фабрике построить ему бумажную мельницу своим коштом и делать бумагу картузную, обёрточную и нижнюю

пищу, и какая может в действо произойти, которая была добротою против заморской». 31 января 1732 г. по прошению Карамышева был заключён контракт с «калуженином» посадским человеком Афанасием Абрамовичем Гончаровым и племянником Карамышева Григорием Ивановичем Щепочкиным на принятие их обоих в компанию. При этом Карамышев отмечал,

Дом Щепочкина. 1950-е гг.

Владения М. П. Бистром. Фрагмент Геометрического специального плана села Спасского что на Згомонях. 1846 г.

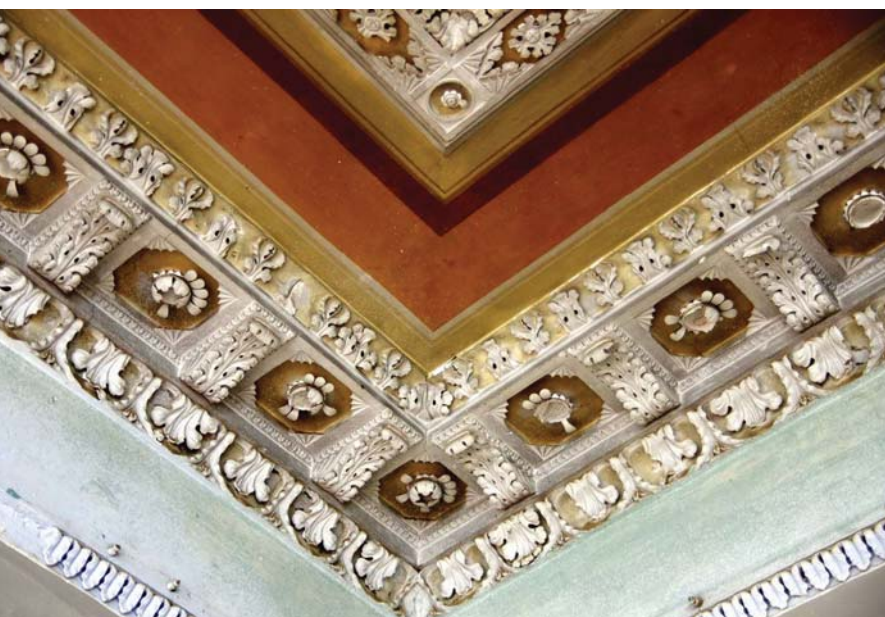
что оба они «сначала при заведении и размножении оных парусной и бумажной фабрик ревностное старание ко основанию имеют и во оные как в строение, инструменты и материалы, так за купленные и закладные земли положили капиталу» Гончаров — 15 тысяч рублей, а Щепочкин — 5 тысяч рублей.

Создание кампании произошло незадолго до смерти Карамышева, которая последовала в феврале 1732 г. Полотняная и бумажная фабрики оказались в руках его вдовы Устины Григорьевны, двух малолетних дочерей — Татьяны и Марии, компаньонов Гончарова и Щепочкина. 16 февраля 1732 г. следует указ о признании Гончарова и Щепочкина «действительными компаньщиками», которым было велено производить фабрики в наилучшее и достойное состояние и принимать людей вольных и крепостных. Вскоре вдова Карамышева вышла замуж за фабриканта Фёдора Подсевальщикова и «от тех фабрик добродотно отрешилась». По раздельному акту 4 марта 1733 г. она вышла из компании, забрав свои деньги и деньги дочерей. В ноябре 1733 г. полностью сгорела бумажная фабрика, которая была восстановлена на деньги Гончарова.

27 февраля 1735 г. «компанейщик» Щепочкин и «содержатель» Гончаров учинили при свидетелях «полюбовную запись» в том, «чтоб оные фабрики были в добром порядке и каждой о содержании б своей части прилежнее рачить мог». По разделу Г. И. Щепочкину и его жене Наталье Прокофьевне, урождённой Демидовой, досталось три жеребья, «а именно из парусной фабрики десять светлиц старых против палат, а в них шестьдесят станов со инструментами и с мастерами и с их жёнами и с детьми и с самопрятками, десять человек чесальщиков счётом с жёнами и с детьми и с самопрятками ж, три человека мыларей, один товарковский столяр, из купленных людей Тимофей Аверкиев сновальщик один, десять колёс с цевочниками, старые хозяйские хоромы, десять берд новых, котёл мыляренной, из лошадей жеребца немецкого, две кобылы серых, десять лошадей рабочих, труба пожарная». Таким образом, с этого времени в Полотняном Заводе стали параллельно действовать бумажная и полотняная фабрики в Суходровской волости, Малоярославецкого уезда А. А. Гончарова и парусно-полотняная фабрика на реке Суходрове в Товарковском стане Г. И. Щепочкина.

Интерьеры дома Щепочкина

Именно после 1735 г. Щепочкин начинает осваивать то место, где сегодня возвышается дворец. Выстраивая каменные здания полотняной фабрики, Григорий Иванович позаботился и о возведении собственного каменного дома, который должен был соответствовать статусу. Вероятно, Щепочкин, как и его дядя Карамышев, был выходцем из подмосковных дворцовых крестьян. Вместе с тем, Григорий Иванович в документах разного происхождения (договоры, исповедные ведомости, вкладные книги и др.) указывается не иначе как «содержатель фабрики». Эта формула, и определяла его социальный статус, который был достаточно высоким. При Петре I фабрики разрешалось учреждать лицам любого звания и сословия, которые в этом случае получали ряд льгот, в том числе — освобождение от рекрутской повинности, податей и налогов. Поэтому в первой половине XVIII в., когда ещё шёл процесс формирования сословий, хозяин фабрики по своему социальному положению был достаточно близок к привилегированному сословию. Об этом можно судить хотя бы потому, что Григорий Иванович был женат на Наталье Прокофьевне Демидовой, дочери известного промышленника Прокофия Акинфиевича Демидова, а его сыновья сделали «дворянскую карьеру» на военной службе. Они, как было положено дворянам, служили в гвардии и получали офицерские чины, дававшие право на потомственное дворянство. Например, Павел Григорьевич Щепочкин, наследовавший фабрику в Полотняном Заводе, в 1775 г., примерно в 8 лет, был записан в гвардию, дослужился до чина каптенармуса и в 1781 г., когда умер его отец, 14 лет от роду по болезни отставлен из лейб-гвардии Преображенского полка с чином армии поручика «за добропорядочную ево службу». Таким образом, можно констатировать, что «содержатель фабрики» Г. И. Щепочкин обеспечил своим детям возможность сословного роста, благодаря чему род Щепочкиных уже во втором колене оказался в числе дворянских родов Российской империи.

Сегодня каменный дом, построенный Г. И. Щепочкиным, судя по сохранившимся оконным проёмам во внутренних помещениях, оказался «поглощён» дворцом, возведённым уже его сыном — Павлом Григорьевичем. Этот уникальный памятник русского зодчества эпохи классицизма был построен, вероятно, в 1810-х гг. Особую ценность этому дому придаёт то, что на втором, парадном, этаже, сохранились подлинныя печи, лепнина и росписи начала XIX в. По технике изготовления лепнина дома Щепочкина идентична лепнине в доме Золотарёвых в Калуге, который строился в 1805–1808 гг. Это указывает на то, что дом в Калуге и дворец Щепочкина отделяли одни и те же мастера. Традиционно считается, что внутреннее убранство дома Золотарёвых создавалось мастерской российского скульптора итальянского происхождения С. П. Кампиони.

Анализ росписей плафонов показывает, что в них превалирует героическая тематика, выраженная в постоянном повторении парящих или сидящих орлов, изображении знамён, воинских сцен и триумфальной колесницы богинь военной стратегии

и мудрости Афины и победы Ники. Торжественный воинственно-победный пафос оформления плафонов, по всей видимости, является прямым отражением одержанной в 1812 г. победы над Наполеоном. И, вероятно, не случайно, в самом большом — парадном танцевальном зале на плафоне по периметру стилизованного отверстия в потолке сидят двенадцать орлов, держащих в клюве гирлянды с цветами, и по потолку изображены двенадцать медальонов с профилями людей.

Следует отметить, что у П. Г. Щепочкина от брака с Александрой Гавриловной, урождённой Поливановой, было девять дочерей: Надежда (1791 — до 1801); Наталья (1792 —?), замужем за полковником Павлом Сергеевичем Чебышёвым (1789–1829); Александра (1794 —?), замужем за полковником Шамшевым; Ольга (1796–1822), замужем за генерал-лейтенантом Моисеем Ивановичем Карпенковым (1775–1854); Елена (1797 —?), замужем за генерал-майором Василием Дмитриевичем Мещериновым (1776–1853); Мария, замужем за генерал-лейтенантом Антоном Антоновичем Бистромом (1789–1854), вторым браком; Екатерина, замужем за полковником Трегубовым; Елизавета, замужем за полковником Краснопольским; Анна, в первом браке за штабс-капитаном Фёдором Ипометовичем Сухотиным, а во втором за генерал-майором Артамоном Ивановичем Киселевским. Как видно, все зятья Павла Григорьевича были военными. Многие из них стали участниками войн с Наполеоновской Францией, в том числе и Отечественной войны 1812 г. Что касается самого П. Г. Щепочкина, то будучи одним из богатейших помещиков Медынского уезда, он выставил в 1812 г. в Калужское ополчение 87 пеших и 9 конных ратников.

Дворец Щепочкина, наполненный эпическим пафосом, вместе с тем очень лиричен. Он настолько гармонично вписан в ландшафт, что стал неразрывной частью окружающей его природы. Возвышающийся над рекой Суходрев холм гармонично продолжает впадину внушительным портиком, устремлённым к небу. И в этом удивительном сочетании творения человеческих рук и природы неповторимая уникальность этого места, проникнутого романтическим духом. По мнению искусствоведов, дворец Щепочкина стал определённой вершиной в усадебной архитектуре эпохи русского классицизма.

Так, Е. В. Николаев, описывая убранство дома, замечает: «Когда минуешь лестницу и вестибюль, разделённый колоннами на две части (забавно, что плафоны в обеих его половинах одинаковы), дом ещё кажется очень скромным. Но уже зал встречает нас во всей красе — небольшой, светлый, с великолепной фаянсовой печью и тонкими лепными карнизами (в каждой комнате дома они разные). Величие и теплота, эти два качества, на первый взгляд столь противоположные, прекрасно уживаются в памятниках русского классицизма. На плафоне зала изображены музыкальные инструменты, напоминающие о музыке, звучавшей здесь во время концертов, балов и обедов. Сквозь распахнутые двери зала была видна длинная анфилада, замыкавшаяся когда-то росписью на стене последней из комнат.

Роспись стен одной из комнат дома Щепочкина. Начало XX в.

В центре, за белокаменной колоннадой портика, находится большая гостиная — пышная, многоцветная, с величественными печами четырехметровой высоты. Тонкостью исполнения печи могли бы поспорить с мраморными скульптурами, а сделаны они из грубого фаянса. Но главное украшение комнаты — вид из окон. Природа врывается в дом, и на память приходят слова первого на Руси теоретика садово-паркового искусства А. Т. Бололтова о том, что «хорошие виды и прекраснейшие положения мест, а особливо лежащие вдали, видимые из окон дома и изображающие бесчисленные красоты природы, всякий дом несравненно делают веселейшим». Однако заказчикам мало было видов из окон и росписей плафонов: стены комнат тоже были расписаны пейзажами — рощами, руинами, мостиками, переброшенными через овраги, — так сильна была наивная жажда приблизиться к природе, а точнее — приблизить к себе природу».

В этом романтическом дворце жило много разных людей. Его стены хранят память о нескольких поколениях Щепочкиных. После смерти Павла Григорьевича 16 октября 1834 г. дворец переходит его дочери Марии Павловне Бистром. И именно в нём несколько недель прожил после венчания 7 июня 1850 г. в усадьбной Спаса-Преображенской церкви знаменитый военный хирург Николай Иванович Пирогов (1810–1881) и его молодая жена Александра Антоновна, урождённая Бистром (1828–1901) — внучка Павла

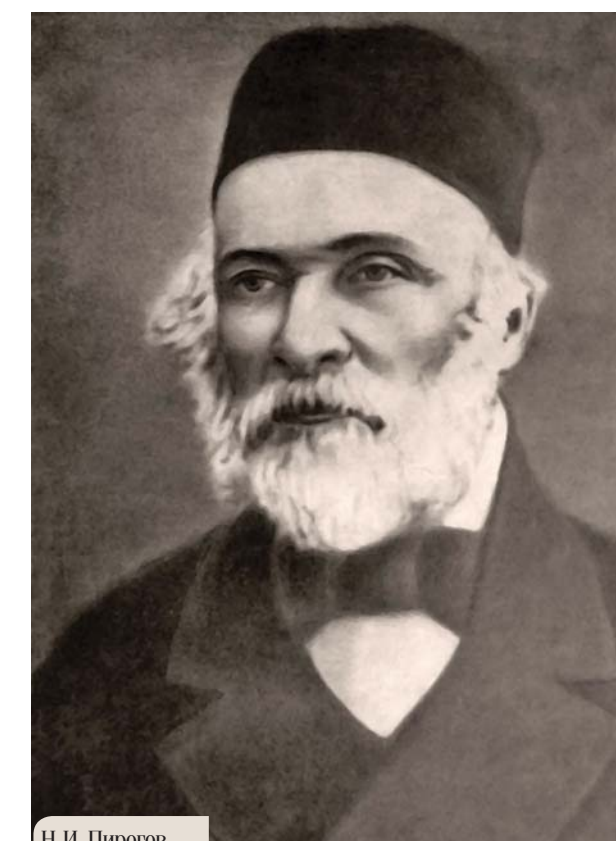
Израццовая печь в доме Щепочкина

Лестница от парадного входа на второй этаж

А.А. Пирогова (Бистром)

Н.И. Пирогов

Первомайский митинг у школы (дома Щепочкина). 1960-1970-е гг.

Григорьевича Щепочкина. Это был второй брак Пирогова. Позже, вспоминая о сватовстве, он писал об Александре Антоновне: «И мы пошли, знакомые уже полжизни, рука в руке, и говорили целый вечер без волнения, ясно, чисто об участии моих детей, их воспитании, решении для них вопросов жизни. И сходство чувств пожатием руки

обозначалось. Как друга старого, так просто и спокойно, она взяла меня за руку и повела принять отца и матери благословенье. Вот Вам моя поэма. Судите, как хотите, но кто же может это быть, как не она?».

Именно Александра Антоновна Пирогова в середине XIX века унаследовала дворец Щепочкина. В кон-

Вид на дом Щепочкина с реки Суходрев. 1976 г.

Проектное предложение по организации парковой территории Института искусства реставрации

це XIX века он был продан купцу Ершову. В 1909 году на третьем этаже была открыта школа. После смерти Ершова, следуя его завещанию, дворец перешёл Александре Прохоровой. В том же 1910 году она перевела полученное наследство на имя своего мужа Даниила Семёновича Прохорова. Школу в доме супруги оставили. Кроме того, хозяин на свои деньги построил молельню, а в большом зале дома установил иконостас.

После революции дом был национализирован и использовался под разные учреждения. В годы Великой Отечественной войны, в отличие от дома Гончаровых, дом Щепочкина уцелел. После освобождения посёлка здание было приведено в порядок и в нём была устроена средняя школа, которая просуществовала до начал XXI в.

В январе 2008 г. дворец Щепочкина был передан Калужскому областному краеведческому музею (ныне — Калужский объединённый музей-заповедник) и закон-

сервирован. В 2012 г. силами Института искусства реставрации был подготовлен эскизный проект, который, после прохождения государственной историко-культурной экспертизы, лёг в основу проводимых сегодня комплексных ремонтно-реставрационных работ. В этот промежуток дворец активно использовался при съёмках многих отечественных фильмов и сериалов, в том числе двух сезонов детективного сериала «Марьяна роща» (2012–2014 гг.). В международный день музеев 18 мая 2017 г. парадные залы дворца открыли свои двери для посетителей, которые своим присутствием вдохнули в него новую жизнь. Пройдя через века, уникальный памятник русского классицизма — дворец Щепочкина, возвращается к людям, и не за горами тот день, когда его величественно-романтический образ во всей своей красе засияет над рекой Суходрев, поражая и восхищая многочисленных посетителей Полотняного Завода. ■

СТАРАЯ КАЛУГА

ПОСЕЩЕНИЕ КАЛУГИ ИМПЕРАТРИЦЕЙ ЕКАТЕРИНОЙ II В 1775 ГОДУ

Виталий Бессонов,
кандидат исторических наук

Приезд императрицы Екатерины II в Калугу в 1775 г. является одной из значимых страниц в истории Калужского края. По мнению большинства исследователей прямым следствием этого посещения стало учреждение в 1776 г. Калужской губернии (наместничества).

Основным источником, содержащим наиболее полную и достоверную информацию о визите Екатерины II в Калугу, является Камер-фурьерский церемониальный журнал. Согласно сделанным записям почти весь 1775 г. императрица прожила в Москве, откуда выезжала для знакомства с лежащими вблизи городами, монастырями, заводами и усадьбами. 12 декабря 1775 г. императрица в сопровождении 20 человек отправилась познакомиться

с городами Московской губернии: Серпуховом, Тулой и Калугой. Если Серпухов был приписан к Москве, то Тула и Калуга являлись центрами одноимённых провинций. В 1775 г. в состав Калужской провинции, помимо Калуги, входили Серпейск, Мосальск, Перемышль, Козельск, Мещовск, Лихвин и Одоев. В каждом из этих городов был воевода с товарищем и секретарь. В Калуге, как провинциальном центре, находился прокурор и вместо одного было три секретаря.

Свиту выехавший из Москвы императрицы составляли: фрейлины А. А. Полянская, А. С. Протасова и Е. А. Сенявина, граф П. А. Румянцев, граф Г. А. Потёмкин, граф И. Г. Чернышёв, Л. А. Нарышкин, граф Я. А. Брюс, Г. Н. Орлов, С. М. Козмин,

А. Л. Щербачев, М. В. Муромцев, А. А. Волков, камергеры Е. А. Чертков и князь С. С. Гагарин, камер-юнкеры М. С. Потёмкин и А. Н. Самойлов, состоявший в должности шталмейстера генерал-майор В. М. Ребиндер, полковник П. В. Завадовский, флигель-адъютант С. Н. Салтыков.

15 декабря, во вторник, Екатерина II в 10 часов отправилась Тульскую соборную церковь, после посещения которой выехала в Калугу. Путь императрицы лежал до деревни Олешин, где была перемена лошадей. Затем, до села Титово, принадлежавшего московскому купцу и фабриканту М. А. Милютину, где в доме хозяина был приготовлен обед. Екатерина II въехала в село в половине 2-го и была встречена у крыльца дома хозяином с хлебом и солью. Милютин «поднёс разную живую рыбу, и препровождал Ея Величество в покои, где и соизволила кушать со всеми находящимися в свите персонами». Здесь императрица «соизволила допустить к руке приехавших из Калуги, для встречи на половине дороги, старшин гражданства, кои подносили хлеб и соль и разные фрукты». Отобедав, Екатерина II, в 4 часа покинула Титово.

Усадебный дом в селе Титово, где потчевали обедом императрицу, не сохранился. Но в Титово ещё стоит заброшенная, постепенно разрушающаяся, Никольская церковь 1776 г., которая, по преданию, была построена М. А. Милютиным в память посещения села Екатериной II.

По дороге, в деревне «Песошни» (Песочня), была перемена лошадей

и в 10-м часу вечера императрица въехала в Калугу. «И как Ея Императорское Величество соизволила прибыть к городу, то началась из полковых пушек пальба и во всём городе у церкви колокольный звон, а от всего гражданства учинено стреление с хлебом и солью, у ворот триумфальных, нарочно построенных».

Запись камер-фурьерского журнала дополняет информация из «Рукописи 1791 г.». В ней говорится, что «всё лучшее купечество с жёнами и детьми их, в лучших одеждах, ожидали прибытия её императорского величества при въезде в город, у построенных на сей случай купечеством триумфальных ворот». В «Рукописи 1791 г.» говорится, что при въезде императрицы в город «производилась из купеческих пушек пальба, при церквях же колокольный звон, а народ кричал: «Ура! Ура!». И хотя в сие время случилась ненастная погода — дождь и потоп, морозы — но всё сие усердно желающий зреть милосердную свою монархиню народ не отвлекало». Как видно, при встрече императрицы использовались не боевые орудия, а салютные пушки, которые принадлежали калужским купцам. Относительно этих пушек, протоиерей Никитской церкви Стефан Иванов переписавший и исправивший в 1823 г. «Рукопись 1791 г.», делает уточнение, что они были отданы в Никольскую церковь. Следует отметить, что Стефан Иванов был современником описываемых событий. В предисловии к «Рукописи 1791 г.» указывается, что он родился 26 июля 1756 г. и был сыном дьячка Воскресенской церкви (Калужского уезда), следовательно, в 1775 г. ему было 19 лет и, вполне возможно, что он сам был участником встречи Екатерины II.

В данном месте следует обратить внимание на вопрос, о каких триумфальных воротах идёт речь и где они располагались. В среде калужских краеведов глубоко укоренилось мнение, что Екатерину II жители города встречали у каменных Московских ворот, и именно они были специально выстроены к приезду императрицы. Этой традиции противоречит то, что Екатерина II ехала не со стороны Москвы, а со стороны Тулы, поэтому триумфальные ворота должны были находиться на въезде в город, но только в другой части города. Принимая в расчёт время года и сжатые сроки строительства (поездка императрицы

Фрагмент «Плана старого положения губернского города Калуги с посёлёнными при нём слободами». Составлен около 1779 г. 1. Место, на въезде в Калугу по Тульской дороге, где могли быть построены в 1775 г. триумфальные ворота, в честь императрицы Екатерины II. Расположено вблизи пересечения современных улиц Салтыкова-Щедрина и Степана Разина; 2. Место расположения Никольского храма, перенесённого в 1775–1779 гг. «общественным городским коштом» с городской площади. В этом храме хранились купеческие пушки, салютовавшие 15 декабря 1775 г. Екатерине II.

Салютная (сигнальная) пушка. Вторая половина XVIII в.

Никольская церковь села Титово. Построена в 1776 г. М. А. Милютиным. По преданию, строилась в память посещения села Екатериной II. 1996 г.

Никольский храм. Фотография конца XIX — начала XX века. Из частного собрания Д. В. Монахова

Торжественный молебен у Московских ворот по случаю возвращения 5-го гренадерского Киевского полка с Русско-Гурецкой войны 1877–1878 гг. 1 октября 1878 г.

в Калугу не планировалась задолго до её осуществления), можно предположить, что к встрече Екатерины II калужским купечеством были сооружены деревянные триумфальные ворота, которые до наших дней не сохранились. По всей видимости, установлены они были на Тульской дороге у въезда в город, вблизи места пересечения современных улиц Салтыкова-Щедрина и Степана Разина. Так же обращает на себя внимание факт переноса в 1775–1779 гг. «общественным городским коштом» Никольской церкви с городской площади на Козинку (в Козью Слободку, располагавшуюся на левой стороне Жировского ручья на восточной окраине города), строительство, вместо деревянного, каменного храма и передача в эту церковь пушек салютовавших Екатерине II. Всё это, вероятно, было сделано не случайно, и новый Никольский храм, установленный на краю города, на возвышенности, хорошо видный со стороны Тульской дороги, мог современниками рассматриваться в качестве памятника, посвящённого приезду Екатерины II в Калугу.

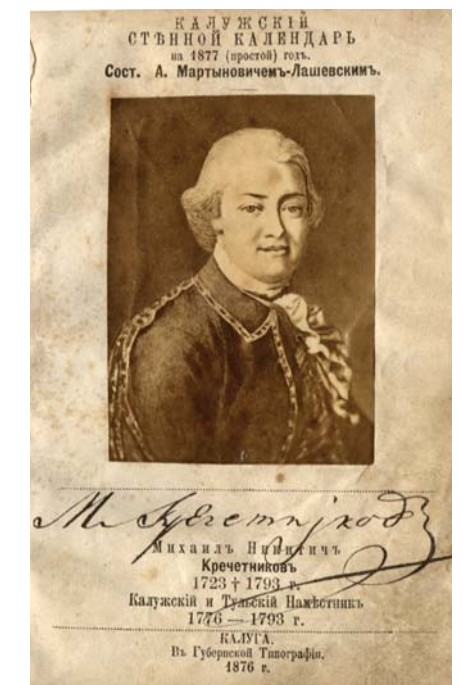
От триумфальных ворот Екатерина II «при радостных стекавшемся многочисленного народа восклицаниях» направилась в Соборную церковь. Здесь она была архиепископом Московским и Калужским Платоном с двумя архимандритами: Амвросием, Московского Заиконоспасского монастыря и Варлаамом, Калужского Лаврентьевского монастыря, и прочим духовенством. Встретив императрицу «по чину церковному» архиепископ Платон сказал «от всего города приличную речь. А по выслушании ектинии и по воспетии многолетствия, Ея Величество, приложась к Святым иконам, из церкви соизволила отбыть в назначенный для Высочайшего Ея пребывания каменный дом тамошнего купца Карасева». Авторитетный исследователь Калуги Г. М. Морозова в своей монографии упоминает о каменном доме № 19 по улице Московской, который «ещё с начала XVIII в. принадлежал купцу Василию Ивановичу Карасёву». Возможно именно в этом, одном из немногих в тогдашней деревянной Калуге, каменном доме и имела своё пребывание Екатерина II. Однако этот вопрос требует своего дальнейшего изучения. В любом случае, мы можем констатировать, что

императрица останавливалась именно в доме Карасёва, а не Демидова, как это считалось ранее.

В доме Карасёва Екатерину II встретили и поздравили с благополучным прибытием дворяне, члены Магистрата и «первостатейные купцы». Хозяин дома поднёс императрице хлеб и соль. После этого Екатерина II «соизволила отбыть во внутренние комнаты. Между тем продолжался колокольный звон и производилась городская пушечная пальба, а стоящий у одного дома на сей случай Калужского полка фронт отдавал честь ружьём с приклонением знамя, с музыкою и барабанным боем». «В сей вечер, — сказано в Камер-фурьерском журнале, — весь город был иллюминирован и зажжены приличные огни». В «Рукописи 1791 г.» указывается, что во время приезда императрицы «по обе стороны от того места (места где стояли триумфальные ворота. — В. Б.) до дому, где уготована её императорскому величеству квартира, было стечение народа бесчисленное, всякого возраста и обоого пола».

После ухода Екатерины II во внутренние покои свита императрицы «вечернее кушанье кушали» в зале. К столу были приглашены семь караульных офицеров.

В среду, 16 декабря, к полудню в зале дома Карасёва собрались «дворянство обоого пола, первостатейные купцы и некоторые мещане с жёнами, и прочих множество». В 1-м часу Екатерина II вышла из внутрен-

Калужский стенной календарь с портретом М. Н. Кречетникова. 1876–1877 гг.

них комнат в зал, где собравшиеся подносили «всеподданнейшие поздравления и всемилостивейшее жаловались к руке». Собравшихся калужан представлял императрице московский губернатор граф Ф. А. Остерман, а лиц духовного звания — архиепископ Платон.

После приёма Екатерина II «соизволила кушать обеденное кушанье в зале со всеми находящимися в свите и приглашёнными». Обед был накрыт на 31 куверт. Кроме сопровождавших

Дом купца В. И. Карасёва. 2009 г.

Портрет Афанасия Абрамовича Гончарова. Неизвестный художник. Последняя четверть XVIII в. Из усадьбы Полотняный Завод

Портрет Екатерины II в калужском кокошнике. Последняя четверть XVIII в. Неизвестный художник. КОКМ

Портрет Екатерины II. Худ. И.Б. Лампи старший (?). 1790-е гг. Из усадьбы Полотняный Завод

императрицу лиц к столу были приглашены: архиепископ Платон, архимандриты Амвросий и Варлаам, московский губернатор Остерман, воевода (т.е. лицо возглавляющее Провинциальную канцелярию и управляющий провинцией) гвардии капитан П. А. Колычев, бригадир И. О. Щербачёв, бригадир князь Голицын (какой — не указано), полковник А. О. Чеплыгин, полковник и подполковник части, несший караул. Отдельно, в другой комнате, был накрыт стол для семи караульных офицеров.

После обеда, в 3 часа, как повествует Камер-фурьерский церемониальный журнал, Екатерина II «соизволила с фрейлинами и кавалерами иметь выход на бумажный завод фабриканта Афанасия Абрамовича Гончарова, состоящий от города в 30 верстах».

Активная деятельность Гончарова как фабриканта, специализировавшегося на производстве полотна и бумаги, сделала его имя широко известным не только в России, но и за рубежом. Один из первых исследователей Калужского края Г. К. Зельницкий в издаваемом им журнале «Урания» в 1804 г. писал, что Афанасий Абрамович «парусные полотна привёл в такое совершенство и славу, что из Англии именно требовали полотен его фабрик; за работу которых брал от трёх до семи рублей барыша в кусок, коих выходило в год от восьми до двенадцати тысяч. Успел нажить селы и деревни. Имение его более нежели до 3 с половиной миллионов рублей простиралось. Сам он в кругу друзей своих признавался, что в жизни его на него шёл три раза золотой дождь; последний был во время отложения Северной Америки от Англии, ибо тогда кусок полотна становившийся ему с расходами в Санкт-Петербург менее семи, продавал от 15 до 17 рублей и при том так, что деньги получал на перёд и отдавал полотно».

Что касается бумажного производства, то по отзыву современника Гончаров «бумажную фабрику привёл в такое состояние, что бумага его почиталась первою в России». Распространялась она исключительно на внутреннем рынке, при фабриках (кроме Полотнянозаводской Гончаров имел ещё Никольскую и Юшинскую бумажные фабрики) и в разных городах государства. В 1762 г. Гончаров заключил крупный контракт на поставку бумаги в Синодальную типографию,

Панорама Полотняного Завода, усадьбы Гончаровых и Щепочкиных. Начало XIX в. По реконструкции архитектора А. А. Кондратьева, 2000 г. Худ. В. С. Манаенков

«сколько когда по случаю надобности на печатание книг востребуется, по цене: полуалександрийская по 7 рублей 16 копеек за стопу, библейскую по 3 рубля 40 копеек».

Достигнутые в производстве полотна и бумаги успехи привели к изменению социального статуса Гончарова. Указом от 6 сентября 1742 г. императрица Елизавета Петровна пожаловала «парусной и бумажной фабрики содержателя Афанасия Гончарова, за распространение оных, а особливо бумажной к пользе Государства, в чин коллежского асессора в ранг майорский». С этого момента в России появился новый дворянский род Гончаровых, так как получение чина коллежского асессора давало право на потомственное дворянство.

Характеризуя предпринимательскую деятельность Афанасия Абрамовича можно констатировать, что в конечном итоге он создал целую промышленную «империю», «владения» которой находились в восьми губерниях России: Калужской, Тульской, Орловской, Московской, Рязанской, Владимирской, Нижегородской и Ярославской. В 1775 г. столицу этой «империи» — Полотняный Завод — посетила императрица Екатерина II.

Императрица прибыла в Полотняный Завод около 6 часов вечера. Екатерину II встретил Гончаров «со всею фамилиею, с хлебом и солью и препровождал в покои». В комнатах ей был поднесён чай и кофе. «После сего, Ея Величество соизволила следовать на бумажный завод для смотра делающейся бумаги». Осмотрев завод Екатерина II вернулась в хозяйский дом, в комнаты, и «соизволила иметь продолжение в разговорах и хозяин поднёс Ея Императорскому Величеству своей фабрики разных рук несколько стоп бумаги».

Вероятно, во время этой беседы Гончаров и высказал своё отношение к старости, которое было зафиксировано

Страница Камер-фурьерского церемониального журнала с упоминанием о посещении Екатериной II Полотняного Завода

798	
Число.	МЯСЯЦЪ ДЕКАБРЬ
16.	<p>9.) Калужскаго поля полковникъ и подполковникъ.</p> <p>10.) ковникъ.</p> <p>А караульные офицеры кушали въ другой комнатѣ, въ 7-ми персовахъ.</p> <p>Послѣ стола, въ три часа, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО соизволила съ Фрейлинами и кавалерами имѣть выходъ на бумажный заводъ фабриканта Афанасія Абрамовича Гончарова, состоящій отъ города въ 30-ти верстахъ. По прибытіи туда, въ исходѣ 6-го часа вечера, встрѣтилъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО означенный хозяинъ со всею фамиліею, съ хлѣбомъ и солью и препровождалъ въ покои. Какъ скоро ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО вступила въ комнаты, тотчасъ подносило было чай и кофе, а послѣ сего, ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО соизволила слѣдовать на бумажный заводъ для смотра дѣлающейся бумаги. По смотра всѣмъ, ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО, возвратясь въ комнаты, соизволила имѣть продолженіе въ разговорахъ и хозяинъ поднесъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ своей фабрики разныхъ рукъ нѣсколько стопъ бумаги.</p>

Мраморная спальня. Отделана А. А. Гончаровым специально к приезду Екатерины II. На заднем плане воссозданная статуя Екатерины II из Полотняного Завода. Скульптор И. В. Макарова. 2009 г.

Памятник Екатерины II в Екатеринославе. Конец XIX в. Знаменитая «медная бабушка» А. С. Пушкина. Скульптура была заказана А. А. Гончаровым в Берлине по контракту, подписанному в 1782 г., с Вильгельмом Христианом (скульптор) и Фридрихом Элиасом Мейерами. Последний был специалистом на мейсенском фарфоровом заводе и, вероятно, участвовал в подготовке эскиза скульптуры. Отливкой занимался Иоганн Георг Маукиш. Вильгельм Мейер умер в 1786 г., поэтому работу над статуей завершил его зять Иоанн Даниэль Мельцер. Утрачена в годы Великой Отечественной войны

Г. К. Зельницким в одной из своих статей опубликованных в 1804 г. в журнале «Уrania». Зельницкий писал, что во время посещения Полотняного Завода императрица назвала Гончарова, которому было 83 года (на самом деле ему тогда было 73 года), старцем. «Милостивая Государыня! сказал он, хотя я и стар кажусь; но милостивым посещением Вашего Величества в двое прочувствовал крепости, и как бы обновился; да и надеюсь прожить более, нежели мыслил».

«Вечерний стол, — сообщает Камер-фурьерский журнал, — приготовлен был в зале, где, в 10-м часу, Ея Величество соизволила кушать со всеми находящимися в свите персонами». К столу был приглашён Гончаров со всей семьёй. «Причём в памяти стариков, — пишет Средин, — сохранилась молва, как потчевали государыню в Филипповки (просторечное название Рождественского поста. —

В. Б.) свежими белыми грибами». После ужина Екатерина II «изъявив Своё удовольствие и благоволение хозяину за угощение, соизволила пожаловать к руке и оттуда отбыв в 10-ть часов, в Калугу соизволила прибыть во 2-м часу пополудни».

Посещение Екатериной II Полотняного Завода 16 декабря 1775 г. длилось всего около четырёх часов: с 6 до 10 часов вечера. Но это событие было настолько значимым для Гончарова, что оно превратилось в одну из важных вех истории Полотнянозаводской усадьбы. В память посещения Полотняного Завода было получено разрешение на установку памятника императрице. Бронзовая колоссальная статуя Екатерины II, отлитая в 1780-х гг. в Берлине, была привезена в имение и на несколько десятилетий заключена в подвалах Гончаровского дома. Судьба этой «медной бабушки», как называл её

А. С. Пушкин, оказалась тесно связана с великим поэтом, которому в 1830-х гг. пришлось много хлопотать о приобретении её государством. В конечном итоге статуя императрицы из Полотняного Завода была воздвигнута в 1846 г. в Екатеринославе. С течением времени, проезд императрицы окутал целый флёр легенд, стали говорить о многодневном посещении императрицей имения Гончарова, показывать «Екатерининскую спальню» в анфиладе парадных комнат, указывать на стул, специально сделанный к приезду Екатерины.

В Камер-фурьерском журнале особо подчёркивается, что дом и завод Гончарова «были и иллюминированы. А при отбытии из города (Калуги. — В. Б.) и по прибытии, производились колокольный звон и пушечная пальба, а до 3-го часа пополудни горела иллюминация и весь город освещён был разными огнями».

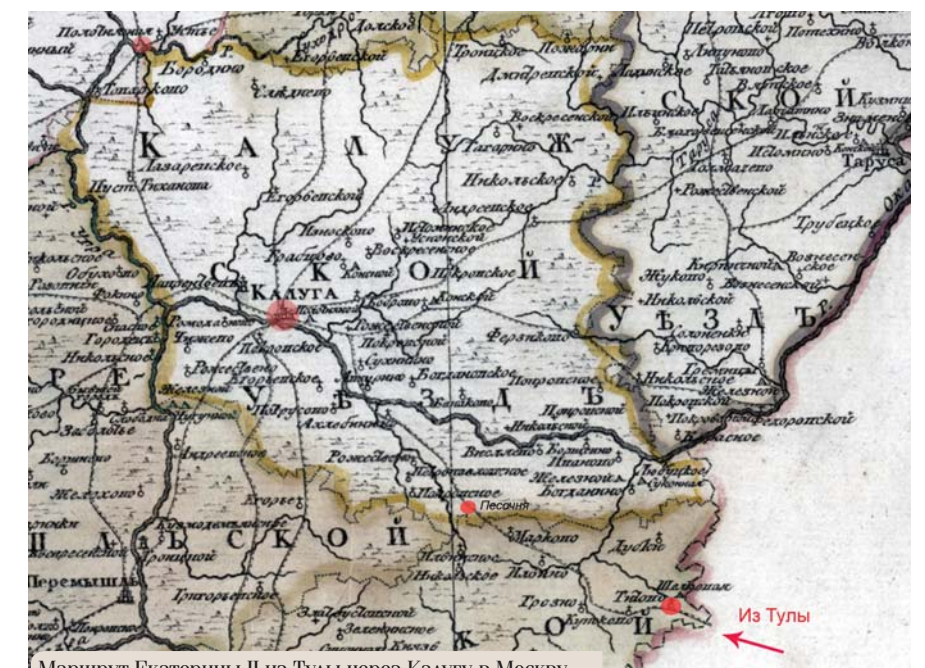
Лаврентьевский монастырь. Фотография начала XX в.

17 декабря, в четверг, в 10-м часу Екатерина II «соизволила с фрейлинями и кавалерами завтракать». После этого, в 10 часов, «в провожании многочисленного народа, при колокольном звоне и пушечной пальбе, из одного города Калуги соизволила воспринять отсутствие». Путь её лежал на Москву. По дороге императрица заехала в Лаврентьевский монастырь, располагавшийся в трёх верстах от города. Перед Святыми воротами Екатерину II встретил архимандрит с братиею. В церкви «соизволила прикладываться к Святым мощам и иконам». Из церкви в сопровождении архиепископа Платона и всего духовенства Екатерина II «шествовала по посланному сукну в келью Архимандрита, где пробыв малое время, соизволила Ея Величество отправиться в путь в Москву».

По дороге в Брюхово императрица поменяла лошадей. Далее путь её лежал до села Никольского, принадлежавшего бригадиру Поливанову. Здесь для Екатерины был приготовлен обеденный стол. Императрица приехала в Никольское около 3 часов дня и была встречена управителем у господского дома с хлебом и солью. Пообедав со всей своей свитой, Екатерина II «в исходе 5-го часа пополудни ж, соизволила отправиться

в путь». Далее императрица ехала через Лыков овраг, Чернишню (последний пункт учреждённой впоследствии Калужской губернии) и Вороново (входило в состав Московской губернии). В последнее село она прибыла около 12 часов вечера. Господский дом и улицы были иллюминированы. Село это принадлежало графу И. Л. Воронцову, который со всей семьёй встретил Екатерину II и препроводил

в покои. В этом селе, императрица пробыла до половины 1-го часа следующего дня, когда покинула его при пушечной пальбе. Проехав через село Пахра, где была смена лошадей, Екатерина II в половине 5-го часа въехала в Москву и прибыла к месту своей остановки — Пречистенскому дворцу. Тем самым, предпринятая в декабре 1775 г. поездка по городам Московской губернии завершилась. ❏

Маршрут Екатерины II из Тулы через Калугу в Москву

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УСЫПАЛЬНИЦЫ И ЦЕРКВИ НА ТЕРРИТОРИИ УСАДЬБЫ ПОЛОТНЯНЫЙ ЗАВОД

Игорь Болдин,

*заведующий научно-исследовательским отделом
Калужского объединённого музея-заповедника,
кандидат исторических наук*

Археологическое обследование территории, составной частью входящей в комплекс усадьбы Полотняный завод, было связано с решением вопросов восстановления разрушенной церкви Преображения Господня и примыкающих к ней зданий (рис. 1). Работы в 2002–2003, 2013–2014 гг. позволили получить важную информацию о назначении строений, определить точные размеры церкви, сделать интересные наблюдения о некрополе.

Задачей первого этапа исследования стало определение назначения здания, примыкавшего к часовне с северной стороны (рис. 2). Из всего комплекса церковных построек это единственное сохранившееся до наших дней сооружение. Оно неоднократно перестраивалось, в послевоенное время использовалось под жильё. Археологические данные, полученные в 2002 г., свидетельствовали, что здание построено на ранее существовавшем кладбище и, предположительно, служило усыпальницей. В том же году началось обследование остатков некоего кирпичного основания прямоугольной формы в центре одного из помещений (рис. 3). Перед работами 2002 г. стояла задача его изучения без разрушения, поэтому разведывательный шурф закладывался вдоль южной его стороны. В нём были выявлены погребённые останки двух человек. Это позволило предположить, что исследованный объект служил фундаментом надгробного памятника.

В 2003 г. работы на этом участке продолжились. В частности, более детально был обследован фундамент. Он сохранился фрагментарно, на высоту 1–2 кирпичей на известковом растворе; выявленные размеры

составили около 2×1,8 м. Кирпичи были уложены на заливку из глины и кирпичного щебня, заглублённую на 20–30 см.

Но главной целью работ этого этапа стало определение количества погребённых под данным основанием, их пола, возраста и внешнего вида. Всего было обнаружено шесть захоронений (останки сохранились в анатомическом порядке) и разрозненные кости в заполнении могил. Ниже приводится краткое их описание в порядке исследования.

Погребение № 1 (рис. 4, 5). Совершено в прямоугольной яме, ориентированной запад—восток. Погребённый лежал головой на запад, длина костяка — 112 см. Кости рук перекрещены в нижней части живота. Сохранился древесный тлен от гроба. В районе шеи обнаружена бронзовая пуговица, на груди — бронзовый крест.

Погребение № 2. Ориентировано запад-восток. Погребённый лежал головой на запад, длина костяка — около 180. Одна рука вытянута вдоль тела, другая согнута в локте, см. Безы Inventарное. Частично перекрыто погребением № 1. Сохранился древесный тлен от гроба. Судя по тлену и положению костей погребения № 1 относительно захоронения № 2 можно предположить, что погребение № 1 совершено в уже существовавшую могильную яму (№ 2), причём гроб погребения № 1 был поставлен непосредственно на остатки гроба могилы № 2.

Погребение № 3. Ориентировано запад-восток. Судя по размеру костей и длине костяка (около 50 см) погребение принадлежало ребёнку. Положение рук не определялось из-за размера костей и условия их залегания в глинистом грунте. Среди костей был найден бронзовый крест (рис. 5).

Рис. 1. Церковь Преображения Господня. Фото начала XX в.

Рис. 2. Здание, примыкавшее к часовне с северной стороны

Рис. 3. Кирпичное основание, предположительно, под памятник в помещении, примыкавшем к часовне с северной стороны

Погребение № 4. Также детское, ориентировано запад-восток. Руки, вероятно, были вытянуты вдоль тела. Среди костей был найден бронзовый крест, сохранившийся фрагментарно (рис. 5).

Погребение № 5 Ориентировано запад-восток. Погребённый лежал головой на запад, длина костяка — 184 см. Руки перекрещены в нижней части живота. Частично перекрыто захоронениями № 3 и 4. Сохранился древесный тлен от гроба. В районе груди найден бронзовый крест (рис. 5).

Погребение № 6. Практически полностью перекрыто погребением № 5. Расположено к нему под небольшим углом. Ориентировано запад-восток. Погребённый лежал головой на запад, длина костяка — 173 см. Руки перекрещены в нижней части живота. В районе груди обнаружен бронзовый крест (рис. 5). Сохранность костей этого захоронения отличается от описанных выше: трубчатые кости тёмного цвета, хрупкие, кости черепа тонкие.

Рис. 4. Погребения 1, 2 из помещения, примыкающего к часовне

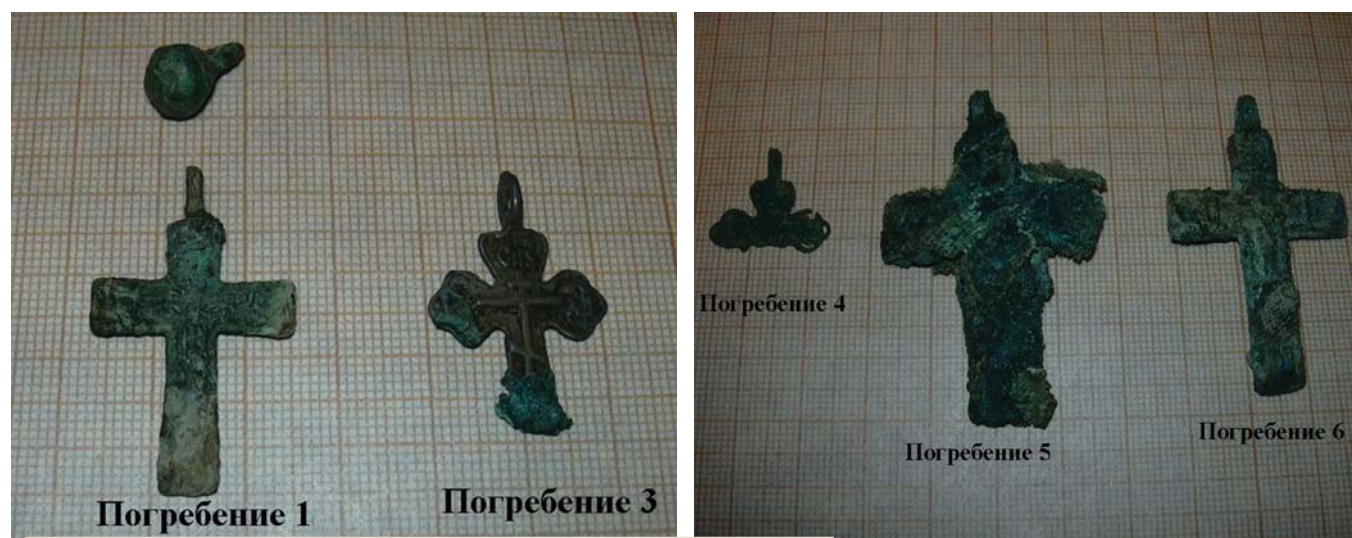

Рис. 5. Инвентарь погребений из помещения, примыкающего к часовне

Череп из погребения № 1. Принадлежит, более вероятно, девочке 5 лет.

Череп из погребения № 2. Принадлежит мужчине 65-70 лет.

Череп из погребения № 5. Принадлежит мужчине 65-70 лет.

Череп из погребения № 6. Принадлежит мужчине около 65 лет.

Этап реконструкции портрета по черепу.

Этап реконструкции портрета по черепу.

Этап реконструкции портрета по черепу.

Этап реконструкции портрета по черепу.

Портрет, реконструированный по черепу из погребения № 1

Портрет, реконструированный по черепу из погребения № 2

Портрет, реконструированный по черепу из погребения № 5

Портрет, реконструированный по черепу из погребения № 6

Рис. 6. Реконструкция внешнего облика погребённых по черепу

Ниже погребения № 6 компактно залежали разрозненные человеческие кости: фрагменты черепа (черепов —?) кости таза, ног. Вероятно, при совершении погребения № 6 наиболее крупные кости потревоженных более ранних захоронений были сложены на дне могильной ямы.

Анализ полученных археологических данных даёт основание для следующих выводов.

1. Все захоронения производились на месте ранее существовавшего кладбища. На момент строительства здания усыпальницы все наземные указатели могил (надгробные памятники, деревянные кресты) были утрачены.

2. Погребение № 6 было самым ранним из исследованных.

3. Между совершением захоронений № 2 и № 5 предположительно прошло мало времени: оба костяка расположены на одном уровне, рядом друг с другом.

4. Детские погребения № 3 и № 4 были впускными, то есть, совершены в уже существовавшую могилу. Характер расположения погребений (кости погребения № 3 перекрывали верхнюю часть костяка № 5, а погребение № 4 — его нижнюю часть) служит основанием для

предположения, что захоронения № 3 и № 4 совершены уже после установки памятного знака на месте могил № 2, 5, 6, от которого до начала работ сохранялось основание.

5. Погребение № 1, также как и погребения № 3 и № 4, совершено в уже существовавшую могилу, отмеченную памятным знаком, и также (как и погребения № 3 и № 4) является впускным.

Пять из шести найденных черепов подвергались медицинской экспертизе с целью определения пола и возраста погребённых. Для четырёх (захоронения № 1, 2, 5, 6) выполнена графическая реконструкция внешнего облика. Анализы производились в Бюро судебно-медицинской экспертизы (г. Москва) главным специалистом в области антропологической портретной реконструкции С. А. Никитиным (рис. 6).

Погребение 1 — останки, более вероятно, девочки 5 лет. Погребение 2 — останки мужчины 65–70 лет. Погребение 3 — останки мальчика 2 лет. Погребение 5 — останки мужчины 65–70 лет. Погребение 6 — останки мужчины 65–70 лет.

Рис. 7. Снос здания столовой

Рис. 8. Месторасположение церкви

Рис. 9. Фрагмент основания западной стены

Особое положение погребённых — под основанием надгробного памятника в помещении, пристроенном к усадебной часовне — позволяет высказать предположение об их принадлежности к владельцам усадьбы, то есть к роду Гончаровых.

После десятилетнего перерыва, в 2013–2014 гг., работы возобновились; теперь они имели целью определение точного объёма церкви и исследование примыкающей к ней территории.

Кирпичная Преображенская церковь с приделами Афанасия Александрийского и Иоанна Златоуста была построена в 1736–1741 гг. на средства А. А. Гончарова. Здание храма представляло собой двусветный четверик, перекрытый высокой четырехскатной кровлей с главкой, имело трапезную и ярусную колокольню. В 1931 г. церковь закрыли и вскоре разобрали. Во второй половине XX в. на её месте построили заводскую столовую. В связи с планами восстановления храма в марте 2014 г. здание столовой демонтировали (рис. 7).

Главная проблема восстановительных работ заключалась в определении размеров бывшего храмового здания. Для выяснения этого потребовалось произвести комплексные археологические обследования территории, включающие несколько этапов работ.

Осенью 2013 г. предстояло определить размера храма, прежде всего по длинной его оси (линия запад-восток). В этот период решались следующие задачи: производилась закладка шурфов вдоль основания частично сохранившейся северной стены церкви; предпринята попытка выявить местонахождение апсиды северного придела церкви; результаты, полученные археологическими методами, сопоставлялись с фотоматериалами.

К моменту начала работ на месте церкви ещё стояло здание столовой, часть территории занимал пустырь. Максимально точный результат для достижения поставленной цели можно было бы получить путём определения местонахождения фундамента центральной апсиды. Однако на данном этапе это оказалось невозможно: зону намечаемого поиска занимали строения, заборы и деревья. Поэтому было принято решение провести археологическое обследование участка вдоль наиболее сохранившейся северной стены храма, которая одновременно являлась южной стеной пристройки к церкви (предположительно, усыпальницы). Путём шурфовки следовало определить местоположение северной апсиды и сопоставить его с фотографией церкви, сделанной с северной стороны. Работы существенно осложнялись тем, что к зданию столовой с северной стороны были подведены коммуникации: электричество, водопровод, теплоснабжение, телефонный кабель. Часть из них — под землёй, что разрушило основание церкви.

Не вдаваясь в детали описания характера шурфов, отметим общий итог работ первого этапа. Если признать, что северная стена церкви шла без изгибов и углов, то северная апсида находилась на участке, разрушенном траншеей с коммуникациями (ширина траншеи — 2,4 м). С учётом данных всех заложенных шурфов общая длина церкви (линия запад-восток) на данном этапе исследований определена в пределах 34–40 м.

В ходе работ был найден фрагмент плоской белокаменной (известняк) надгробной плиты. Толщина плиты (0,08–0,12 м) и тип орнамента (треугольновыемчатый, так называемый «волчий зуб») позволяют ограничить время её изготовления первой половиной XVI в.

На втором этапе работ, весной-летом 2014 г., после демонтажа здания заводской столовой (рис. 8) обследовалась площадь, занятая церковью, и прилегающая территория с использованием землеройной техники. На отдельных ключевых участках проводилась зачистка культурного слоя для выявления стратиграфических особенностей.

В результате произведённых расчисток определены местоположение и размеры колокольни, часовни, трапезной, церкви и галереи, примыкавшей к церкви с южной стороны; частично исследована усыпальница (склепы).

Основание колокольни. Фундамент колокольни, сложенный из массивных подработанных блоков, с западной стороны примыкает к фундаменту трапезной (рис. 9). Его ширина достигает 1 м. Основания северной и южной стен частично разрушены трассой водопровода. Общая площадь основания колокольни составляет около 5×6 кв. м. Юго-западный угол «усилен» контрфорсом позднего происхождения. Удалось расчистить вход в колокольню (с западной стороны) и фрагменты ступеней.

Основание часовни. Северная стена часовни сохранилась на высоту около 3 м. Она примыкает к сохранившемуся участку стены трапезной. Судя по кладке (примыкание), здание часовни сооружено позже трапезной. Площадку расположения часовни пересекает электрокабель, поэтому большую её часть исследовать не удалось. На той незначительной площади, которая была расчищена, в юго-восточном углу часовни обнаружено кирпичное основание, (размер кирпича 0,3×0,15×0,075 м) на известковом растворе. Оно сложено «колодцем», имело форму квадрата со стороной 0,7 м, центральная часть забита строительным мусором. В грунт основание заглублено на 1 м (рис. 11). Вероятное назначение — фундамент (или часть фундамента) под какое-либо сооружение. В верхней части при расчистке обнаружена монета — деньга 1746 г.

Основание трапезной. В ходе выполненных работ удалось получить информацию об основании западной и южной стен трапезной. Основание западной стены прослежено на протяжении 5,5 м. Её мощный фундамент, шириной до 1,5 м, сложен из крупных известняковых плит размером 0,5–1 м в поперечнике. Подавляющее большинство плит вытесано или имело следы подработки. На нескрытом участке (здесь проложен электрокабель) фундамент «читался» в виде небольшого возвышения, которое примыкает к сохранившейся части стены трапезной.

Основание южной стены, сложенное из таких же блоков, примыкает к основанию западной стены трапезной под прямым углом. Для определения мощности фундамента и его строительных особенностей непосредственно у фундамента южной стены был заложен шурф.

Рис. 10. Фундамент церкви

Рис. 11. Кирпичное основание в пределах часовни

Рис. 12. Фрагмент кирпичного пола церкви

Рис. 13. Фрагмент пола в алтарной части (керамическая плитка)

Рис. 14. Обнаружение надгробной плиты Д. Д. Гончарова

Рис. 15. Склепы, расположенные с южной стороны от церкви

В результате удалось установить, что нижняя отметка фундамента находится на глубине 1,8 м от уровня дневной поверхности на данном участке. Структура фундамента неоднородна. Нижняя часть сложена из камней, фрагментов кирпича, с пересыпками песка, верхняя — из массивных подработанных блоков известняка (рис. 10).

Основание церкви. Основание церкви прямоугольное в плане (прослеженная длина по линии север-юг составила 11 м); с восточной стороны к нему примыкало основание апсиды (в плане имело форму полукруга). Фундамент церкви, как и фундамент трапезной, сложен из массивных известняковых плит. В юго-восточной части сохранился фрагмент пола XVIII в., сложенный из поставленного на ребро кирпича (размер кирпича 0,3×0,15×0,075 м) (рис. 12).

Фрагмент пола расчищен также в восточной части апсиды; здесь он выложен керамической плиткой (размер плитки 0,24×0,24×0,04 м) (рис. 13). На небольшом участке фиксировался стык пола со стеной — судя по красочному слою в самом её основании это был сохранившийся фрагмент стены апсиды.

Основание галереи. С запада от трапезной, по обе стороны от колокольни (с севера и юга), как свидетельствуют фотографии, находились две галереи. Северная галерея частично сохранилась, к настоящему времени основные объёмы здания реставраторами восстановлены. Южная галерея не сохранилась. О её местоположении можно судить по остаткам двух рядов фундамента шириной от 0,5 до 1,1 м, тянущихся

Рис. 16. Надгробная плита Д. Д. Гончарова

параллельно с севера на юг. С северной стороны обе линии примыкают к основанию колокольни. О южной оконечности галереи судить сложно, так как в этой части фундамент «уходит» под современное асфальтовое покрытие.

В пределах галереи находились склепы. Характер расположения склепов (в линию, строго в рамках галереи) позволяет предположить, что она использовалась в качестве усыпальницы.

При снятии грунта в непосредственной близости от склепов обнаружена плоская надгробная плита из белого мрамора в форме параллелепипеда (рис. 14). В верхней её части помещено изображение четырехугольного креста, в нижней — надпись: «Дмитрий Дмитриевич Гончаров 12 декабря 1872 г. — 15 мая 1908 г.» (рис. 16).

В промежутках между склепами были расчищены фрагменты оснований, сложенные из бутового камня. По-видимому, это следы внутренних перегородок и основания под надгробия.

На следующем этапе работ выполнялось исследование склепов (рис. 15). В случае, когда свод поврежден не имел, он частично разбирался. Все изученные склепы (шесть объектов) сложены из кирпича, размер кирпича 0,26×0,13×0,065 м, ориентированы по линии запад-восток. Размеры склепов колебались в пределах: длина — 1,15–2,3 м, ширина 0,42–1,2 м, глубина 0,5–1,8 м.

Рис. 17. Оклад иконки из погребения в склепе

Рис. 18. Погребение в цинковом гробу

Рис. 19. Погребение в склепе № 6

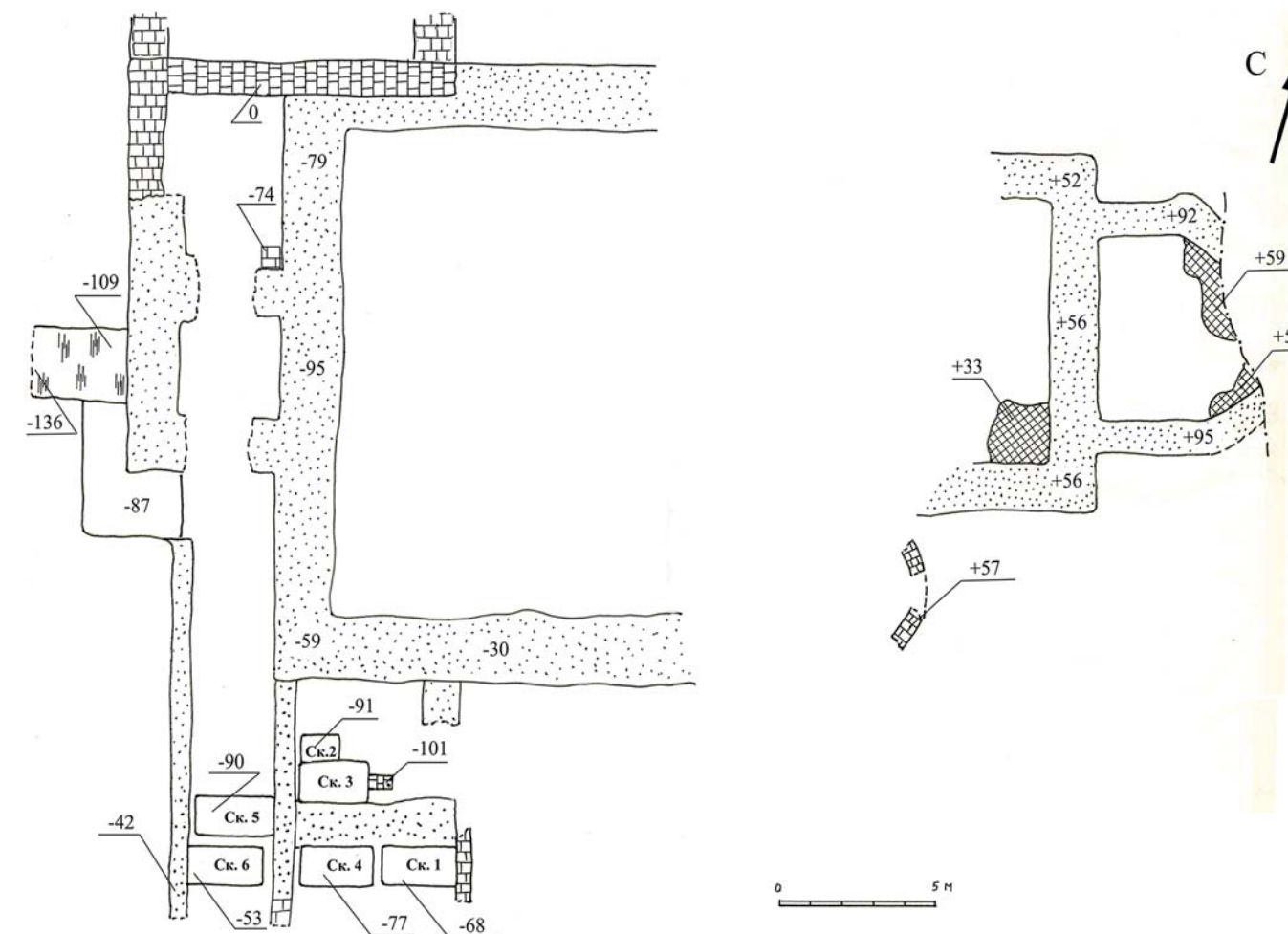

Рис. 20. План расчищенного основания церкви Преображения Господня

Гробы в четырёх случаях изготовлены из досок, скреплённых железными гвоздями круглого сечения. В одном из склепов ни гроба, ни останков погребённого не обнаружено. По-видимому, он был вскрыт, останки изъяты, кирпичный свод восстановлен. В его заполнении присутствовало множество строительного мусора и листы железа. Подобные листы встречены ещё в одном склепе, на них ставился гроб; в остальных случаях гроб устанавливался непосредственно на кирпичный пол склепа. Гробы обивались тканью, во всех случаях сохранившейся фрагментарно, некоторые были декорированы деревянными набалдашниками, изготовленными на токарном станке и также обтянутыми тканью. На боковых досках располагались бронзовые (или латунные) детали.

О двух исследованных захоронениях стоит сказать особо. В одном из склепов расчищен гроб из оцинкованного железа (рис. 18). Напротив лица в его крышку было вставлено стекло, осколки которого найдены при расчистке погребённого в непосредственной близости от черепа. Внутри него, судя по сохранившимся фрагментам чёрных брюк, находились останки мужчины. Характер верхней части заполнения склепа — смесь обломков кирпичей, известкового раствора, камней — свидетельствует о том, что погребение вскрывалось, то есть свод склепа частично или полностью разбирался, а по прошествии какого-то времени был возведён вновь.

Ещё одно захоронение можно отнести к разряду «загадок». Склеп (на плане обозначен под № 6 (рис. 20)), в котором оно находилось, не имел признаков разрушений. Погребение, судя по наличию трёх шпилек для волос из панциря черепахи, фасону и размеру сохранившихся остатков кожаной обуви, принадлежало женщине. При этом кости таза и ног отсутствовали полностью, хотя слой органики прослежен по всей площади гроба (рис. 19). Череп имел горизонтальный распил по верхнему краю височной кости. Зубы сточены сильно. Тела позвонков имели сильные возрастные разрастания, суставные площадки трубчатых костей — также со следами возрастных изменений. Предположительный возраст погребённой — около 60 лет. Странный характер захоронения позволяет сделать предположение, что в гроб, в силу каких-то обстоятельств, были помещены останки уже во фрагментированном виде.

Время совершения всех выявленных погребений в склепах, вероятнее всего, можно определить концом XIX — началом XX вв. Для этого имеется ряд косвенных оснований и находки в гробах (бронзовый крест, бронзовая пуговица, оклад иконки (серебро с позолотой) (рис. 17) и др. Таким образом, в процессе проведённых работ удалось установить основные объёмы здания (рис. 20), выяснить его протяжённость с запада на восток (37 м), определить назначение пристроенных галерей (северная служила усыпальницей в XVIII–XIX вв., южная — в конце XIX — начале XX вв.).

УСЫПАЛЬНИЦА РОДА ГОНЧАРОВЫХ

Виталий Бессонов,
кандидат исторических наук

Сопоставление полученных в ходе археологических работ данных с письменными источниками и записями об умерших из сохранившихся метрических книг Спасо-Преображенского храма позволило сделать вывод, что в захоронении внутри северной галереи и склепах у южной галереи храма находились останки представителей рода Гончаровых погребённых здесь в конце XVIII — начале XX в. Первое письменное свидетельство о существовании в усадьбе родовой усыпальницы мы встречаем в записках Афанасия Николаевича Гончарова. Фиксируя даты рождения своих внуков, он писал, что 20 апреля 1818 г. в Москве у Николая Афанасьевича и Натальи Ивановны (урождённой Загряжской) родился седьмой ребёнок — Софья. И ниже, с горечью, констатировал: «И она скончалась 1818 года октября 4 чи[сла] в субботу в 4 часа по полудни. Жития её было 5 месяцев и 2 недели. Похоронена на Заводе в палатке при церкви». Место этой «палатки» — усыпальницы

рода Гончаровых, было обозначено в работе известного исследователя русских усадеб А. Срегина «Полотняный Завод». Описывая въезд в усадьбу через Спасские ворота он отмечал: «вот гулко проносятся под ними тройка, слева мелькнёт приземистая башня колокольни с церковью, построенной основателем фабрики при императрице Анее Иоановне, минуешь пристроенную к ней каменную «палатку», усыпальницу Гончаровых, и по наши дни, и по мягкому дёрну двора подъезжаешь под гулки своды на тяжёлых столбах старинного подъезда».

Именно в этом здании, пристроенном с севера к церкви, и были обнаружены останки Гончаровых, погребавшихся здесь до середины XIX в. Место усыпальницы в галерее было, вероятно, выбрано не случайно, так как практически за стеной, в храме, располагался склеп Афанасия Абрамовича Гончарова. От его захоронения не сохранилось ничего, кроме двух массивных мраморных плит от основания надгробного памятника и мраморного медальона с искусно

выполненным портретом (экспонируется сейчас в музее-заповеднике). О смерти Афанасия Абрамовича сохранилось уникальное свидетельство современника — калужского купца Ивана Григорьевича Губкина. Он писал: «1784 г. января 30 скончался Афанасий Аврам[ович] Гончаров. Сказывала Катер[ина] Макуш[кина] и другие что за 5 дней до смерти с[вятой] Иоанн Предтеча ему о смерти в видении объявил и час назначил. Я был при погребении 3 февр[аля]».

Что касается «палатки», то в ней были похоронены следующие представители рода Гончаровых: Николай Афанасьевич (1741 год — 7 июля 1785 года), Афанасий Николаевич (1760 год — 8 сентября 1832 года умер в Санкт-Петербурге, погребён в Полотняном Заводе 21 сентября 1832 года) и Дмитрий Николаевич (1 мая 1808 года — 1859 год). Все они, по очереди, были во главе майоратного владения после смерти Афанасия Абрамовича Гончарова. К сожалению, мы не можем точно идентифицировать имена детей, останки которых были найдены в захоронении. Известно, что кроме пятимесячной Софьи в усыпальнице был похоронен сын Дмитрия Николаевича — младенец Дмитрий, который умер 2 мая 1837 года. Останки двух других младенцев, примерно 2 и 5 летнего возраста, по имеющимся источникам идентифицировать, пока, не удалось.

К югу от Спасо-Преображенского храма захоронение Гончаровых происходило в склепах, располагавшихся в открытой части пристроенной галереи. Первым из захороненных в этом месте стал сын Дмитрия Николаевича — Евгений

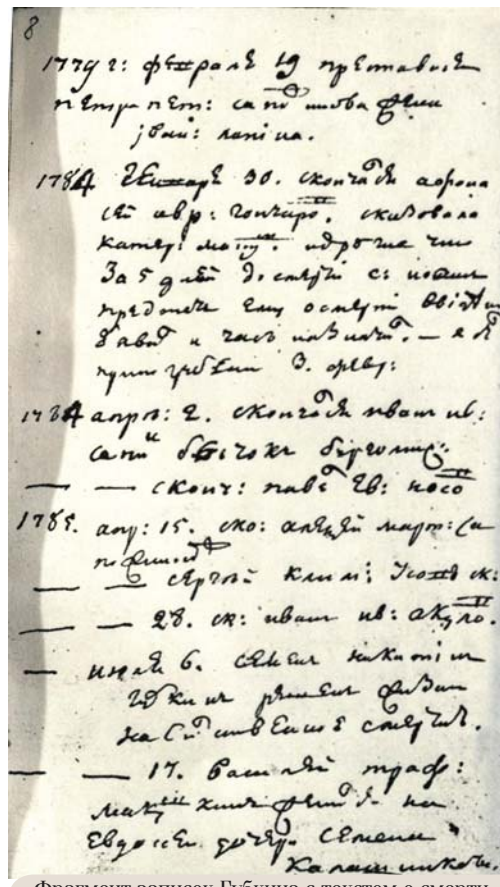

Табличка с именами похороненных представителей рода Гончаровых

Дмитриевич (24 апреля 1840 года — 16 декабря 1881 года). Он умер за границей, в Висбадене. Его тело в цинковом гробу было доставлено в Россию и погребено в Полотняном заводе в мае 1882 года. Рядом с ним были похоронены: Ольга Карловна, урождённая Шлиппе (12 сентября 1846 года — 29 октября 1900 года) и её муж Дмитрий Дмитриевич Гончаров (13 июля 1838 года — 3 ноября 1900 года). Ольга Карловна погибла «от огнестрельных ран, нанесённых убийцею». После вскрытия её тело было выдано родственникам и 31 октября 1900 г. погребено в «семейном склепе». Как видно, именно её останки были обнаружены в ходе раскопок в «загадочном» захоронении. На третий день после похорон Ольги Карловны

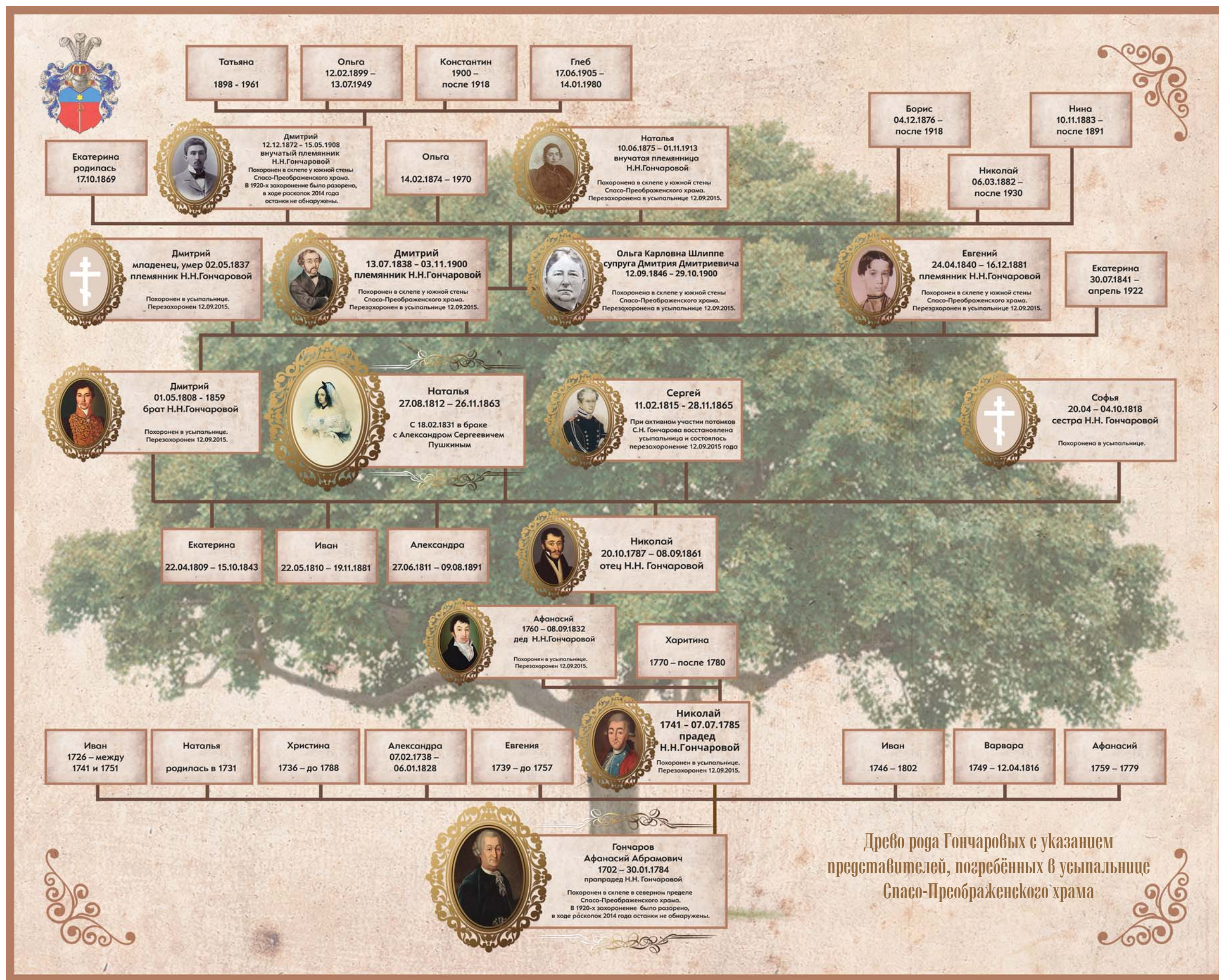
Гробница А. А. Гончарова

Фрагмент записок Губкина с текстом о смерти А. А. Гончарова

В родовой усыпальнице Гончаровых

Мраморный медальон с надгробья А. А. Гончарова

от «паралича сердца» умирает её супруг — Дмитрий Дмитриевич старший. 5 ноября 1900 г. его тело, согласно записи в Метрической книге, так же хоронят в «семейном склепе». Последнее взрослое захоронение в склепе принадлежало дочери Дмитрия Дмитриевича — Наталье (10 июня 1875 года — 1 ноября 1913 г. умерла в Москве, погребена в Полотняном Заводе). Что касается детского захоронения, то, предположительно, оно могло принадлежать одному из трёх умерших в детстве детей Ольги Дмитриевны, бывшей замужем за Леонидом Николаевичем Новосильцевым.

Пустой склеп, по всей видимости, был местом погребения Дмитрия Дмитриевича (12 декабря 1872 года — 15 мая 1908 года). По преданию его склеп в 1920-х гг. был разорён, а останки уничтожены. Такая же участь была уготована захоронению Афанасия Абрамовича. Волею судьбы оказались утрачены останки первого и последнего владельцев Полотняного Завода — Афанасия Абрамовича и Дмитрия Дмитриевича Гончаровых. Но как это ни странно, память о них материализовалась в сохранившихся элементах надгробий. Так, во время раскопок, была обнаружена надгробная плита с могилы Дмитрия Дмитриевича. Тем самым, оказалась восстановлена вся линия рода Гончаровых, владевших на протяжении почти двух веков Полотняным Заводом.

12 сентября 2015 г. обнаруженные при раскопках останки, в присутствии потомков, были торжественно перезахоронены в «палатке» — родовой усыпальнице Гончаровых. Спустя почти сто лет, из забвения к нам вернулись все те, кто был похоронен в Полотняном Заводе, и утраченная сакральная связь с представителями славного рода Гончаровых была восстановлена.

На церемонии перезахоронения останков представителей рода Гончаровых. 12 сентября 2015 г.

Родовая усыпальница Гончаровых

Находки, обнаруженные при раскопках, проводившихся на месте старого Спасо-Преображенского храма

Плита с могилы Д. Д. Гончарова-младшего

Здесь, в усыпальнице рода Гончаровых, покоятся с миром:

- Николай Афанасьевич 1741 год - 7 июля 1785 года
- Афанасий Николаевич 1730 год - 8 сентября 1832 года
- Софья Николаевна, младенец 20 апреля - 4 октября 1818 года
- Дмитрий Дмитриевич, младенец умер 2 мая 1837 года
- младенец, примерно 5 лет
- Дмитрий Николаевич 1 мая 1808 года - 1859 год
- Евгений Дмитриевич 24 апреля 1840 года - 16 декабря 1881 года
- Ольга Карловна 12 сентября 1846 года - 1896 год
- Дмитрий Дмитриевич 13 июля 1838 года - октябрь 1900 года

ПОД ЗВЕЗДОЙ РОДА ГОНЧАРОВЫХ

Так уж получилось, что посёлок Полотняный Завод да и сам Дзержинского район — до наших дней никогда не имели гербов. И это было несправедливо по отношению к историческим местам, давно заслужившим упоминания в Российской геральдике. Более повезло районному центру, городу Кондрово, получившему свой герб (с изображением на зелёном поле рулона и стопы готовой бумаги) в конце советской эпохи, в 1988 году. В отношении же района и Полотняного Завода досадное упущение удалось исправить лишь в XXI в., когда Дзержинское районное собрание решением № 258 от 17.07.2008 утвердило Положение о гербе муниципального образования «Дзержинский район» Калужской области, а Поселковое Собрание городского поселения «Посёлок Полотняный Завод» решением № 169 от 22.03.2018 утвердило Положение о гербе своего населённого пункта. Оба герба внесены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации под соответствующими номерами: герб Дзержинского района — № 4237, герб Полотняного Завода № 11854.

Но геральдическая история Полотняного Завода берёт своё начало на столетия раньше, в середине XVIII века. Тогда, в 1742 году, богатый российский промышленник, один из организаторов бумажного и полотняного производства в стране и основатель Полотняного Завода Афанасий Абрамович Гончаров именной указом императрицы Елизаветы Петровны за «распространение фабрик, а особливо бумажных» был пожалован чином коллежского асессора в ранге майора. И это дало ему право на потомственное дворянство.

Через два года Афанасий Абрамович получил именной патент, подтверждающий права на дворянское достоинство, а в 1789 году его внук Афанасий Николаевич Гончаров,

некоторое время пребывавший на военной службе, стал обладателем Диплома, удостоверявшего, что он — потомственный дворянин Российской империи. Соответственно, Гончаровы имели право и на свой родовой герб — символ чести и заслуг перед Отечеством, а также зримое свидетельство о положении рода на социальной лестнице.

Герб Гончаровых представляет собой щит, разделённый горизонтально на две части.

В верхнем голубом поле изображена шестиугольная серебряная звезда, выполненная по типу священной Вифлеемской звезды и означающая восхождение в дворянство.

В нижней гербовой части, в красном поле, расположена серебряная майорская шпага, обращённая остриём

вниз. Шпага означает, что представители рода Гончаровых имели отношение к воинской службе.

Щит увенчан рыцарским шлемом с пышными страусовыми перьями. Шлем на гербе символизирует мудрость и божественную защиту. Перья страуса, украшавшие богиню правосудия в Древнем Египте, в гербовой символике означают стремление к справедливости. Щит окружает голубой с серебром намёт (или мантилья) — свидетельство расположения к роду Господних сил.

В российской геральдической традиции верхнее голубое поле герба — символ величия и мягкости. Червлень, цвет нижнего поля, символ бесстрашия.

Серебро на гербе олицетворяет красоту и духовную чистоту представителей рода.

Несмотря на то, что потомственное дворянство Гончаровы обрели ещё при Елизавете Петровне, но императорским указом их герб был утверждён в царствование Павла I в 1799 году.

Тогда же герб рода Гончаровых был внесён в III отделение общего Гербовника дворянских родов Российской Империи.

А вот о гербе Полотняного Завода в то время никто заботы не проявил. До революционных потрясений 1917 года посёлок входил в состав Медынского уезда и жил под гербом города Медыни. В советскую эпоху старинным городским гермам серьёзного значения не придавалось. Но в 1970–80-е годы XX века постепенно отношение к гербовой символике городов менялось. К началу же нового тысячелетия иметь собственные гербы городам и районам стало просто необходимо. Их разработка и процедура утверждения регламентировались законом.

Описанный выше герб в определённой степени повлиял на формирование герба Полотняного Завода, — в гербовой структуре которого присутствуют цвета и звезда из герба рода Гончаровых.

Герб Полотняного Завода представляет собой геральдический щит, разделённый на два неравных поля. В верхнем, меньшем, поле лазурного цвета — серебряная звезда о шести лучах, заимствованная из родового герба основателя посёлка; в нижнем, широком, червлёном поле — серебряный парус на золотой мачте, закреплённый на рее тросом и подвязанный к мачте внизу другим тросом с развевающимися влево концами; весь такелаж золотой.

Звезда — символ лучезарности и просветления, надежды и путеводности, высоких достижений и стремления к цели.

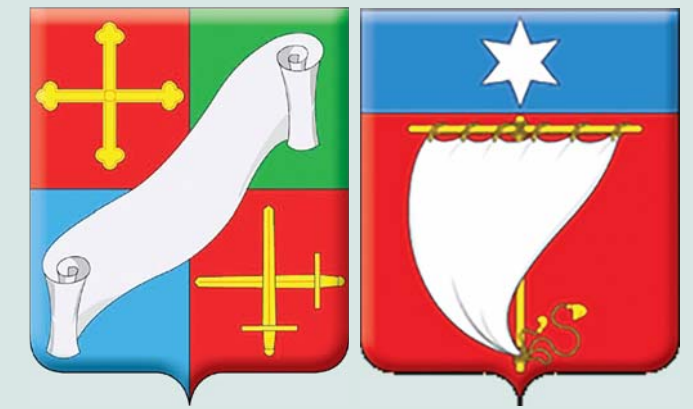
Звезда, расположенная над наполненным ветром парусом, — символ движения вперёд, развития и совершенства.

Парус, крепко закреплённый такелажом, — символ прочности, надёжности и уверенности, символ союза и единства.

Применённые в гербе металлы и цвета дополняют его символику:

- лазурь (синий) — символ мира, искренности, чести, славы, преданности, истины и добродетели;
- червлень (красный) — символ мужества, жизненной силы, труда, красоты и праздника;
- серебро символизирует чистоту, мудрость, благородство;
- золото символизирует стабильность, прочность, интеллект, богатство.

Герб Дзержинского района включает в себе вехи собственного исторического развития, неразрывно связанные с историей Калужского края. Именно здесь в 1480 году произошло Великое Стояние на реке Угре, положившее

Герб Дзержинского района
Калужской области

Герб посёлка
Полотняный Завод

конец ордынскому игу. Изображение скрещённых мечей в гербе района напоминает об этом знаменательном событии. Крест в гербе символизирует многочисленные памятники культуры — храмы, самый известный из которых Тихонова пустынь, обитель преподобного Тихона Калужского чудотворца.

Герб Дзержинского района представляет собой геральдический щит, разделённый на четыре поля: червлёное, зелёное, лазоревое и вновь червлёное. Поверх всего — серебряный свиток, разворачиваемый в левую перевязь и сопровождаемый в первой четверти золотым трилистным крестом, а в четвёртой — двумя золотыми мечами в крест.

Серебряный свиток в гербе — символ весьма многозначный. Прежде всего он связан с тем, что исторически Дзержинский район — центр козлажного производства России. В 1785 году князь Я. А. Козловский начал строительство бумажной фабрики на реке Шане. В настоящее время здесь работает Кондровское и Полотняно-Заводское бумажные предприятия, Троицкая бумажная фабрика. Кроме того, свиток, как символ творчества и вдохновения, аллегорически указывает на пребывание в этих краях великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, женатого на представительнице рода Гончаровых, владевших Полотняным Заводом.

Деление щита образно отражает проходящие через территорию района железнодорожную магистраль Тула — Калуга — Вязьма и две автомагистрали: Москва — Киев и Калуга — Юхнов. Чередование красных и зелёных частей отражает многообразие природы района.

Золото — символ урожая, богатства, стабильности, уважения и интеллекта.

Серебро — символ чистоты и совершенства, мира и взаимопонимания.

Красный цвет — символ мужества, силы, трудолюбия, красоты.

Зелёный цвет — символ природы, здоровья, молодости, жизненного роста.

Голубой цвет — символ чистоты помыслов, чести, преданности, истины и добродетели.

Таким образом, в начале третьего тысячелетия, Полотняный Завод и Дзержинский район Калужской области, где расположен знаменитый посёлок, обрели свои гербы. Это не только преемственность с геральдической традицией Российской империи, но и связь с мировой, европейской геральдикой, ведь любой герб — и родовой, и городской — несёт в себе важный исторический код, некое послание и нам, и нашим потомкам. ❏

ДВОРЯНСКИЕ УСАДЬБЫ

ПОЛОТНЯНЫЙ ЗАВОД — ДВОРЯНСКАЯ УСАДЬБА ГОНЧАРОВЫХ

Наталья Марченко,
директор Калужского музея изобразительных искусств,
заслуженный работник культуры

Дворянская усадьба как неотъемлемая часть российской действительности XVII — начала XX вв. прошла определенный путь развития как хозяйственная единица и как архитектурно-художественное гнездо. Царские усадьбы и усадьбы высшей знати выделились из хозяйственных комплексов еще в середине XVII века и постепенно, наряду с жизненными, стали служить и эстетическим потребностям их владельцев. Устройство усадеб крупного дворянства, а также средних и мелких усадеб было связано с освобождением дворян от государственной службы по Манифесту о “Вольности дворянства” 1762 года. И те, и другие развивались в соответствии с идеальными представлениями о загородной дворянской усадьбе: философия, миропонимание, эстетика определяли принципы, которые управляли стилями планировки и архитектуры усадебных ансамблей. В XVIII веке новые идеи проникали в дворянскую среду из “образцовых проектов”, разработанных ведущими архитекторами России и Западной Европы или из рекомендаций трудов Вольного Экономического общества и журнала “Экономический магазин”, представлявших собой своеобразную энциклопедию по устройству дворянской усадьбы. Каждый просвещенный дворянин был знаком с каноническим составом и смыслом загородной усадьбы.

Происхождение усадьбы Полотняный Завод имеет уникальную особенность. Она не относилась к аристократическим усадьбам и ее возведение не было следствием Манифеста 1762 года. Своеобразие усадьбе придали возникшие ранее полотняная и бумажная фабрики.

Строительство фабрик осуществил Тимофей Карамышев на реке Суходрев так, как этого требовали условия производства. Рядом с фабриками на холме возвышалась деревянная церковь. После пожара 1733 года уничтоженная фабрика вновь возводится на деньги Афанасия Абрамовича Гончарова, а в 1735 году компаньоны Афанасий Гончаров и Григорий Щепочкин решили разойтись и по жребию разделили имущество. В течение трех лет Щепочкин перенес доставшиеся ему “с парусной фабрики десять светлиц старых против палат” и старые хозяйские хоромы на свою землю, где уже были построены новые кирпичные сараи. Гончаров тоже начал преобразования на своей земле. Он активно занимался перепланировкой: в 1737–1738 гг. перенес на другие места амбары, хлебную избу, перенес и перестроил жилые хоромы, переложил заборы, в 1736–1741 гг. перестроил храм в камне. В результате сложился комплекс из зданий фабрик, стоящих вдоль реки Суходрев. Между фабричными строениями

располагался жилой дом, на противоположной стороне двора стояла церковь с въездными воротами. Эта планировка легла в основу последующего формирования дворянской усадьбы. Осознание необходимости владеть именно усадьбой пришло к А. А. Гончарову не сразу, а лишь после того, как бывший посадский человек стал дворянином. 6 сентября 1742 года Елизавета Петровна пожаловала ему звание коллежского асессора в ранге майора, дававшее право на потомственное дворянство, а 20 января 1744 года Гончарову был выдан именной патент о его новом социальном статусе. В 1763 году на основании именного указа Екатерины II Гончаров получил право, принадлежащее дворянству, для себя и своих детей покупать деревни. Новая социальная роль ставила перед Афанасием Абрамовичем новые задачи, лежащие в области поведенческого стереотипа, соответствующего новому социальному статусу. Он начинает пользоваться правами принадлежавшими дворянству. Постепенно стали меняться быт и образ жизни, пришла привычка приобретать “самое лучшее” и окружать себя предметами роскоши.

Осознание А. А. Гончаровым себя господином, человеком, по чину относящимся к дворянскому сословию, имело последствия и для преобразования территории

Расположение на территории Полотняного Завода каменных строений, принадлежавших А. А. Гончарову в 1767 г.

Реконструкция выполнена на основе Межевого плана 1767 г. и Ведомости об оборудовании парусной и бумажной фабрик А. А. Гончарова 1780 г., путём наложения объектов на спутниковую Яндекс. Карту.

1. Корпуса Полотняной фабрики; 2. Палаты А. А. Гончарова; 3. Бумажная фабрика с корпусом, где хранили и перебирали сухую тряпицу, где находились пожарные заливные машины, разные железные и медные инструменты; 4. Гостинный двор для приезжих. Здесь же в деревянных зданиях располагались мыльня, для мытья пряжи, толчея водяная, в которой толкли и хранили пеньку, кузня и другие производственные постройки; 5. Храм в честь Преображения Господня, палата для продажи писчей бумаги и две палаты — мужская и женская богадельни; 6. Корпус с домовыми службами, жилыми покоями; 7. Палаты для варки крахмала и изготовления уточной нити

с промышленным комплексом в дворянскую усадьбу. Мир дворянской усадьбы — это уклад жизни, где переплетались хозяйственные заботы и эстетические удовольствия, созерцание русской природы и интеллектуальные занятия, приемы гостей, праздники и тесное семейное общение. Архитектура, парки, живопись, скульптура, а также поэзия, музыка, театр — всё это создавало целостные усадебные ансамбли. Царившая в дворянских усадьбах бытовая атмосфера, как правило, была отмечена высокой духовностью их владельцев, которую характеризовали собранные в усадьбах художественные коллекции и библиотеки. Дворянская усадьба А. А. Гончарова развивалась по общепринятым канонам, но её привязка к местности была довольно необычной.

Сложившаяся к сороковым годам XVIII века объемно-планировочная композиция промышленного комплекса с жилыми палатами, каменной церковью Спаса Преображения и примыкавшими к ней Спасскими воротами имела замкнутое пространство. Ее основу составили здания фабрики. Производственный процесс выстраивался поступательно, от операции к операции, и осуществлялся в расположенных одна за другой палатах. Это были типичные замки, т.е. здания, представлявшие собой единое сооружение традиционной П-образной формы. Жилые палаты, возведенные между фабриками, были одновременно и административным центром.

В это время высшее русское общество было уже хорошо знакомо с тем, как следует устраивать загородные

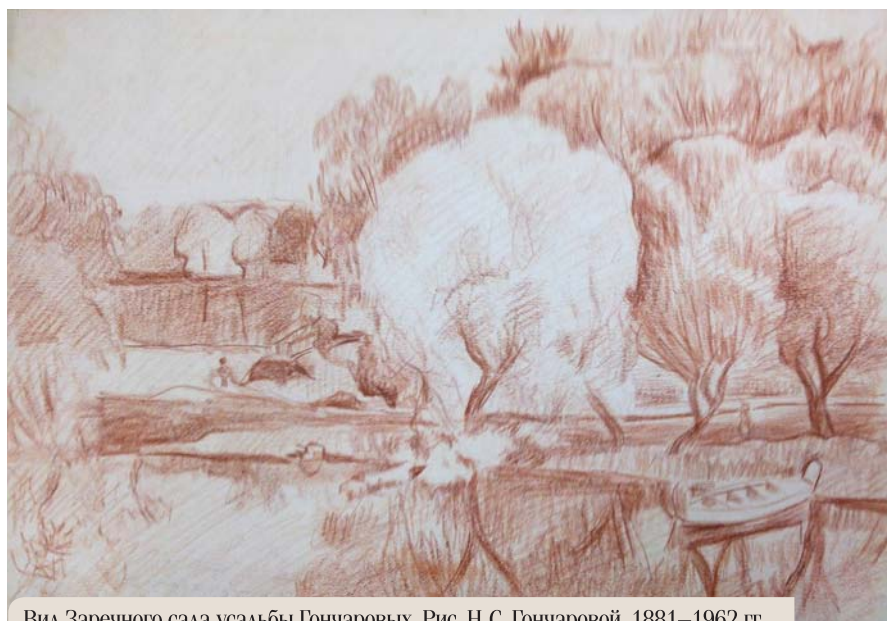
Главный усадебный дом Гончаровых. Конец XIX в.

резиденции. “Образцовыми” проектами определялись равномерность планировки и симметричность композиции архитектурного ансамбля. Обязательными элементами его были пруд, регулярный сад с центральной аллеей и садовыми постройками, оранжереи, жилой дом. Судя по всему, А. А. Гончаров также был освещен в этом вопросе, поскольку основные элементы дворянской усадьбы он завел у себя на Полотняном Заводе. Но к планировке усадьбы владелец подошел весьма практично. Афанасий Абрамович не стал изменять планировку двора на симметричную композицию. Композиция замкнутого пространства лучше отвечала задачам отлаженного производства, позволяла хозяину держать его под контролем и обеспечивала необходимую безопасность в местности с непроходимыми лесами в беспокоеное время народного брожения, дошедшего в 1752 году до открытого восстания. Характер местности также не позволял развернуть симметричную планировку усадьбы: фабрики были размещены на небольшом по ширине участке земли, вытянутом по оси север — юг, в излучине реки Суходрев, и спланировать парк с направлением центральной аллеи на дом было невозможно. На юг, за глухими стенами двух замков, тянулись пашенные угодья и далее в изгиб реки — лес. Практичный А. А. Гончаров создает не один парк, а два. Первый усадебный сад размещает к северу от двора, за оградой и Спасскими воротами, через которые осуществлялся въезд в усадьбу из Медыни через с. Большое Спасское на Згомонях, на месте плодового сада, заложенного еще в 1736 году. С 1761 года сад стал именоваться Красным, и в 1767 году, когда сад обнесли

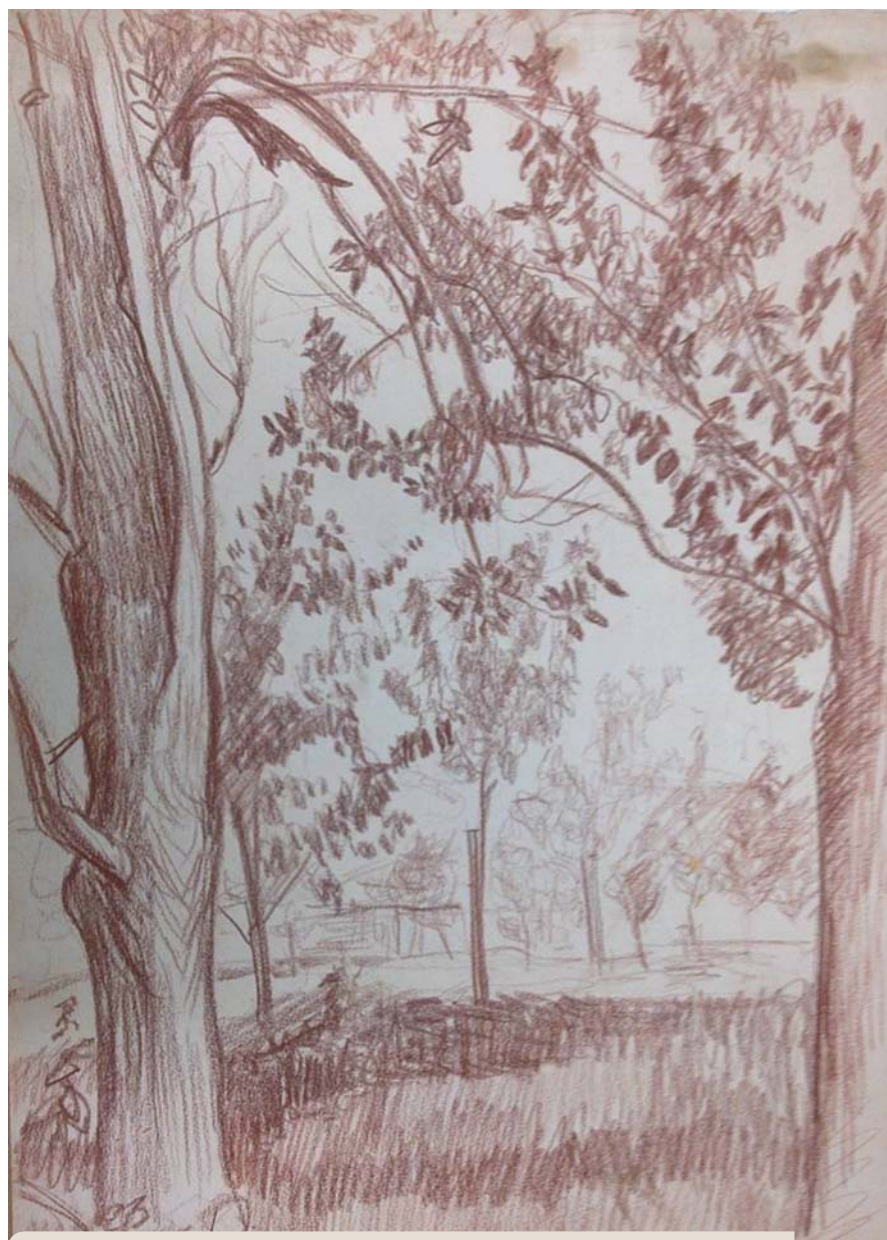
изгородью, его формирование завершилось. Назначение сада за годы его существования неоднократно менялось. В первом саду росли плодовые деревья в соответствии с традициями русского садового искусства XVII—XVIII вв. С 60-х годов XVIII в. сад стал регулярным. Внутри П-образного пруда были разбиты дорожки, между которыми в куртинах росли яблони, смородина, клубника, виноград, крыжовник, вишни, были разбиты цветники, из оранжереи выставляли растения в кадках и горшках. При А. А. Гончарове сад украшал фонтан, при Афанасии Николаевиче появились статуи, беседки, устроены качели, зверинец. Проходившая через Красный сад калужская дорога была замощена в 1822 году. Так что в первый и последующие свои визиты в Полотняный Завод А. С. Пушкин въезжал в усадьбу по мощенной мостовой. На берегу пруда стоял летний домик, или красный домик, как его иногда называют в литературе и связывают с именем поэта. После 1853 года на части Красного сада, примыкающей к поселку, Гончаровы организовали торговую площадь с лавками. Судьба Красного дома остается до конца неизвестной. Второй усадебный сад, получивший название Большой, формировался южнее Красного, к востоку от господского дома и ткацкой фабрики. Большой сад — это черед посадок плодовых деревьев, которые располагались и стройными рядами, как яблони, которых было очень большое количество, например, в 1792 году было посажено 660 яблонь, и небольшими колониями в разных частях усадьбы. Так, в грунте возле оранжереи росли одно абрикосовое дерево и четыре виноградных куста, в простенках между различными строениями — 120 груш, 50 слив, 31 вишня;

Геометрический специальный план села Спасского что на Згомонях. 1846 г.

Вид Заречного сада усадьбы Гончаровых. Рис. Н.С. Гончаровой. 1881–1962 гг.

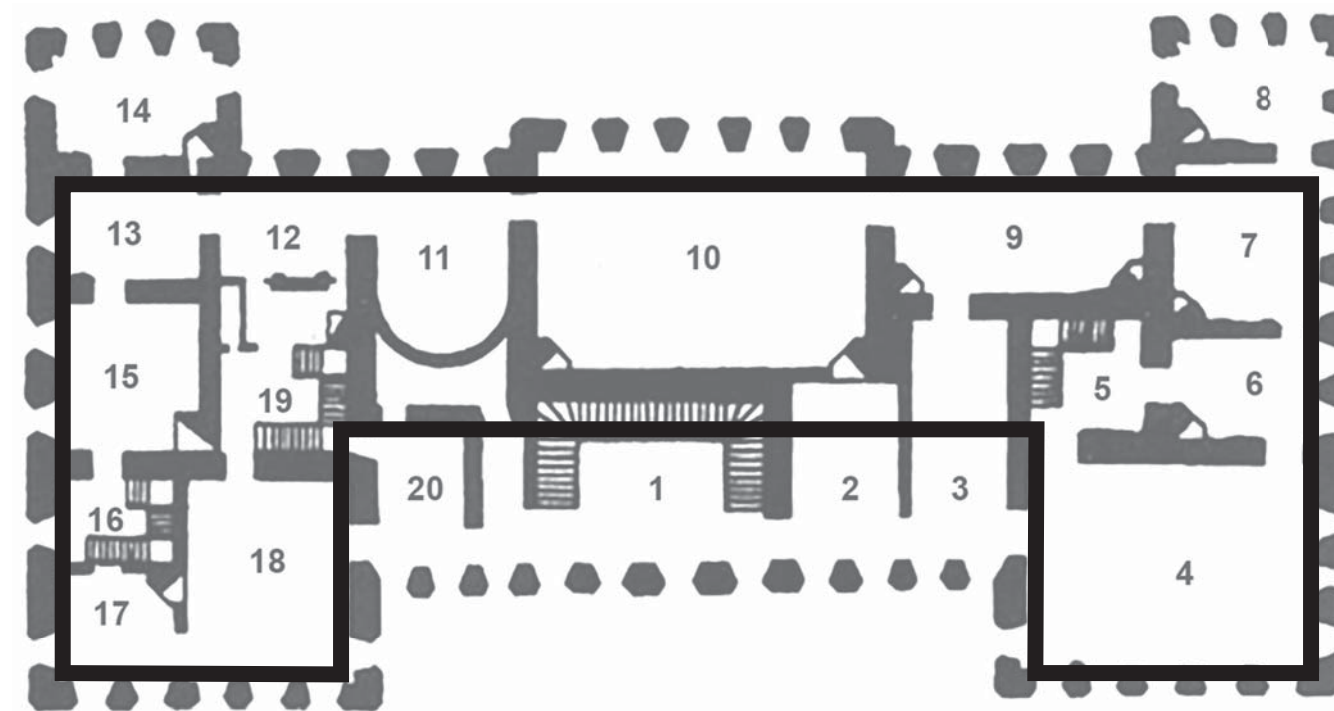
Вид Большого сада усадьбы Гончаровых. Рис. Н.С. Гончаровой. 1881–1962 гг.

возле сараев против оранжерей — 2 бергамота, 14 груш, 20 испанских вишен; возле светлиц (или ткацких палат) — 37 груш; у ворот — 14 испанских вишен; против скотни — 3 груши и 2 бергамота.

Строения усадьбы и Большой сад оказались в тесном соседстве, так как изменения в саду шли в контексте перемен в усадьбе в целом. В 1764–1770 гг. здесь были масштабные строительные и ремонтные работы: ремонтировались различные хозяйственные постройки, расширяли оранжерею, строили внизу по течению р. Суходрев новую фабрику, перестраивался господский дом, строили каменную конюшню и манеж. Последние были поставлены напротив корпуса хозяйственных построек и северного крыла господского дома через двор таким образом, чтобы рядом с ними прошла аллея от господского дома по его центральной оси в Большой сад. Так было найдено оригинальное решение центральной парковой аллеи с перспективой на дом, которая, не являясь въездной в усадьбу, а вводила в Большой сад через ворота, прикрепленные к кирпичным столбам.

На территории Большого сада было несколько прудов разного размера с рыбой, огороды, где выращивали дыни, свеклу, бабы, морковь, черную смородину, крыжовник, различную рассаду, малину, землянику, клубнику, огурцы, спаржу, несколько оранжерей, среди которых были сливная и ананасная оранжереи. В 1766 году была построена теплица, в 1767 году — парники. Большой сад имел не только хозяйственное назначение, здесь была создана и эстетическая среда: устроена беседка, разбиты липовые аллеи, которые подстригали регулярно, устроены цветники, а вокруг них перила, стояли скамейки, через водоемы были перекинута мосты. В саду можно было совершить конную прогулку, попав туда непосредственно из манежа через застекленное зеленым стеклом и украшенное 25 балясами крыльцо.

Немного севернее въездных ворот А. А. Гончаров завел у себя еще один усадебный объект — оранжерею. Здесь в грунте и в ящиках росли персики, миндаль, абрикосы, французские белые сливы, французские груши, вишни, гранаты, лимоны, апельсины, кофейные и лавровые деревья, множество экзотических цветов. Окна

План второго этажа дома Гончаровых в Полотняном Заводе. Черная линия обозначает П-образный контур жилых палат. 1767 г.
1. Парадная лестница; 2. Прихожая; 3. Бильярдная; 4. Зал; 5. Службная лестница; 6. Лакейская; 7. Кабинет; 8. Комната при кабинете; 9. Столовая (малая гостиная); 10. Большая гостиная; 11. Китайская (диванная); 12. Екатерининская (парадная) спальня; 13–14. Комнаты хозяйки; 15. Детская; 16. Службная лестница; 17. Кабинет; 18. Спальня (девичья); 19. Лестница на третий этаж; 20. Проходная.

Реконструкция Е. В. Николаева на основании обмера М. Д. Циперевича. Название комнат сообщены Г. Д. Гончаровым. В скобках даны предположительные названия комнат в конце XVIII в.

оранжереи закрывались ставнями, внутри были настелены полы и стояли скамейки. Созданная атмосфера способствовала созерцанию красоты, игры света-тени, которые вместе с благоухающими ароматами и комфортной температурой навевали впечатление райского сада.

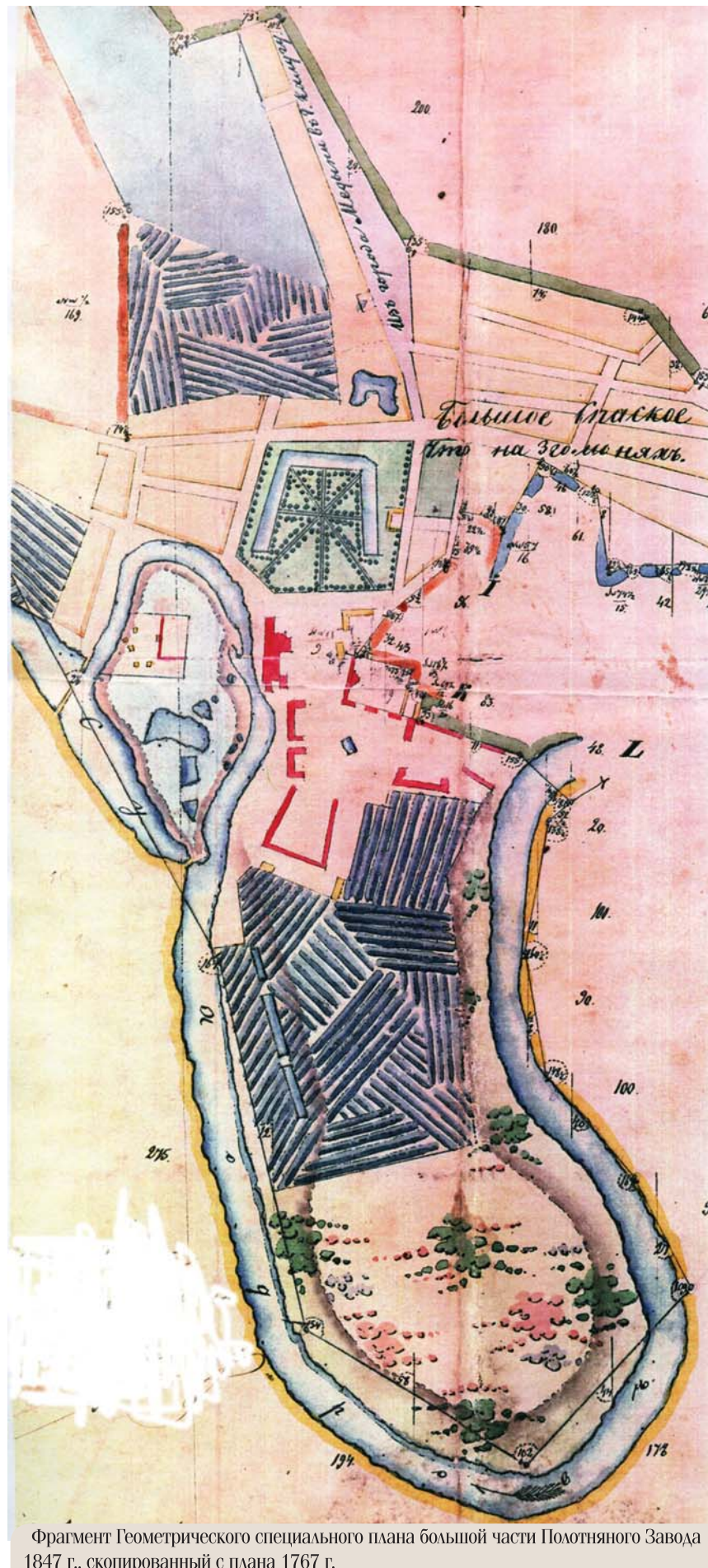
Не менее оригинально поступил А. А. Гончаров с перестройкой дома. Поскольку жилые палаты были поставлены между корпусами бумажной и полотняной фабрик, соответственно на север и юг невозможно было их расширение. Нарастить объемы можно было только с восточной и западной сторон. В 1770 году возвели стену с восточной стороны, соединив два параллельных крыла П-образного замка и превратив их в ризалиты (выступы). Внутри полученного объема была размещена массивная деревянная лестница, а снаружи к стене примыкал широкий балкон, опирающийся на арки крыльца. С западного фасада ризалиты были пристроены к плоскости стены. В результате была создана планировка дома, сохранившаяся в пределах первого и второго этажей до наших дней. Сведения об интерьерах этого периода скудны. Известно лишь из документов, что в 1772 году в доме работал Осип-живописец, в палатах «паникадильницы хрустальные вешали», заказываются образа, портреты, собирается библиотека, к 1772 году в ней насчитывается около 200 произведений.

К 1767 году сложился усадебный ансамбль, который был зафиксирован на Геометрическом специальном плане Калужской губернии Медынского уезда Большой части Полотняного Завода. На плане хорошо видно, что многочисленные строения разной конфигурации расположены по периметру двора, на противоположном берегу

реки Суходрев и одно строение находится в саду. Вдоль Суходрева вверх по течению реки самое крупное здание занимала бумажная фабрика, далее — хозяйственный корпус, где хранили и перебирали сухую тряпицу, находились пожарные заливные машины, разные железные и медные инструменты. Третье строение — палаты, где «жилецовывал» А. А. Гончаров и были кладовые. Затем полотняная фабрика расположенная в 3-х корпусах П-образного замка. Позади полотняной фабрики находились летняя кухня для мастеровых и чесальня каменная. В саду — палата, где отливали медные инструменты. По другую сторону Суходрева семь строений, где находились мыларня (мыли пряжу), хранили золу, мыло, сажу и другие материалы; была пильня на каменном фундаменте для распилки леса, толчея водяная, в которой толкли пеньку, палаты для уточной пряжи, для хранения ветоши, кузня, гостиный двор(каменный) для приезжих.

Кроме строений производственного и жилого назначения севернее бумажной фабрики на плане 1767 года нанесен сад. Это — Красный сад, сад-долгожитель: заложены еще 1736 году, как усадебная единица он прекратил свое существование вместе с усадьбой, но его элементы — П-образный пруд и вековые липы — сохраняются по сей день.

Работы по обустройству дома и садов продолжались до последних дней Афанасия Абрамовича Гончарова. Так 1783 году в Красном саду переделывали фонтан, в палатах работали живописцы. Хозяин усадьбы завел музыкантов, сшил им кафтаны, переплел певчие и музыкантские книги. И, наконец, основатель дворянского

Фрагмент Геометрического специального плана большой части Полотняного Завода 1847 г., скопированный с плана 1767 г.

рода Гончаровых придумал на территории рощи в излучине Суходрева разбить Английский сад, «придать естественной красоте художественную... из леса сделать парк». Первым актом обращения рощи в парк стало устройство в 1782 году беседки.

Однако воплощать задуманное пришлось внуку Афанасия Абрамовича, Афанасию Николаевичу Гончарову. В 1786 году для водных прогулок в роще он построил плот, выкрашенный белой, бордовой и зелёной красками. 10 июня 1789 года был нанят немец Иоганн Фридрих в должность садовника для смотрения за оранжерейным хозяйством, а также «разводить вновь английские и голанские сады, делать портеры и каскады и всё прочее, что к умножению садов следует, обучать всему оному 2-х человек» за 350 рублей.

Создание Английского сада с участием разных подрядчиков растянулось на несколько лет. В 1792 году в роще устроили зверинец, вырыли пруд, в июне 1795 года разбили дорожки, в мае 1797 года сделали горку улитку, в 1802 году нанятый для английского сада подрядчик Федор Рагушин начисто земляные работы отдал и построил беседки. Завершающим этапом руководил архитектор Фома Сысоевич Мильнер, по проекту которого в 1807 году в английском саду соорудили всевозможные сентиментально-романтические «затеи».

Планировка английского сада запечатлена в Геометрическом специальном плане 1846 года. Но жизнь английского сада оказалась недолгой. Парк постепенно приходил в запустение и, как и прежде, в середине XIX века снова стал источником строевого и дровяного леса. Картину запустения рисует и посетивший усадьбу в начале 20 века А. Средин: «...но уже давно не подстригаются дико разросшиеся столетние липы парка, а дороги зарастают травой и несут глубокие шрамы от перевозки дров из когда-то заповедной рощи, где в старину держали стадо оленей».

После смерти Афанасия Абрамовича, последовавшей 20 января 1784 года, вступивший во владение майором Афанасий Николаевич в 1785 году без промедления развернул широкомасштабные работы по преобразованию усадьбы и дома. Помимо английского сада он устроил еще один сад «заречный», ставший важной частью развития территории усадьбы за палатами с западной стороны. В период 1785–1787 годов дом надстроили третьим этажом, со стороны реки пристроили заднее крыльцо и балкон,

опирающийся на колонны. Напротив западного крыльца дома на берегу реки, укрепленном подпорной стеной, построили спускающуюся к воде навстречу друг другу двумя маршами лестницу. Таким образом, реконструкция западного фасада дома соотносилась с изменениями, проходившими в саду. Заречный сад устроили на месте находившегося за рекой вишневого сада: заменили изгородь и ворота, из большого пруда вырыли канал для спуска воды и сделали 600-метровый обшитый дёрном вал, засаженный плотно раkitником, перекинули мосток. В саду находилась обнесенная изгородью рабочая территория с ледяным амбаром, толчеёй, пильней и прочим. На территории сада было несколько прудов с рыбой. Остатки этих прудов сохранились до наших дней, как и несколько старых раkit с узловатыми мощными стволами и обвисшими длинными плетями ветвей.

В результате надстройки дома третьим этажом в палатах появились нижний этаж, бельэтаж или средний этаж и антресоли. В среднем этаже были устроены: большая гостиная, кабинет барина, уборная, картинная, столовая, диванная, бильярдная. Одновременно в обновленный дом в столярной мастерской Полотняного Завода изготовляли новую мебель: столы и столики, в том числе ломберные, шкафы, диваны и стулья, трюмо и рамы. Мебель изготовлялась в соответствии с отделкой комнат, в которую она предназначалась, по рисункам архитектора Алексея Никитовича Бакерева из мастерской Матвея Федоровича Казакова. По его же проектам были изготовлены десюдепорты (наддверные декоративные композиции) в столовой. В настоящее время из всех парадных залов дома Гончаровых живописная и лепная отделка восстановлена в полном объеме только в этой комнате. Являясь частью общего решения, росписи на десюдепортах играют роль своеобразных просветов в стенах и похожи на отражение видов из окон в зеркалах. По сути, пейзажи на десюдепортах воспроизводят достопримечательности Полотняного Завода в виде идеальных художественных образов конкретных объектов: церкви, мельницы, фабрики — воплощению великих дел А. А. Гончарова во славу Отечества.

Среди диковин, появившихся в доме в этот период, были виртуозно исполненные многофигурные композиции из воска, украсившие столики в гостиной. Одна из этих композиций — «Оркестр», национализированная вместе с другим усадебным имуществом Полотняного Завода, поступила в 1921 году в Губернский краеведческий музей, позже ставший областным, и хранилась там до 24 февраля 1960 года, когда была передана в создаваемый в то время в Москве Государственный музей А. С. Пушкина.

Основные работы в палатах продолжались включительно по 1793 год. Следующий этап изменений в доме связан с очередной перестройкой в палатах в 1810 году, когда перекрыли большую гостиную и двухсветный зал. Образовавшиеся новые комнаты в антресолях, предназначались для членов растущей семьи Н. А. Гончарова. Залы среднего этажа в декабре 1812 году украсили новые зеркала в рамах из красного дерева с мраморными подстолями. Эти зеркала, величиной в полтора, два с половиной и три аршина запечатлены на фотографиях и рисунках конца XIX — начала XX веков.

Следует упомянуть, что в 1814–1815 годах был перестроен и расположенный в Красном саду летний дом: он стал двухэтажным, изменились планировка комнат и объем, так

Из картин на десюдепортах в залах дома Гончаровых. Автор неизвестен

как пристроили небольшой флигель, китайский стиль сменил ампир. Для создания новых интерьеров старую мебель починили и сделали новые столики и диваны, шкаф для платьев, кресла и стулья, фанерованные красным деревом.

Мебель, сделанная в 1793–1794 годах для главного дома, неоднократно ремонтируемая в последующие годы, а так же мебель, перенесенная из летнего домика, оставались в убранстве дома до момента национализации усадьбы в 1918 году. А отделка стен, потолков и пола в среднем этаже и в антресолях сохранялась до разрушения дома в 1941 году. Существующая ныне в восстановленном усадебном доме музейная экспозиция отчасти дает представление об этих интерьерах.

Проходя по музейным залам, мы видим уникальные предметы мебели, выполненные русскими крепостными мастерами с виртуозным мастерством. Архивные документы сохранили для нас имена некоторых из них, и, прежде всего, это имена Алексея Хлебникова и П. Т. Олимпиева. Может быть, наследники этих мастеровых живут и по сей день в Полотняном Заводе, но они участники другой истории — истории поселка Полотняный Завод, где прошлое и настоящее существует в неразрывной связи. И прошлое Полотняного Завода задаёт тон его современному развитию. ■

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ЭТЮДЫ

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ВОСКОВОГО ОРКЕСТРА

Дмитрий Кузнецов,
член Союза писателей России

Есть среди раритетов минувших времён предметы настолько изящные и оригинальные, что сам вид их, чудом сохранившихся до наших дней, внушает некоторый душевный трепет. Подумать только, — изготовлена вещь столетия назад, но время над ней не властно, проходят года, меняются эпохи, а она живёт и радует людей.

Таков знаменитый Восковой оркестр из Дома Гончаровых, созданный в XVIII веке по заказу Афанасия Николаевича Гончарова — эпикурейца и мота, истинного русского барина, воплотившего в себе все красивые и дурные стороны этого помещичьего типа.

Чудесные фигурки были сделаны московским восковых дел мастером (фигурщиком) Фёдором Ивановым. Очень вероятно, что и создавались они в Полотняном Заводе, куда по уговору с хозяином усадьбы, мастер приезжал в августе 1793 года. Афанасий Николаевич, увлечённо занимавшийся перестройкой и украшением дома, неоднократно обращался с заказами к фигурщику и платил ему значительные суммы.

До нашего времени дошло упоминание о двух композициях, изготовленных из воска. Одна из них посвящалась охоте, любимому барскому развлечению (Афанасий Николаевич держал своры породистых собак, по тем временам стойких бешеных денег). «Двенадцать вершников с рогами, две заводные лошади и двадцать восемь собак в виде полной полевой охоты» — всё это, словно бы замерло в самый напряжённый момент, но...

увидеть сие волшебство мы не сможем, — композиция не сохранилась. Зато другим шедевром из коллекции Афанасия Николаевича мы можем наслаждаться ныне, рассматривая его в двух вариантах: в оригинальном, представленном в Москве, в Государственном музее А. С. Пушкина «Мемориальная квартира А. С. Пушкина на Арбате», и восстановленном, который находится в доме Гончаровых, в Музее-усадьбе «Полотняный Завод».

Восковая композиция «Крепостной оркестр» из усадьбы Гончаровых. 1910-е гг.

Сохранившийся до наших дней «Крепостной оркестр» из усадьбы Гончаровых

В столичный музей подлинный Восковой оркестр был передан из Калужского краеведческого музея в 1960 году, в период создания пушкинской Мемориальной квартиры, где есть и комната, посвящённая жизни в имени Гончаровых. Ну а до этого времени маленьким музыкантам оркестра довелось испытать немало опасных приключений, некоторым из них даже стоивших жизни. Увы, со временем некоторые восковые фигурки были утрачены. Самый большой удар по композиции нанесло палящее солнце на одной из выездных выставок, фигурки оплавившись. Переданные для восстановления

в Научно-реставрационный центр им. И. Э. Грабаря, фигурки чуть было не погибли во время пожара летом 2010 года. Восковые музыканты, к счастью, находились в специальном сейфе, и его толстые стены с засыпанным между ними песком, уберегли их от гибели. Сейчас героический оркестр — один из ценнейших экспонатов пушкинской «Мемориальной квартиры», научные сотрудники которой предпринимали даже попытки установить, есть ли где-нибудь в мире подобные изделия? Но ничего похожего найти не удалось.

Между тем, калужские и московские музейщики справедливо считали,

что Восковой оркестр — в том или ином качестве — должен пребывать у себя на родине, в Полотняном Заводе. В конце концов, изделие это олицетворяет собой живую связь времён, зримо свидетельствует о жизни в знаменитой дворянской усадьбе, об увлечениях её владельцев. И это — интереснейший эпизод великолепной эпохи Русского классицизма, запечатлённый руками народного умельца. Так возникла идея воссоздания Воскового оркестра, воссоздания современным мастером, но — с учётом всех особенностей, всех нюансов, присущих оригиналу.

К настоящему времени сохранилась одна-единственная фотография

композиции, сделанная в начале XX века, на которой хорошо видны миниатюрные музыканты (включая тех, что не сохранились), можно рассмотреть детали их костюмов. Они одеты в кафтаны разных цветов, большей частью — коричневых и зелёных. Элементы костюмов — кружева жабо, пуговицы, жилеты — проработаны весьма тщательно. Позы у музыкантов свободны и естественны, — этого совсем не просто добиться в статичной композиции. В самом центре, в окружении оркестрантов, за клавирами (старинный инструмент — предшественник современного фортепиано) сидит Надежда Платоновна — супруга Афанасия Николаевича Гончарова. Она — в роскошном белом платье и напудренном парике. Очевидно, заказчик изделия готовил его в подарок супруге. И, несомненно, этот дар был для дамы чрезвычайно приятен.

Спустя столетия, совсем не легко найти мастера, способного сделать не просто копию старинного изделия, но — вдохнуть в него новую жизнь, и на новом

Реконструированная композиция «Восковой оркестр». Худ. М. Гусева

витке истории приобщить нас к красоте, к эстетической утонченности далёкой эпохи. В Калуге такой мастер нашёлся! Художник Марина Гусева, очень известная в России и за рубежом своими работами в области декоративно-прикладного искусства, взяла на себя непростую задачу воссоздания воскового оркестра.

«Исследовав работу более чем двухсотлетней давности, — рассказывает Марина Григорьевна, — я пришла к выводу, что автор изделия работал в технике отливки восковых фигур, ведь между собой они очень похожи. Конечно, есть и различия: рукава кафтанов разнятся, к примеру... Но в целом, фигурки схожи друг с другом. Я же работаю с современным пластиком — это искусственная глина, материал, на ощупь напоминающий пластилин, который на финальном этапе проходит стадию обжига. В этой технике нельзя заниматься отливками, каждая фигурка вылепливается персонально. И потому все вместе фигурки смотрятся не одинаковыми, любая из них имеет свою индивидуальность, которая проявляется даже в динамике складок на костюмах. Я выполняла сложную задачу: делала не просто копию, а новый вариант старого шедевра. Мне пришлось познакомиться с технологиями XVIII века, вникнуть в специфику старого производства, а потом всё это сопоставить с современными возможностями. В сущности, новый Восковой оркестр — самостоятельное

произведение, в основе которого — Восковой оркестр XVIII века».

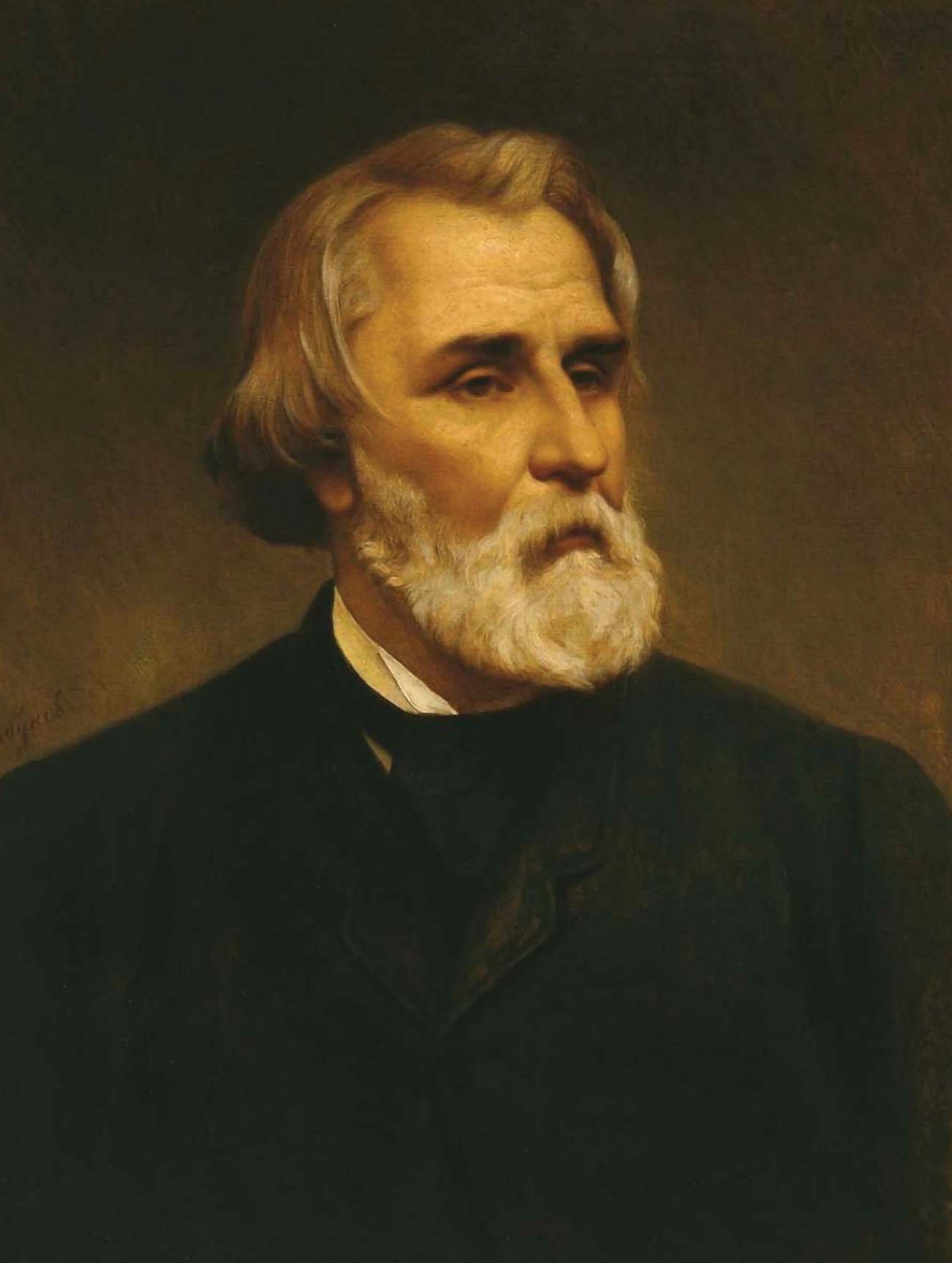
В реконструированном оркестре — двадцать фигурок, высота каждой 10 сантиметров. В руках у музыкантов — миниатюрные инструменты: скрипки, фаготы, валторны... Чтобы всё было исключительно правдоподобно, Марина Гусева изучила и правила рассадки музыкантов Камерного оркестра. Но задачу ей дополнительно усложнили. В центр композиции было решено поместить ещё две фигурки, а именно — двух Гончаровых: самого Афанасия Николаевича, играющего на скрипке, и его сына — Николая Афанасьевича (отца Натальи Николаевны, супруги великого поэта), который играет на виолончели.

Весьма примечательный момент! На пюпитрах у музыкантов — нотные листки, где записан романс на французском языке, сочинённый Николаем Афанасьевичем Гончаровым. Известно, что он обладал художественными способностями, писал стихи, занимался музыкой. Его родители — Афанасий Николаевич и Надежда Платоновна (в оркестре она — за клавирами) — всячески поддерживали увлечения сына. Средства богатейшей семьи России позволяли приглашать в дом известных музыкантов, с которыми Гончаров-младший мог играть в своё удовольствие.

Отныне воссозданный в полном «семейном» составе чудесный Восковой оркестр радуется посетителей Дома Гончаровых в Полотняном Заводе. Глядя на него, мы словно бы открываем окошко в далёкое XVIII столетие. И это — важный шаг для осознания нашего прошлого, которое волшебным образом звучит в залах старинного дома, вылетая из-под смычков маленьких музыкантов, приобретая вдруг яркие краски, изящные контуры, зримые, почти осязаемые черты. ■

М. Гусева и её оркестр

ПОЭТ, ТАЛАНТ, АРИСТОКРАТ, КРАСАВЕЦ...

Татьяна Бессонова,

главный хранитель Калужского объединенного музея-заповедника,
член Союза писателей России

В 2018 году исполняется 200 лет со дня рождения классика русской литературы Ивана Сергеевича Тургенева. Широко известен он как писатель, поэт, драматург, переводчик, а кроме того — как первый публикатор писем Александра Сергеевича Пушкина к своей невесте, затем жене, Наталье Николаевне, урожденной Гончаровой.

После смерти Н. Н. Ланской в 1864 г. письма ее первого мужа А. С. Пушкина перешли дочери — Наталье Александровне Меренберг. В 1877 г. она поручила Тургеневу публикацию этих писем с условием, что он по своему усмотрению исключит места, имеющие слишком интимный, семейный характер или неудобные для печати. С некоторыми пропусками письма были напечатаны в № 1 и 3 журнала «Вестник Европы» за 1878 г. Публикация сопровождалась предисловием Тургенева, в котором Иван Сергеевич писал: «Едва ли кто-нибудь может сомневаться в чрезвычайном интересе этих новых писем Пушкина. Не говоря уже о том, что каждая строка величайшего русского поэта должна быть дорога всем его соотечественникам; не говоря уже о том, что в этих письмах... так и бьет струёю светлый и мужественный ум Пушкина, поражает прямота и верность его взглядов, меткость и как бы невольная красота выражения, — но вследствие исключительных условий, под влиянием которых эти письма были начертаны, они бросают яркий свет на самый характер Пушкина и дают ключ ко многим последовавшим событиям его жизни, даже и к тому, пе-

чальному и горестному, которым, как известно, она закончилась. Писанные со всею откровенностью семейных отношений, без поправок, оговорок и утаек, они тем яснее передают нам нравственный облик поэта.

Несмотря на своё французское воспитание, Пушкин был не только самым талантливым, но и самым русским человеком своего времени; и уже с одной этой точки зрения его письма достойны внимания каждого русского человека; для историка литературы они — суший клад; нравы, самый быт известной эпохи отразились в них хотя быстрыми, но яркими чертами...

Не должно также забывать, что со времени начертания этих писем прошло полвека и что, следовательно, когда дело идёт о выяснении такой личности, каковою был Пушкин, историк вступает в свои права — и давность облакает своим почтенным покровом то, что могло бы прежде показаться слишком интимным, слишком близко касающимся отдельных частных лиц. Сама дочь поэта, решившись поделиться с отечественной публикой корреспонденцией своего родителя, адресованной к его жене — её матери — освятила, так сказать, наше право перенести весь вопрос в более возвышенную и безучастную — как бы документальную сферу.

Нам остаётся искренне поблагодарить графиню Н. А. Меренберг за этот поступок, на который она, конечно, решилась не без некоторого колебания — и выразить надежду, что ту же благодарность почувствует и докажет ей общественное мнение».

В этом предисловии Тургеневым намечены главные аспекты изучения писем в последующие годы: они рассматриваются как документы чело-

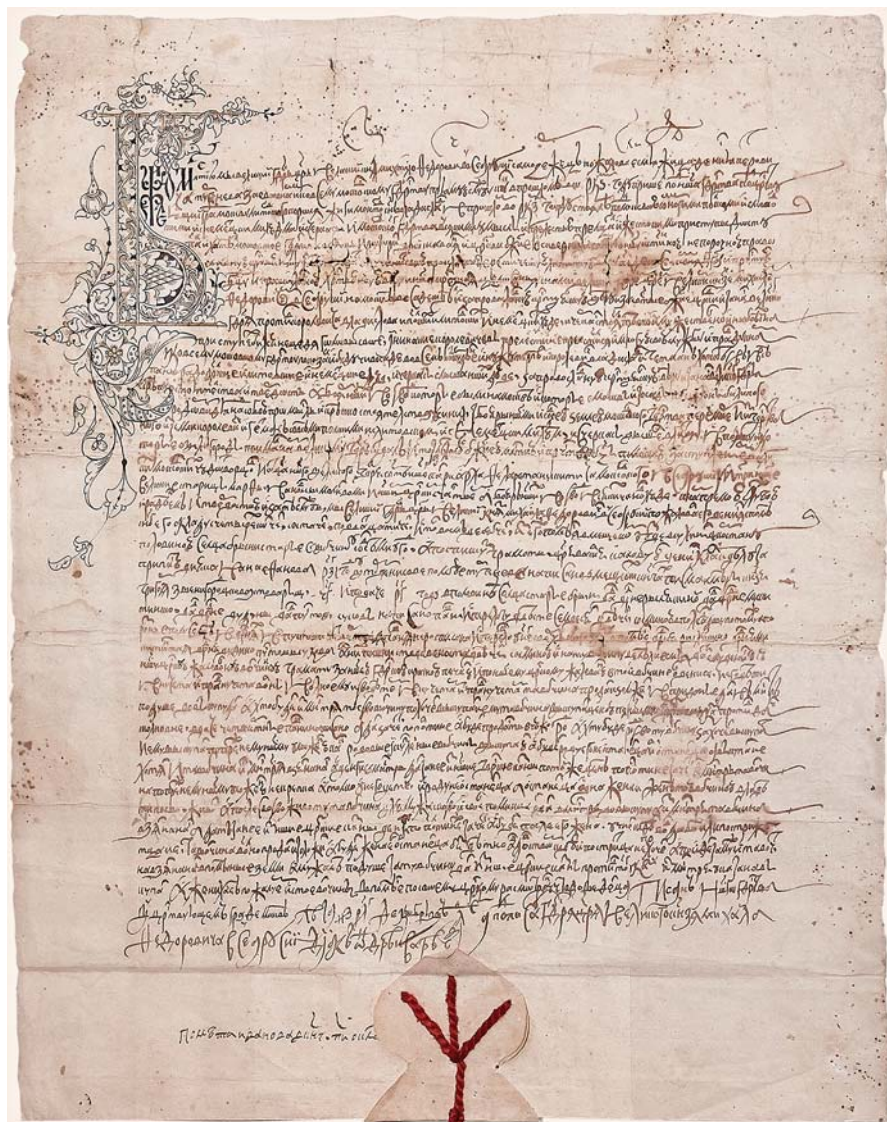
веческие, касающиеся «отдельных частных лиц», как документы исторические, отражающие «быт известной эпохи», и как явление литературы, весьма значительное для понимания историко-литературного процесса начала XIX в.

Надежды Тургенева на то, что «общественное мнение» выразит благодарность дочери поэта, далеко не оправдались. Одни были возмущены «резкими выражениями, которые Пушкин употреблял в корреспонденции с хорошенькой женщиной», другие отнеслись к ним презрительно, как к «домашнему хламу», который «роняет Пушкина». Сам Тургенев сообщил Анненкову: «Первая половина писем не имела успеха. Письма, видишь, нашли слишком бесцеремонными и грубыми». И позднее, когда вышла вторая часть писем, он повторил то же мнение: «Письма <...> решительно не понравились нашей „благоприличной“ публике».

Иначе отнеслись к публикации Тургенева в научных кругах. П. В. Анненков, прочитав письма, писал М. М. Стасюлевичу: «Письма Пушкина чаруют меня по-прежнему, несмотря на выпуски и пропуска... семейная мина Пушкина так же хороша, как поэтическая его мина: я имею слабость любоваться ею и, конечно, хотел бы, чтобы при сём удобном случае кто-нибудь из знающих поговорил о ней серьёзно и умно».

После публикации Тургенева письма поэта к жене вошли в научный оборот. Но, изучая жизненный и творческий путь Ивана Сергеевича, нельзя не обратить внимания и на иные связи с Калужским краем. Один из ведущих исследователей жизни и творчества Тургенева Н. М. Чернов в книге «Дворянские гнёзда вокруг Тургенева»

Портрет И. С. Тургенева.
Худ. К. А. Горбунов. 1872 г.

Жалованная грамота царя Михаила Федоровича жильцу Денису Петровичу Тургеневу. Бумага, скоропись, лигатура, красный шнур, вислая печать красного сургуча

отмечает, что «в давнее время эта родовая ветвь «наших» Тургеньевых коренилась в Калужской земле... Позднее переместились, — по разным причинам — в Тульскую, Орловскую и иные губернии... Пращуром своим Тургеньевы считали мурзу Льва Тургена, именовавшегося в крещении Иваном, выехавшего из Орды к великому князю Василию Тёмному (1425–1462 гг.). И все нисходящие

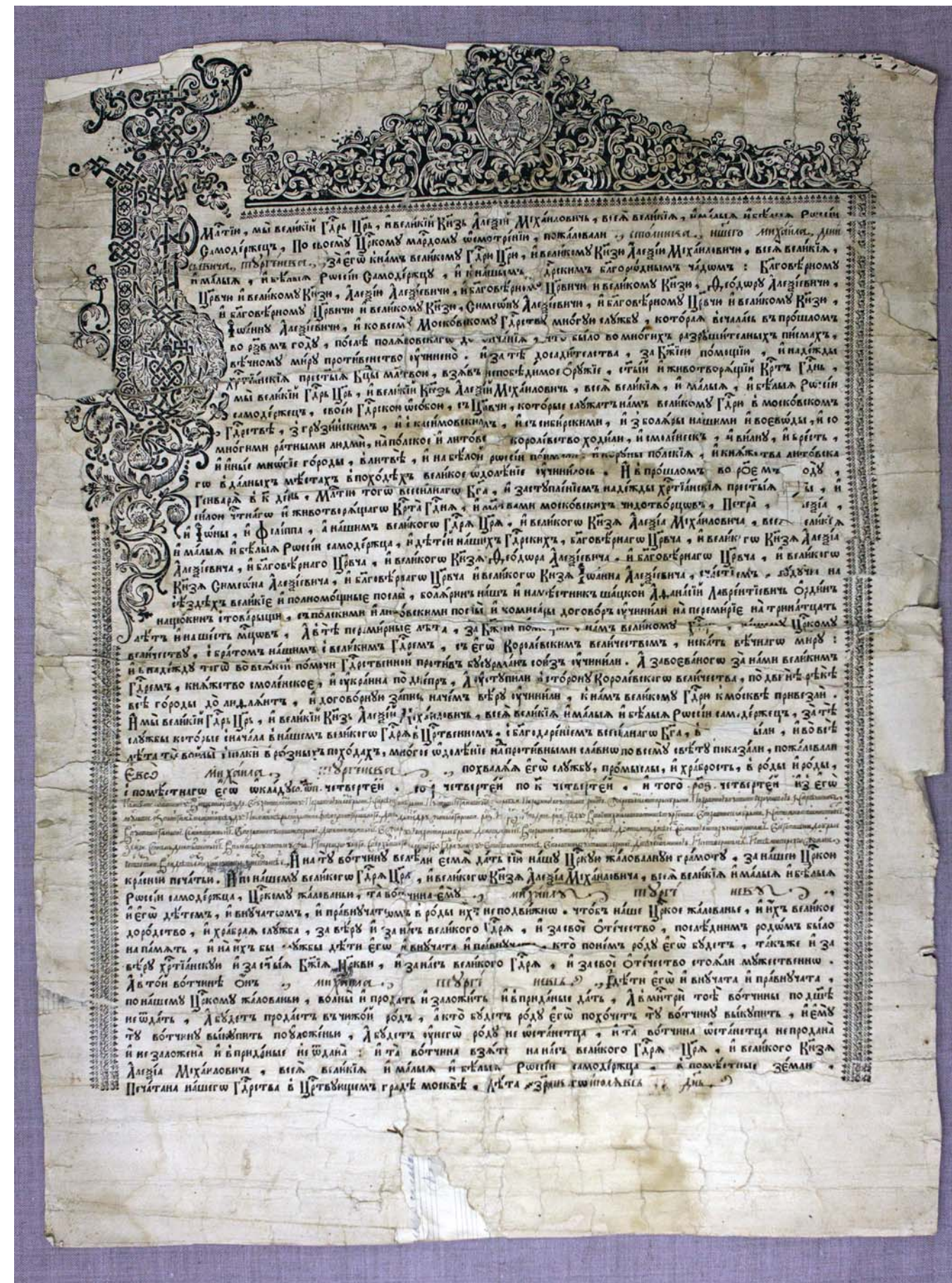
«пять колен» рода Льва-мурзы воспринимали Калужский край как свою родину. Деды и прадеды великого писателя, по крайней мере, с Семёна Осиповича, погибшего в 1696 году под Азовом, тоже являлись Калужскими помещиками, владели землями в Говеинской волости около Воротынска. На берегах рек Угры и Козловки у Тургеньевых была родовая усадьба Железцово, по старому

наименованию — Хмелевое. Имелись у пращуров писателя и другие вотчины в Калужской округе».

Изыскания Н. М. Чернова подтверждается двумя подлинными документами, хранящимися в фондах Калужского объединённого музея-заповедника. Первый из них — Жалованная грамота царя Михаила Фёдоровича жильцу Денису Петровичу Тургеневу «за его к нам и ко всему Московскому государству службу во время нападения на Москву Литовского королевича Владислава в 1618/19 г. на поместье в Мещевском уезде, в Сухиничском стану половину сельца Брыни Старые, в вотчину со всеми угодьями. Писана грамота в Москве лета 7130 (1621) году декабря в 30 день» на тряпичной бумаге скорописью и скреплена вислой печатью красного сургуча.

Другой документ — грамота царя Алексея Михайловича на пожалование стольника Михаила Денисовича Тургенева за «многую службу» государю и царевичам Алексею, Фёдору, Симеону и Иоанну Алексеевичам, с 7162 (1653/54) года, «после поляковского докончания, похваляя его службу, промыслы и храбрость в роды и роды, из поместного его окладу с 880 четвертей со 100 четвертей по 20 четвертей, итого 176 четвертей из его поместья в вотчину в Мещевском уезде, в Сухиничском стану половиною селом Брыни на речке на Брыни, пустошью Гаммовою без жеребья, половиною пустоши Великою, жеребьем села Старые Брыни, половиною пустоши Белоусовою на речке на Белоусовке». Напечатана грамота в Москве «лета 7182 (1674) году июля в 22 день», текст помещён в заставку-рамку с изображением двуглавого орла.

Об упомянутых в грамотах Тургеньевых известно немного. Денис Петрович Тургенев, бывший в 1621 г. жильцом, т. е. имевший служилый чин «детей боярских», которые должны были всегда жить в Москве и быть готовы к службе и войне, в 1636–38 гг. уже воевода в Торжке, в 1643–44 гг. — осадный воевода в Тамбове, а в 1654–56 гг. — воевода у обоза государева в Польскую войну. Предположительно отец его, Пётр Никитич Тургенев был пытан и казнён вместе с мещанином Фёдором Калашниковым за обличение Лжедмитрия в 1606 г. Сын, Михаил Денисович, как явствует из грамоты, был стольником царя Алексея Михайловича. А внук, Иван Михайлович погиб под Дерптом в 1704 г.

Жалованная грамота царя Алексея Михайловича на пожалование стольника Михаила Денисовича Тургенева

Позднее земли, пожалованные этими двумя грамотами, так и оставались владениями разветвлённого рода Тургеневых. Но «Калужская тема» отразилась не только в документах, но и в произведениях великого писателя. Уже в первой главе «Записок охотника» — «Хорь и Калиныч», — которая стала дебютом Тургенева-прозаика, принесла автору огромный успех и положила начало работе над остальными рассказами про охоту, первые же строки наполняют гордостью сердце всякого калужанина: «Кому случалось из Волховского уезда перебираться в Жиздринский, того, вероятно, поражала резкая разница между породой людей в Орловской губернии и калужской породой. Орловский мужик невелик ростом, сутуловат, угрюм, глядит исподлобья, живёт в дрянных осино-

выбёнках, ходит на барщину, торговлей не занимается, ест плохо, носит лапти; калужский оброчный мужик обитает в просторных сосновых избах, высок ростом, глядит смело и весело, лицом чист и бел, торгует маслом и дёгтем и по праздникам ходит в сапогах. Орловская деревня (мы говорим о восточной части Орловской губернии) обыкновенно расположена среди распаханых полей, близ оврага, кое-как превращённого в грязный пруд. Кроме немногих раки, всегда готовых к услугам, да двух-трёх тощих берёз, деревца на версту кругом не увидишь; изба лепится к избе, крыши закиданы гнилой соломой... Калужская деревня, напротив, большею частью окружена лесом; избы стоят вольней и прямей, крыты тёсом; ворота плотно запираются, плетень на задворке не размётан и не выва-

лился наружу, не зовёт в гости всякую прохожую свинью... И для охотника в Калужской губернии последние леса и площадь исчезнут лет через пять, а болот и в помине нет; в Калужской, напротив, засеки тянутся на сотни, болота на десятки вёрст, и не перевелась ещё благородная птица тетерев, водится добродушный дупель, и хлопотунья куропатка своим порывистым взлётом веселит и пугает стрелка и собаку».

И будучи, зяблым охотником, Тургенев часто посещал наш Жиздринский и Козельский уезды.

Но больше «калужские» мотивы не проглядывают в произведениях писателя вплоть до января 1883 г. За несколько месяцев до смерти Тургенева в журнале «Вестник Европы» была опубликована повесть «Клара Милич», и в образе заглавной героини читатели узнали черты известной русской певицы (контральто, меццо-сопрано) и драматической актрисы Евлалии Павловны Кадминой, которая родилась в Калуге 7 (19) сентября 1853 г. в семье купца Павла Максимовича Кадмина. Евлалия была младшей из трёх сестёр. С раннего детства у неё стал проявляться буйный, очень гордый и независимый характер. Именно он, а также трагическая гибель актрисы в Харькове 10 (22) ноября 1881 г. и болезненное состояние самого Ивана Сергеевича, которого с 1882 года начали одолевать серьёзные недуги, — всё это способствовало появлению удивительного, нехарактерного для творчества Тургенева мистического произведения, пронизанного мыслями о смерти и бессмертной любви.

Однако самым ценным предметом, соединяющим сегодняшних калужан с великим писателем, можно назвать подлинный фотопортрет Тургенева с его автографом. В нижнем левом углу своего портрета, выполненного фотографом И. С. Дьягоченко, Иван Сергеевич сделал дарственную надпись известному оперному певцу (лирико-драматический баритон), солисту Мариинского театра: «Ивану Александровичу Мельникову в память Пушкинских праздников, в которых мы оба участвовали. От Ив. Тургенева Москва, июнь 1880».

Все эти редкие и уникальные предметы можно увидеть на выставке, посвящённой юбилею великого писателя, в Музейно-краеведческом центре «Дом Г. С. Батенькова». В соответствии с общей концепцией «Калужского

музеума», размещённого в МКЦ «Дом Г. С. Батенькова», на выставке представлены только подлинные материалы. Много внимания уделено творчеству Тургенева, причём показ ограничен временными рамками: только первые, прижизненные публикации произведений И. С. Тургенева и отзывов критиков.

В литературе Тургенев дебютировал как поэт. В 1838 году в печать выходят два его стихотворения: «Вечер» и «К Венере Медицейской». На выставке представлены обе эти публикации в журнале «Современник». Немалый интерес вызывают и публикации рассказов «Жид» («Современник», Т. 11, 1847 г.) и «Петушков» («Современник», Т. 11, 1848 г.), не слишком известные широкому читателю. Написаны они по-тургеневски талантливо. Первый из рассказов переносит нас в эпоху Наполеоновских войн и заграничных походов 1813 г. Второй — изображает жалкую, бессмысленную, неудавшуюся жизнь провинциального поручика 1820-х годов.

Работа в «Современнике» доставила Тургеневу много интересных знакомств, в журнале также печатались Ф. М. Достоевский, И. А. Гончаров, А. Н. Островский и другие известные писатели. 1843 году Тургенев знакомится с Белинским, у них завязываются дружеские отношения. В конце 40-х — начале 50-х годов Тургенев активно занимается драматургией, пишет пьесы «Где тонко, там и рвётся» (1848), «Нахлебник» (1848), «Холостяк» (1849), «Месяц в деревне» (1850), «Провинциалка» (1851), которые ставятся на театральных сценах и имеют успех у публики. На выставке можно увидеть опубликованную всё в том же «Современнике» (Т. 8, № 11, ноябрь 1849 г.) рецензию на постановку «Холостяка». Эта комедия была поставлена на сцене Александровского театра в бенефис одного из основоположников русской актёрской школы Михаила Семёновича Щепкина, и роль Мошкина была написана Тургеневым специально для него.

В конце 1870-х — начале 1880-х годов критики стали причислять Ивана Сергеевича к лучшим писателям века. Но ещё в 1862 г. влиятельный русский публицист, издатель, литературный критик, редактор газеты «Московские ведомости» Михаил Никифорович Катков в статье «О нашем нигилизме: по поводу романа Тургенева» (журнал «Русский вестник», Т. 40, июль) взял образ Базарова, чтобы на примере литературного героя охарактеризовать все

Фрагмент экспозиции в МКЦ «Дом Г. С. Батенькова». 1. Журнал «Современник», Т. 10, октябрь, 1847 г. 2. Журнал «Современник» № 2, февраль, 1848 г. 3. Журнал «Вестник Европы», январь 1883 г. 4. Фотографии. Калуга, Садовая улица. 5. Государственный кредитный билет в 1 рубль. 6. Кинжал охотничий. 7. Часы карманные «Borel fils & Cie»

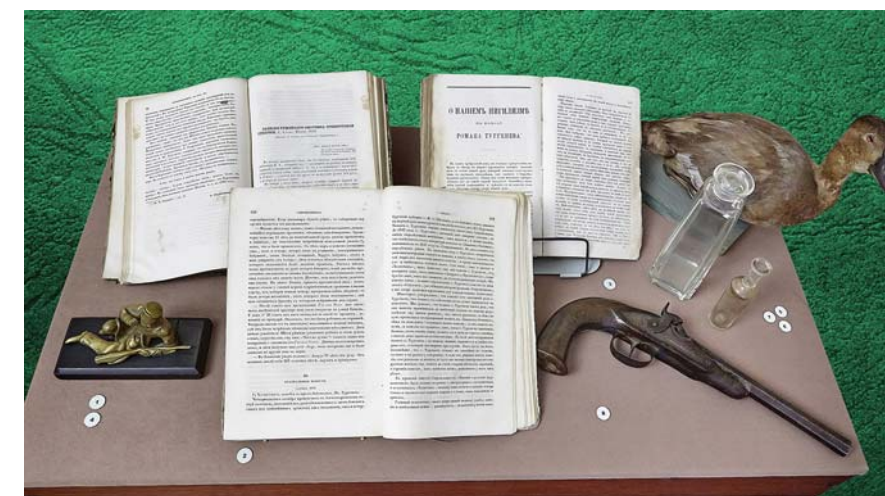
стороны и оттенки этой философии, если она выросла на русской почве.

В роли критика выступил и сам Иван Сергеевич, когда опубликовал рецензию на книгу Сергея Тимофеевича Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (журнал «Современник», № 1, январь, 1853 г.). Но критиком благожелательным, не скупым на похвалы ценителем талантливой русской словесности.

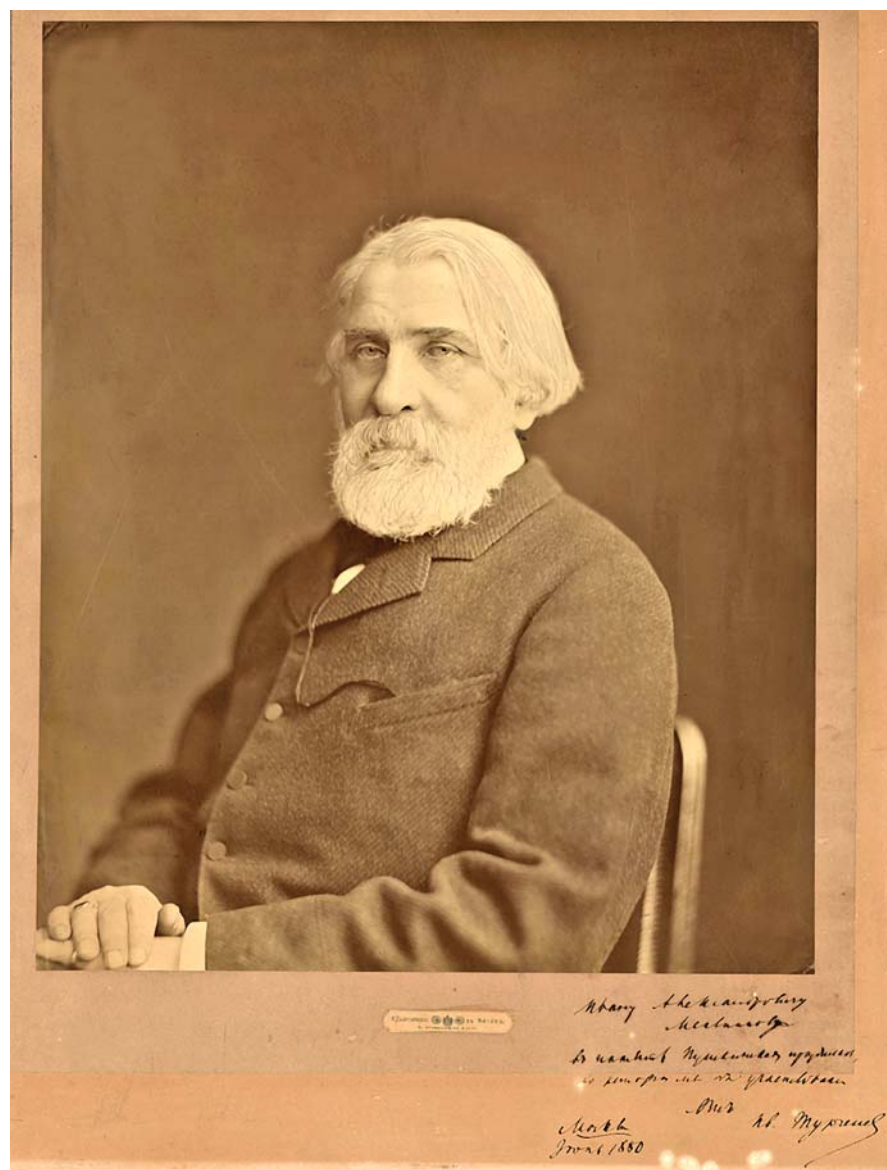
Тургеневские публикации показаны на выставке «в окружении» предметов XIX в., которые упоминаются в представленных произведениях: охотничий нож («Записки охотника»); графин для водки («Петушков»); униформа русского кирасира, игральные карты («Жид»); карманные часы, асигнация («Клара Милич»); птичье

чучело, аптечные пузырьки, дуэльный пистолет («Отцы и дети») и медный самовар — пожалуй, самый частый «персонаж» тургеневской прозы, как, впрочем, и жизни его современников.

Знакомство с небольшим фрагментом творческой жизни Тургенева, представленным на выставке, наводит на мысль о том, что строки, написанные Иваном Сергеевичем о Пушкине, вполне справедливы и для него самого. Тургенев подолгу жил за границей, стал самым популярным и читаемым русским писателем в Европе, высказывался о ней с восторгом. Но в своих произведениях он был и остаётся «самым русским человеком», глубоко православным писателем, который заставляет жалеть врага, почувствовать ближним и исправлять ошибки нашего земного неустройства. ■

Фрагмент экспозиции в МКЦ «Дом Г. С. Батенькова». 1. Журнал «Современник», № 1, январь, 1853 г. 2. Журнал «Современник» Т. 8, № 11, ноябрь, 1849 г. 3. Журнал «Русский вестник», Т. 40, июль 1862 г. 4. Пресс-папье «На привале». 5. Чучело. Утка связзь. 6. Пузырек аптечный. 7. Бутылка четырехгранная. 8. Пистолет дуэльный с капсульным ударным замком

Подлинный фотопортрет И. С. Тургенева с его автографом

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

«МАЛЕНЬКИЕ АФИНЫ»

ДМИТРИЯ ДМИТРИЕВИЧА ГОНЧАРОВА

Елена Назарова,
директор музея-заведника Полотняный Завод

Дмитрий Дмитриевич Гончаров (младший) (1872–1908 гг.) был последним полноправным владельцем бумажной фабрики и усадьбы в Полотняном Заводе. Не смотря на свою короткую жизнь он оставил яркий след в истории имения, как высокообразованный и неординарный человек, стремившийся к демократическим преобразованиям и формированию особой культурной среды.

Сын Дмитрия Дмитриевича Гончаров (старшего) и Ольги Карловны (урождённой Шлиппе), принадлежал к числу если не «золотой» молодёжи своего времени, то уж точно — к привилегированной и вместе с тем... передовой в самом что ни на есть либеральном смысле. Демократические нововведения у себя на фабрике он начал незамедлительно по вступлении в права наследства в 1895 году: восьмичасовой рабочий день для сменных рабочих, выплата пенсий престарелым, первая в губернии бесплатная библиотека... Но молодой фабрикант на этом не остановился, очередным его проектом стал Народный театр, где на равных играли и члены семьи Гончаровых и фабричные рабочие, превратившиеся в артистов.

Д. Д. Гончаров в гимназической форме

В конце XIX — нач. XX вв. слава о Гончаровском театре вышла далеко за пределы Калужской губернии, а в его постановках месте с самостоятельными артистами не гнушались играть даже звёзды московской сцены.

Супруга молодого хозяина усадьбы — Вера Константиновна — принадлежала к миру искусства и профессионально пела в опере. Под её влиянием и Дмитрий Дмитриевич, обладавший неплохими вокальными данными, пристрастился к оперному пению. Вместе супруги выступали в московской частной опере С. И. Зимина и у себя в имении ставили оперные спектакли.

Фабрикант-предприниматель, владелец знаменитого промышленного предприятия, артист и режиссёр, оперный певец, создатель Народного театра, радушный и хлебосольный хозяин... Дмитрий Дмитриевич был

человеком образованным с широким кругом интересов. После 1905 года, с введением в России избирательного права, он принял активное участие в политической жизни страны. Он был членом Конституционно-демократической (кадетской) партии «Народной свободы». Осуществлял издание программных документов. В доме Гончарова, в Калуге, располагался Калужский отдел партии. Дмитрий Дмитриевич был выборщиком от города Медыни для выборов депутатов в 1-ю и 2-ю Государственную Думу.

Дмитрий Дмитриевич был хорошо знаком и даже дружил с А. В. Луначарским, известным в те годы марксистом, в будущем — первый нарком просвещения РСФСР.

После освобождения 8 октября 1899 г. из Таганской тюрьмы Луначарский выбрал Калугу местом пребывания до вынесения окончательного

приговора по его делу, который состоялся лишь 5 мая 1902 г. В этот период большую часть времени он провёл в Калуге и Полотняном заводе у Гончарова. Не дождавшись приговора, Луначарский покинул Калужскую губернию 26 января 1902 г., переехав в Вологду. Посещая Полотняный Завод, он с удовольствием участвовал в культурных затеях и, полюбив это место, с душевной теплотой вспоминал впоследствии: «...Мы стали в ближайшее отношение с довольно крупным фабрикантом Д. Д. Гончаровым, владельцем Полотняного завода. Полотняный завод, майорат, основанный ещё Петром Великим, и очаровательнейший уголок Калужской губ., помнил и Пушкина, заветами которого и памятью о друзьях и врагах в высокой мере овевая был дворцеподобный дом Гончаровых, и Голя, который в восторженных выражениях отзывался о вековом парке Полотняного завода, и многих других. Самый дом был настоящим музеем, в котором все эпохи от Петра Великого до тогдашнего модернизма оставили яркий след. Теперь, в качестве народного комиссара по просвещению, я принял некоторые меры к охране этого замечательного уголка — конечно, не в память моего там пребывания, а ввиду знакомства моего с большим культурным его значением».

Созданный Дмитрием Дмитриевичем театр возник в Полотняном Заводе в 1894 году и стал одним из первых Народных театров России. Почва для него была подготовлена всей возвышенно-культурной и романтически-либеральной сущностью жизни дружной семьи Гончаровых. Казалось, музы искусства снизошли с небес в Полотняный Завод. Главный дом усадьбы всегда был полон весёлой и шумной молодёжью, здесь ежедневно звучала музыка, читались стихи, исполнялись романсы, в обычае было чтение книг по ролям. Нередко ставились «живые картинки», в которых участвовали хозяева, их дети и гости.

Но хотелось большего! Почему бы не попробовать себя на сцене: в драме, опере, водевиле, комедии? Гости Дмитрия Дмитриевича и он сам были большими театралами. Ну а женитьба в 1896 году молодого хозяина усадьбы на москвичке Вере Константиновне Бергман, актрисе крупнейшего частного театра Ф. А. Корша «подлила масла в огонь» и подтолкнула к осуществлению сценического проекта.

Вера Константиновна тоже принимала участие в спектаклях. Она обладала колоритным сопрано и имела незаурядные актёрские способности. Характеризуя атмосферу, царившую в Полотняном Заводе, опальный марксист Луначарский писал: «Сам Гончаров и его жена Вера Константиновна были людьми глубоко культурными, и Полотняный завод превратился в настоящие маленькие Афины: концерты, оперные спектакли, литературные

А. В. Луначарский (крайний справа) и Д. Д. Гончаров (крайний слева) в кругу «афинских жителей»

Д. Д. Гончаров-младший и В. К. Гончарова. 1896 г.

Д. Д. Гончаров в роли Германа в опере «Пиковая дама». Москва. 1900-е гг.

Д. Д. Гончаров в роли Гамлета. 1900-е гг.

вечера чередовались там, принимая зачастую весьма оригинальный и привлекательный характер. Мне всё это было чрезвычайно близко, и во всём этом я принимал живейшее участие».

Сохранилось письмо Луначарского Гончарову, написанное 31 мая 1901 г., показывающее отношение будущего наркома увлечённостью Дмитрием Дмитриевичем театром. «Дорогой Дима! — писал Луначарский, — Кэт пишет мне, что ты был чудным Германом. Она говорит, что в смысле драматическом тебя сравнить нельзя с прошлогодним, что голос стал приятнее и свободнее. Докажи всем, Дим, что твоё искусство не барская затея, что тебя зовёт сюда голос настоящего призвания».

Среди активных участников создания Народного театра была знаменитая российская и советская актриса театра, Народная артистка СССР, жена великого писателя А. П. Чехова — О. Л. Книппер-Чехова. О своём пребывании в имении Гончаровых она писала: «С Полотняным Заводом

у меня большая внутренняя связь. Жила я там летом 1893—1895 года. Мои родители были знакомы с семьёй Гончаровых, дружили и мы, молодёжь. С Д. Д. Гончаровым мы устроили театр для народа, где я играла на сцене и пела, и где я поверила в свои силы и решила пойти на сцену».

Для театра в Полотняном заводе было выбрано особое место. «Разбираясь в архиве Гончаровского дома, — вспоминала Книппер-Чехова, — мы открыли, что здание на площади, занятое тогда под трактир, имело какое-то отношение к памяти А. С. Пушкина, который бывал в Полотняном Заводе, приезжая туда сначала женой, а потом мужем Натальи Николаевны Гончаровой. Мы загорелись желанием очистить этот дом, устроить там сцену и давать спектакли, концерты, чтения с волшебным фонарём для рабочих и служащих». Традиционно считается, что выбранное под театр здание было тем самым Красным домом, в котором в 1834 г. останавливался с семьёй А. С. Пушкин.

В созданном театре с большим успехом шли такие пьесы, как «Недоросль» Фонвизина, «Гроза» и «Свои люди сочтёмся» Островского, был поставлен и шекспировский «Гамлет». Ставились даже оперы, что в провинциальных условиях было очень непросто.

Небольшой зал театрального дома перестроили и расширили так, что там могли разместиться до 300 человек, были комнаты для переодевания актёров и гримёрные.

Дмитрию Дмитриевичу, решившему привлечь к участию в спектаклях фабричных рабочих, не пришлось их долго уговаривать, — желающих попробовать себя на сцене было немало. Роли среди самодеятельных актёров распределяли по конкурсу голосованием всех участников. Дмитрий Дмитриевич лично давал им уроки сценической речи, учил играть правдиво и естественно, перевоплощаться, сливаться с персонажем. Новоиспечённые артисты всё схватывали на лету, интерпретируя слова Дмитрия Дмитриевича по-своему: «Нужно играть нутром».

Д. Д. Гончаров с рабочими фабрики

«Первый спектакль, в котором в числе действующих лиц выступали рабочие, — писал в статье «Несколько спектаклей с участием рабочих» Дмитрий Дмитриевич, — состоялся у нас 14 января 1896 г. Была поставлена драма Шпатиского (Шпажинского И. В. — авт.) «Прахом пошло». В премьерный день около театра было не протолкнуться. Всё прошло с огромным успехом и — вполне заслуженным! Дмитрий Дмитриевич понимал людей и умел выбирать таланты. О некоторых своих актёрах он оставил упоминания в записях. Вот, к примеру, как Дмитрий Дмитриевич характеризует игру 19-летнего рабочего А. Перевозчикова: «Полнейшая свобода движений, столь редкое явление для любителей, — подвижная мимика и уместная жестикация, верный тон от начала и до конца, — вот основные характерные черты исполнения». Перевозчиков сыграл в фонвизинском «Недоросле» главную роль. Д. Д. Гончаров пишет: «Он провёл её ровно и дал законченный

тип Митрофанушки». А вот — выдержка из газеты «Калужский вестник»: «Особый фурор вызвал господин Перевозчиков в роли Митрофанушки, вполне отчётливо изобразивший «Недоросля» со всеми отрицательными сторонами». Сыграл молодой актёр и в спектакле «Мирская вдова» по пьесе выдающегося драматурга и режиссёра Евтихия Капрпова. Д. Д. Гончаров пишет об этом: «Некоторые сцены вышли настолько жизненны и так комичны, что даже находившимся на сцене грозила опасность расхохотаться».

Серьёзный драматический дар оказался присущ рабочему Фёдору Разломалину. В спектакле «Мирская вдова» он свою роль играл так, что в самый напряжённый момент плакал настоящими слезами.

Темпераментно и страстно играл свои роли актёр Василий Фомин. В поставленной на сцене Народного театра пьесе Островского «Не так живи как хочется» он, по признанию Д. Д. Гончарова, пробрал его почти

до слёз: «Так внушительны были его увещевания, и так строг был его сильный голос». С успехом рабочий-актёр читал со сцены монологи Бориса Годунова, Гамлета и других классических персонажей. Впоследствии Фомин стал профессиональным артистом, играл в Московском театре «Эрмитаж».

Со временем в Народном театре сложилась достаточно сильная труппа: Андрей Католиков, Сергей Гвоздарев, Фаддей Растокин. Среди женщин выделялись Татьяна Новикова и Елена Митюрникова. Для этих артистов сцена сделалась частью их жизни. «Роли читают со смыслом, сразу бралась верная интонация, и даже начинающие как будто гораздо скорее, чем прежде, осваивались с ролью и со сценой... Длинные роли звучали твёрдо и осмысленно. Нутро довело некоторых из актёров-рабочих до самых искренних слёз. Трудно было предполагать, что иллюзия для актёров-рабочих будет настолько полной», — писал Дмитрий Дмитриевич Гончаров.

Д. Д. Гончаров в спектакле «Женитьба Фигаро». 1900-е гг.

Д. Д. Гончаров — режиссёр, актёр, оперный певец. 1900-е гг.

«Недоросль» успешно игрался не только на Полотняном Заводе, но и на подмостках Калужского городского театра. Актёры не спасовали перед незнакомой публикой и з губернского центра. Газета «Калужский вестник» писала: «Весьма удачно и комично сошёл экзамен Митрофанушки. Урок Цыфиркина

и Кутейкина сопровождался гомерическим хохотом. Шумные аплодисменты и крики восторга ясно показали, сколько приятно доставила игра любителей для калужской публики».

Жизнь Народного театра была весьма напряжённой. Новые спектакли давали два-три раза в месяц. Их с нетерпением ждали зрители,

искренне полюбившие своих «народных» актёров.

23 мая 1899 года в Калуге начались торжества, посвящённые 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Дмитрий Дмитриевич и Вера Константиновна приняли в них самое действенное участие. В их исполнении звучали фрагменты из оперы

Сыновья Д. Д. Гончарова Глеб и Константин. Москва. 1908 г.

Дочери Д. Д. Гончарова Татьяна и Ольга. Москва. 1908 г.

В. К. Гончарова в опере «Мадмуазель Фифи». 1900-е гг.

Д. Д. Гончаров в роли Онегина. 1900-е гг.

П. И. Чайковского «Евгений Онегин». Из Калуги пушкинские торжества перенесли в Полотняный Завод: в Народном театре был дан спектакль, где Д. Д. Гончаров и В. К. Гончарова так же пели арии из «Евгения Онегина». Хор девушек исполняли работницы фабрики. Демонстрировались сцены из драмы «Борис Годунов».

В 1901 года в театре Гончарова в Полотняном Заводе давали оперу А. С. Даргомыжского «Русалка». В ролях — Д. Д. Гончаров, В. К. Гончарова, Н. Д. Гончарова, артист русской оперы Н. И. Сперанский, артистки частной оперы Сергея Зимина — А. И. Добровольская и М. О. Андреева, а также актёры из числа рабочих. Роль Русалочки играла 12-летняя Верочка Кунавина. Сохранилась программа этого спектакля, где указывалось, что билет можно было купить с часа дня в кассе театра. «... Для удобства публики просят дам при входе в театр шляпы снимать».

В театре было десять рядов и галерея. Билет на первый ряд стоил 3 рубля, на десятый ряд — 40 копеек.

Традицией Народного театра были благотворительные концерты. Однажды был дан концерт в пользу приюта для глухонемых детей с участием Дмитрия и Веры Гончаровых, и специально приехавшей в Полотняный Завод звезды московской сцены Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой, супруги знаменитого писателя.

Неожиданная смерть Дмитрия Дмитриевича Гончарова, простудившегося при спасении жителей Полотняного Завода во время наводнения 1908 года, прекратила бурную культурную жизнь «маленьких Афин». А вскоре задули совсем иные ветра: Первая мировая война, революция...

Но яркий период жизни и деятельности Дмитрия Дмитриевича Гончарова, его благотворительность, заботы об образовательном и культурном уровне окружающих, его Народный театр, его артистичность и сопутствовавшая творчеству гармония семейной жизни — навсегда остались в истории Полотняного Завода и в людской памяти, как последний луч солнца перед надвигающейся бурей. Благодаря таланту и усилиям этого неординарного, красивого и щедрого человека в души жителей села и окрестных деревень закладывалась любовь к прекрасному, к театру, к классической музыке, к чтению книг... Всё это трудно переоценить. И всё это стало одной из волшебных, романтических легенд Полотняного Завода. ❏

Д. Д. Гончаров. Москва. 1900-е гг.

ЗНАМЕНИТЫЕ КАЛУЖАНЕ

ЖЕНА И МУЗА ПОЭТА

Елена Назарова,
директор музея-заповедника Полотняный Завод

Наталья Николаевна Гончарова родилась 27 августа 1812 года — на следующий день после Бородинского сражения. В тот момент её семья находилась в поместье Кариан Тамбовской губернии после вынужденного отъезда из Полотняного Завода из-за нашествия Наполеона. Наталья стала пятым ребёнком в семье Гончаровых. Крещение состоялось 8 сентября в Знаменской церкви. В экспозиции музея-заповедника «Полотняный Завод» представлена дневниковая запись Афанасия Николаевича о рождении внучки. Именины девочки пришлось на Натальин день, 26 августа. Так в честь небесной покровительницы её нарекли Натальей.

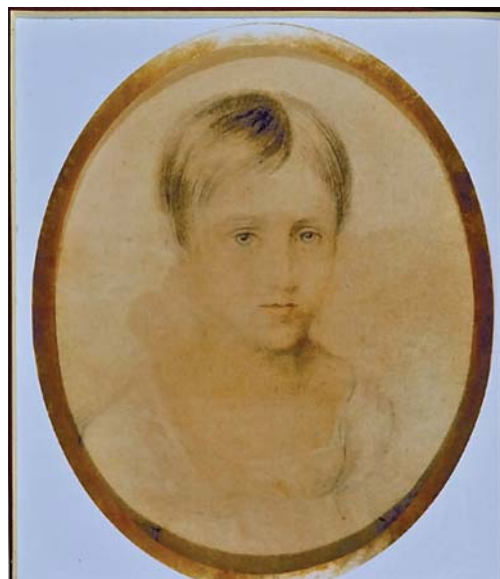
В имени дедушки, в Полотняном Заводе, Наталья Николаевна провела самые счастливые годы своего детства. Афанасий Николаевич очень любил младшую внучку, баловал подарками и нарядами, старался исполнять каждое её желание. Из Парижа приходили коробки, перевязанные яркими атласными лентами, внутри которых лежали детские шляпки и платья, расписные книжки, красивые мячики и фарфоровые куклы. Впрочем,

это ничуть не испортило её характера, не убавило в ней скромности, простоты и очарования, всего того, что в сочетании с ангельской красотой навсегда пленило великого поэта. Сохранился её детский портрет, заказанный когда-то ещё дедом Афанасием Николаевичем. На нём — серьёзная, не улыбающаяся девочка, в облике которой ничто не предвещало будущую красавицу. Конечно, Наташа в детстве отнюдь не была маленькой отшельницей,

отчего и каждое её движение было преисполнено грации... Но главную прелесть Натали составляли отсутствие всякого жеманства и естественность».

Сёстры Гончаровы любили проводить летние месяцы в Полотняном Заводе у дедушки. Там Натали многому научилась: сажать цветы, ездить верхом, рисовать, играть в шахматы и музицировать на клавикордах. Афанасий Николаевич, будучи большим любителем цветов, радовался, что его увлечение передалось любимой внучке. «...Милой Ташины по прозбе её семян разных цветов посылаю. Рад тому, что она охотница до цветов, так же как и я. Хоть тем веселюсь, что будет кому со временем и за моими цветниками присмотреть», — писал А. Н. Гончаров в 1820 году внуку Дмитрию.

Когда подошло время приняться за её воспитание более основательно, Наташу вместе с мисс Томсон привезли в Москву. Она приехала из Полотняного Завода в дорогой собольей шубке. Мать, Наталья Ивановна, велела забрать у неё шубку и сделать из неё «палатинки» и муфты для всех трёх сестёр. Эта история, явившаяся первым серьёзным актом воспитательного процесса со стороны матери, оставила глубокий след в памяти Натальи Николаевны.

Детский портрет Натальи Гончаровой. Неизвестный художник. 1820-е гг.

А. Н. Гончаров (1760—1832). Неизвестный художник. Начало XIX в.

Н. И. Гончарова (1785—1848). Неизвестный художник. Начало XIX в.

Н. А. Гончаров (1787—1861). Худ. Н. Галкин. 1812 г.

Наталья Ивановна воспитывала дочерей в строгом повиновении, старалась дать им хорошее образование, заботилась об их нравственности. Гувернантки обучали своих воспитанниц языкам, всеобщей и русской истории, литературе, мифологии, географии, арифметике. Сохранились её ученические тетради, из которых видно, что Наталья глубоко разбиралась и в истории, и в географии, и в русской грамоте, и в литературе, и даже в теории стихосложения.

Пушкин встретил 16-летнюю Наталью Гончарову в Москве в декабре 1828 года на балу танцмейстера Йогеля. «Когда я увидел её в первый раз, — писал он позднее, — красоту её едва начинали замечать в свете. Я полюбил её, голова у меня закружилась». В конце мая 1830 года поэт приезжает в родовое имение Натальи Николаевны — Полотняный Завод для знакомства с дедушкой невесты и решения вопроса о приданом. На правах жениха Пушкину была отведена комната в Главном доме недалеко от кабинета хозяина.

Поэт был сразу очарован красотой Полотняного Завода: роскошные парки, тихие прозрачные воды реки Суходрев, чистый воздух, напоенный ароматами трав и цветов. Особенно полюбил поэт очаровательную беседку «Милоvidу» на высоком берегу реки. Рано утром, когда ещё все спали, Пушкин уходил в Английский пейзажный парк и по своей любимой липовой аллее шёл до беседки, где подолгу сидел, созерцая окрестности и предаваясь размышлениям.

1812го года 27го августа в Тамбовской губернии село Карякино родилась 5го дочь Наталья в 3го часу утра крестинь 8го сентября востряинский Завражинский Матчшка Ка: Ан: —

Именины ее 26го августа. —

1815. года 11го февраля четверг родилась 6го дочь у Ки: А: СЕРГЕИ. по полудни в 9го часу в Москве. — 21го февраля воскресенья. — в 10го часу ночи родовые крестинь. востряинский Ки: Ан: А. — Матчшка Катрина Андреевна. — 1го в 8го часу

Именины. — 25го сентября. —

1818. года Апрель 20го в субботу на (ура) в Крестово родилась 7го дочь у Ки: А: Софья. — востряинский Ки: Ан: А. — Матчшка Катрина Андреевна. — 1го в 8го часу в Москве

Юлия Скурякина в 1818го года октября 4го числа в 3го часу по полудни в имении ее село в Мещинском уезде. —

Сведения о рождении Н. Н. Гончаровой из дневника А. Н. Гончарова

Тенистые аллеи парка были любимым местом прогулок Александра Сергеевича и прекрасной Натали. Поэт был счастлив, любим и полон самых радужных надежд. В альбом невесты Пушкин написал стихи, и неожиданно она тоже ответила ему поэтическим посланием. Сын знакомых Пушкина В. П. Безобразов вспоминал:

«Я читал в альбоме стихи Пушкина к своей невесте и её ответ — также в стихах. По содержанию весь этот разговор в альбоме имеет характер взаимного объяснения в любви». Любовь, безусловно, была взаимной. Эти прекрасные дни, проведённые вместе в имении Гончаровых, сблизили их ещё больше.

Н. Н. Пушкина (1812–1863).
Худ. В. И. Гау. 1840-е гг.

А. С. Пушкин (1799–1837).
Худ. В. А. Тропинин. 1827 г.

Пушкин в Полотняном Заводе, август 1834 г. Худ. Т. Духанова

П. П. Ланской (1792–1873). Худ. В. И. Гау. 1847 (?) г.

Н. Н. Ланская. Худ. И. Макаров. 1849 г.

Венчание состоялось 18 февраля 1831 года в церкви Большого Вознесения в Москве. Вскоре после свадьбы Пушкин писал своему другу П. Плетнёву: «Я женат — и счастлив; одно желание моё, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился».

Наталья Николаевна отнеслась к браку со всей серьёзностью. Впоследствии она писала: «Можно быть счастливой и не будучи замужем, конечно, но что бы не говорили — это значило бы пройти мимо своего призвания». В апреле 1834 года Наталья Николаевна с маленькими Сашей и Машей приезжает навестить брата Дмитрия Николаевича в Полотняном Заводе. Александр Сергеевич рвался в деревню из душного города. «Боже мой! кабы Заводы были мои, так меня бы в Петербург не заманили и московским калачом. Жил бы себе барином», — писал он в одном из писем к жене, но смог приехать только в конце августа. Супруги жили в Красном доме. Всего две недели провёл поэт в Полотняном Заводе в тесном семейном кругу. И это были дни душевного покоя и умиротворения: прогулки по парку, где Пушкины любили играть в горелки с детьми, катания в лодке по реке Суходрев, тихие семейные вечера.

Наталья была пушкинской Музой, она подарила поэту четверых детей. «Ты молода, но ты уже мать семейства, и я уверен, что тебе не труднее будет исполнить долг доброй матери, как исполняешь ты долг честной и доброй жены...», — писал Пушкин в одном из писем к Наталье Николаевне.

Всего шесть лет было отпущено супругам для счастья. После гибели поэта на дуэли в январе 1837 года высший свет осудил его красавицу-жену. Но лучшим судьёй был, однако, сам Александр Сергеевич. Перед смертью он сказал жене: «Ты ни в чём не виновата! Отправляйся в деревню, носи по мне траур два года, а потом выходи замуж, только не за шалопаю».

Смерть мужа стала для Натальи Николаевны тяжелейшим ударом. Следуя завету супруга, она вместе с детьми и сестрой Александрой уезжает в Полотняный Завод. Чтобы меньше обременять Дмитрия Николаевича, она поселилась в Красном доме, где всё напоминало ей о счастливых днях, проведённых здесь

с Пушкиным. Глубоко переживая потерю любимого мужа, Наталья Николаевна вела уединённую, почти затворническую жизнь, часто и подолгу молилась. Она выписала в Полотняный Завод все сочинения Пушкина и пыталась их читать, но у неё не хватило мужества: «...слишком сильно и мучительно они волнуют — всё равно, что слышать его голос, а это так тяжело». Навещали её в это нелёгкое время только близкие родственники и друзья: В. А. Жуковский, П. В. Нащокин, отец поэта С. Л. Пушкин. Лишь спустя два года Наталья Николаевна вернётся в Санкт-Петербург, чтобы обеспечить детям должное воспитание и образование.

За годы вдовства у Натальи Николаевны было несколько претендентов на её руку. Это были весьма состоятельные и известные в обществе люди. Но все они считали, что дети Пушкина будут им помехой, если они свяжут судьбу с его вдовой. Однако позиция Натальи Николаевны в этом вопросе была непоколебима: «Кому мои дети в тягость, тот мне не муж!» И только в генерале Петре Петровиче Ланском она обрела не только мужа и друга, но и человека, для которого счастье любимой женщины было неотделимо от счастья детей поэта. Пётр Петрович доказал это всеми девятнадцатью годами совместной с Натальей Николаевной жизни, в течение которых он не делал ни в чём различий между тремя своими дочерьми и детьми Пушкина. Более того, пережив жену почти на четырнадцать лет, генерал Ланской до конца своих дней не порывал самых тёплых, поистине отцовских отношений со всеми четырьмя детьми, а затем и внуками великого поэта.

Время всё расставляет на свои места. И сегодня прекрасный и чистый образ Натальи Николаевны Пушкиной — «чистой прелести чистой образец» — неразрывно связан в сердцах любящих поэзию людей со светлым именем гениального сына России.

Как дань памяти жене и музе Поэта, вдохновившей его на чудесные произведения, в наши дни сложилась замечательная традиция расписывать молодожёнов в усадьбе Гончаровых. И теперь молодые пары первые шаги в совместной жизни делают в тех местах, которые помнят шаги и голоса знаменитой супружеской четы. Свадебная церемония превращается в целый спектакль, когда жених и невеста, словно бы, переносятся на столетия назад, в первую треть XIX века. Пребывание в роскошных дворцовых интерьерах, прогулка по старинному парку, катание на лошадях, плавающая беседка на реке Суходрев, всё это — незабываемые моменты счастливого дня. Сейчас расписаться в усадьбе Гончаровых стремятся не только жители Полотняного Завода и Калуги, но и многих других городов. Пушкинский уголок России радушно принимает всех, вновь и вновь напоминая о счастливых мгновениях жизни первой романтической красавицы, ставшей женой первого романтического поэта. ❏

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

ПАРИЖ — ПЕТЕРБУРГ — ПОЛОТНЯНЫЙ ЗАВОД

Интервью с певцом Сергеем Мазуренко

Ноябрь 2008 года выдался холодным, дождливым и особенно неприветливым в Средней полосе России. И хоть Пушкин любил позднюю осень, но даже он, наверное, загрустил бы, бродя по тропинкам старинного Гончаровского парка серым ноябрьским вечером в первую субботу месяца. Между тем, окна Главного дома усадьбы ярко горели, в гостиной на втором этаже собиралась публика и по всему чувствовалось, что, не смотря на холод и дождь, вечер для пришедших в Дом Гончаровых будет вовсе не грустным. Концертная афиша у входа зримо это подтверждала. Броская надпись под стилизованным портретом человека из эпохи последнего царствования гласила: «Исполнитель старинных русских, цыганских и городских романсов, песен офицерских собраний, Русской Императорской Армии и Белого движения Сергей Мазуренко, г. Санкт-Петербург». Для жителей Полотняного Завода и калужан, приехавших на концерт, это было по меньшей мере необычно. Ведь если романсами трудно кого-либо удивить, то старые офицерские песни можно услышать только в кино, да и то крайне редко. Люди были заинтригованы, ожидая чего-то выходящего за рамки привычных концертных выступлений, и ожидания оправдались.

Артист вышел к микрофону в роскошном мундире Собственного Его Императорского Величества Конвоя — красная черкеска с газырями, золотые шнуры аксельбантов... «Я привёз вам с берегов Невы питерскую погоду, — чуть виновато произносит Сергей, — но постараюсь согреть вас песнями, — теми, что весь XX век согревали русских людей вдали от Родины, теми, что звучали в Старой России и как некий исторический код несут в себе память о прошлом».

А потом был большой, почти трёх-часовой концерт. После каждого номера — овация. Наряду с известными шедеврами романсового репертура — много песен, звучащих в этих стенах впервые. Впрочем, может быть, совсем не впервые, — столетие назад здесь постоянно играла музыка. Дом Гончаровых, истинный приют муз, помнит голоса знаменитых артистов, певцов.

«Для меня, петербуржца, особая радость выступать в Полотняном Заводе, кровно связанном с именем Пушкина, — признаётся артист. — Его поэзия нужна нам как воздух. Стихи Алексан-

дра Сергеевича поддерживают нас в самые трудные времена и в любой ситуации. Среди строевых военных песен царского времени была и знаменитая песня на пушкинские стихи. Помните фильм «Дни Турбиных» по пьесе Булгакова? Там герои поют «Как ныне собирается Вещий Олег...» — это старая юнкерская песня, очень популярная в своё время. В эмиграции она стала ударным номером знаменитого Хора Донских казаков под управлением Сергея Жарова. Её маршевая мелодия легла в основу и великой песни «Варяг». Таким образом, гений Пушкин присутствует и тут, настолько он всеобъемлющ».

Сергей берёт первый аккорд, и вот уже вместе с ним поёт весь зал: «Скажи мне, кудесник, любимец богов...», а далее — припев, придуманный неизвестным автором: «Так громче музыка, играй победу, мы победили, и враг бежит, бежит, бежит...».

Песни и марши императорских полков перемежаются на концерте с жестокими романсами начала XX века.

«Всеми любимый романс «Белой акации грозди душистые...», как

и многие песни советской эпохи, имеет свой прообраз среди дореволюционных «шлягеров». И хотя слово «шлягер» в то время ещё не было в ходу, но, по сути, «Белая акация» в её первоначальном варианте стала именно шлягером, столь велика была её популярность. Пела романс знаменитая цыганка Варя Панина. Мелодия несколько более плавная, а стихи — совершенно другие, но совпадающие по внутреннему настрою:

Белой акации гроздь душистые
Вновь аромата полны,
Вновь разливается песнь соловьиная
В тихом сиянии чудной луны!

Помнишь ли лето, под белой акацией
Слушали песнь соловья?..
Тихо шептала мне чудная, светлая:
«Милый, поверь мне!.. навек твоя».

Годы давно прошли, страсти остыли,
Молодость жизни прошла,
Белой акации запаха нежного,
Верь, не забыть мне уже никогда...

Сейчас этот вариант романса уже вернулся из забвения. Я же впервые услышал его в середине 1990-х годов в Брюсселе, в семье

С. Мазуренко. Дом Гончаровых, 2 ноября 2008 г.

А.Г. Шапрон дю Ларре и Н.А. Корнилова. 1918 г.

Егора Евгеньевича Шапрона дю Ларре, — внучатого племянника генерала Лавра Георгиевича Корнилова. В то время я пел в фольклорном ансамбле «Царский конвой», мы шесть лет жили в Европе и всё время выступали перед старыми эмигрантами. Встречаясь с последними белогвардейцами, тогда уже — глубокими стариками, я поражался их какой-то особой русскости, проявлявшейся буквально во всём: в речи (по-особому правильной, «старорежимной»), в манерах, даже в движениях, в осанке... Я жадно расспрашивал их и как артист

старался узнать возможно больше прежних полковых песен, романсов, каких-то куплетов из минувших времён, у нас давно забытых, но живущих в памяти этих замечательных людей. Вот — «Белая акация»... С огромным удивлением я узнал тогда, что мелодически из этого лирического шедевра вышли два варианта знаменитой военной песни «Мы смело в бой пойдём!» — «белый» и «красный», а до них появилась и солдатская песня времён Первой мировой. «Вот показались германские цепи, с ними мы будем драться до смерти...» — пели до 1917 года,

а потом уже пели совсем иначе. Такие метаморфозы случаются порой в песенном жанре».

Песни далёких лет — бравые и грустные, нежные и смешные — звучат и звучат под аплодисменты слушателей, до отказа заполнивших сравнительно небольшую гостиную Дома Гончаровых. Когда же концерт закончился и послышались просьбы спеть «на бис», Сергей произнёс: «Здесь, в Полотняном Заводе, бывал в своё время Булат Окуджава, выступал на Пушкинском празднике. Его песни в 1960–1970 годы очень любила Анна Васильевна Тимирёва, невенчаная жена адмирала Александра Васильевича Колчака. Тут тоже есть некая связь эпох и судеб. Я пел сегодня «колчаковский» романс «Горько моя звезда...», а в завершение и в память об этих людях давайте вместе споём бессмертную песенку Верещагина из фильма «Белое солнце пустыни», подаренную нам Окуджавой».

Звучит «Ваше благородие, госпожа удача...». Овация, автографы и снимки...

Это был первый приезд Сергея Мазуренко с концертом в Полотняный Завод. Потом в разные годы были выступления в Кондрово, Калуге и Тарусе, вторичный концерт в Доме Гончаровых в ноябре 2016 года, запись на телекомпании «Ника». Каждый раз, встречаясь с артистом — на Калужской земле, в Москве, в Петербурге — я прошу его рассказать что-нибудь ещё о старинных песнях, о встречах с эмигрантами, об интересных жизненных моментах, коих случилось великое множество. Вот — лишь некоторые фрагменты нашего общения, отрывки из большого интервью, которое ещё не написано, но, возможно, появится в последствии.

— Ансамбль «Царский конвой» — легендарный артистический коллектив «девяностых» годов. Сейчас его записи — большой раритет и находятся лишь в частных коллекциях. Многие ли вы успели почерпнуть у старой русской эмиграции?

— Для меня, да и для всех нас (а состав «конвойцев» менялся от пяти до семи человек) общение с последними белогвардейцами и с потомками первой — великой! — волны русской эмиграции было большим счастьем и невероятной

Ансамбль «Царский конвой». Мэрия г. Нанси. Франция. 1990-е гг.

удачей одновременно. Собственно, весь наш репертуар был взят «оттуда», из «старой шкатулки», из песенной сокровищницы Царской России. Я был лично знаком с Валентином Николаевичем Мантулиным, выпускником I Русского кадетского корпуса в Сербии, знаменитым собирателем песен, издателем двухтомного «Песенника русского воина», создателем Хора Зарубежных кадет, умершим совсем недавно на 96 году жизни. Были и другие встречи. Причём, вы знаете, как радовались старики-эмигранты, видя в нас не просто людей, чем-то там интересующихся, а именно молодых представителей современной России, обратившихся к забытым культурным пластам вековой давности! Мы же все участвовали (а я и до сих пор участвую) в движении военной реконструкции, мы выступали в старых русских мундирах, пошитых с возможной тщательностью и в полном соответствии прежним образцам воинской формы. Одев черкески императорского конвоя, мы отпустили бороды и побрили головы, чтобы соблюсти старую традицию.

Ансамбль «Царский конвой». Франция. 1990-е гг.

Узники Быховской тюрьмы. Под № 17 Л. Н. Новосильцев

Но ещё до «конвойского» периода, в 1991 году, когда я первый раз приехал во Францию, произошёл случай, запомнившийся на всю жизнь. Было это в городке Медоне под Парижем. Я и мой друг Александр Шаров, одетые в полевую форму времён Первой мировой (мы тогда её вообще не снимали: выступали в ней, жили — это была наша постоянная одежда) пришли на службу в русский храм. Стоим у входа и видим, как подъезжает машина, из которой выходит ветхий старичок, поддерживаемый с двух сторон двумя более молодыми спутниками. Все трое идут нам навстречу и вдруг, когда подходят совсем близко, случается нечто невероятное: увидев нас, старичок резко останавливается, отталкивает в стороны дам, выпрямляется, «встаёт во фронт» и дрожащим от напряжения голосом отчеканивает: «Разрешите представиться! 1-го генерала Дроздовского стрелкового полка поручик Лабунский!» Смотрит

на нас, а из глаз слёзы текут: «Я так мечтал, — говорит, — дожидаться дня, когда вновь увижу молодых людей в русских военных мундирах!». И подобных встреч, если и не столь трогательных, то по-своему ярких и значимых было немало.

И всё это, по-настоящему, воспитывало нас. Я для себя тогда уже определил главную творческую задачу: через песни, через сценическую работу содействовать возвращению нашей исторической памяти, во многом утраченной за XX век.

— Вы были знакомы с членами семьи генерала Лавра Георгиевича Корнилова?

— Мне посчастливилось много лет близко общаться с Егором Евгеньевичем Шапроном дю Ларре и его супругой Надеждой Викторовной Теляшовой, жившими в Брюсселе. Егор Евгеньевич — двоюродный брат Лавра Алексеевича Корнилова, сына Натальи Лавровны Корниловой и командира 2-го конного генерала

Дроздовского полка Алексея Генриховича Шапрона дю Ларре, участника Ледяного похода, произведённого в 1920 году за боевые отличия в чин генерал-майора. Дядя его, до производства в генералы — известный в белых частях «полковник Шапрон», личность совершенно героическая, яркая. Но, мне кажется, бесцветных людей в ту эпоху не было ни у белых, ни у красных. Да и время было такое, что и семьи, и судьбы людей ломались «по живому».

В Полотняном Заводе я узнал о трагической судьбе последнего владельца фабрики Константина Дмитриевича Гончарова, который в 18-летнем возрасте примкнул к Белому движению и сгорел огне Гражданской войны, след его потерялся... А вот его родственник — Леонид Николаевич Новосильцев (муж Ольги Дмитриевны Гончаровой, сестры Дмитрия Дмитриевича-младшего. — Прим. ред.) был крупной фигурой на Белом Юге

Константин Дмитриевич Гончаров в детстве. Москва, 1913 г.

в 1918–1920 годах. На единственной фотографии, сделанной осенью 1917 г., где сняты генерал Корнилов и его соратники, заключённые после неудачного военного выступления против Временного правительства в г. Быхове, Леонида Николаевича можно увидеть слева во втором ряду, его лицо — между стоящим в полный рост генералами Эрдели и Деникиным. Внешне он даже немного похож с Деникиным — такая же борода, усы, обычный офицерский типаж. Человек он был выдающейся храбрости и жизнь имел бурную. Потомственный дворянин, ставший военным, а потом служивший в Калуге по судебной части, он увлёкся политической деятельностью, избирался депутатом I, а потом и IV Государственной Думы от Кадетской партии. Во время Первой мировой Новосильцев — на фронте. После февраля 1917-го он, противодействуя развалу армии, оказался в окружении генерала Корнилова.

Арест, бегство на Дон, Ледяной поход, тайная командировка в Москву, возвращение, эмиграция, преподавание в кадетском корпусе — этапы жизни этого незаурядного человека. В эмиграции оказалась и его супруга Ольга Дмитриевна, урождённая Гончарова.

— Что связывало эмигрантов 1-й волны с Россией, только ли память о прошлой жизни, литература и песни?

— Их связывало с Россией всё, абсолютно всё. Они были настолько русскими, что, к примеру, казаки, не знавшие французского языка, оказываясь во Франции, не считали нужным его учить, рассуждая, — скоро, мол, всё равно назад вернёмся, к чему нам это? Но эмиграция оказалась пожизненной. А песни, стихи и, вообще, русское искусство — это было и духовной связью с Родиной, да и просто тем, что ещё давало силы жить. Судьбы русских людей за рубежом складывались далеко не всегда счастливо, чаще они были очень трагичными.

— На концертах вы нередко поёте о белогвардейцах, эмигрантах, можно ли и эти песни считать каким-то отдельным жанром?

— Очень условно. В Гражданскую войну тех «белогвардейских» песен, что звучат сейчас просто не суще-

ствовало. Были полковые песни — старые или вновь сложенные — как правило, очень простые, безыскусные. И был салонный романсовый репертуар. Та же «Белая акация», только в старом варианте, широко звучала. На Белом Юге, в Белой Сибири, а потом и в мировом рассеянии русские всех сословий — и бывшие военные, и штатские — очень любили вальс «Берёзку», написанный, кстати, калужанином Евгением Дрейзеном. Этот вальс звучал постоянно в любой русской колонии, общине как символ потерянной Родины.

— Куда бы Вы хотели ещё раз приехать с концертом? В какой стране, перед какой публикой Вам бы хотелось выступить?

— Честно скажу, без всякого притворства: я был бы счастлив выступить в Калуге, в Полотняном Заводе ещё и ещё раз. Я долго жил и пел за границей, и вынес убеждение: наши песни порой сохранялись вдалеке от Отечества, но по-настоящему жить и звучать они могут лишь на своей земле. Калужский край — это ведь самая что ни на есть Россия, самое сердце страны. И я, петербуржец, именно здесь чувствую себя по-настоящему русским. ■

Беседу вёл Дмитрий Кузнецов

ФОТОАЛЬБОМ

СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ХРАМ

Прошлое и настоящее

Ещё в начале XVIII века на землях нынешнего Полотняного Завода располагался церковный погост Спаса на Взгомнях, то есть поселение членов церковного причта и кладбище, на котором хоронили жителей соседних деревень. На этих землях предприимчивый Карамышев и устроил мануфактуру, выпускавшую парусное полотно. В 1735 году, бывшие компаньоны Карамышева (сам основатель мануфактуры к тому времени уже умер), устроили «полюбовный» раздел недвижимости и денежных средств. Владельцем большей части фабрик стал Афанасий Абрамович Гончаров, что и было отмечено им закладкой нового каменного храма.

«Имеется церковь Преображения Господня, что на Взгомнях, деревянная, при которой имеется дом свой и фабрика и желает он (Гончаров) вместо оной деревянной построить каменную». (Из прошения Афанасия Абрамовича Гончарова, 1736 г.)

Прежняя деревянная церковь была разобрана и перевезена в деревню Товарково. Строительство нового храма при Полотняном Заводе длилось пять лет: с 1736 по 1741 год. Был выстроен двухсветный четверик, его перекрыли высокой четырёхскатной кровлей, верх кровли увенчали главкой. Обустроили трапезную, выстроили ярусную колокольню.

Помимо главного престола в честь Спаса Преображения, в этой церкви были сооружены ещё два придела: во имя святителя Иоанна Златоуста и святителя Афанасия Великого, небесного покровителя заказчика строительства. Храм с колокольней удачно вписывались в усадебный ансамбль: ворота у церкви являлись одно-

временно и парадным въездом в усадьбу, а возведённая с восточной стороны ворот стена из камня служила и оградой для приходского кладбища.

Афанасий Абрамович Гончаров умер зимой 1784 года, и его погребли с большой торжественностью в только что устроенной родовой усыпальнице при храме. Там беломраморную гробницу покойного обнесли позолоченной медной решёткой.

Решением Афанасия Абрамовича имение Полотняный Завод было объявлено майоратом, что подразумевало наследование имени старшим в роду с невозможностью его продажи и заклада. И это прочно связало семейство Гончаровых с храмом в честь Преображения Господня или, как его чаще называли, Спасо-Преображенским храмом. Почти два века имением владели представители этой династии. Почти два века Гончаровых крестили и венчали в Спасо-Преображенском храме, а покойных отпевали и хоронили в родовой усыпальнице.

В 1850 году в этой церкви венчались знаменитый хирург Николай Иванович Пирогов и Александра Антоновна Бистром, внучка П. Г. Щепочкина, чья усадьба располагалась рядом с имением Гончаровых.

Однажды (в конце XIX века) владельцы усадьбы задумали было церковь перестроить, обратились за разрешением в Московское Археологическое общество, но получили отказ, мотивированный тем, что храм является «древним и замечательным по своей архитектуре и летописи». Это, впрочем, никак не повлияло на тех, кто вскоре стал вершителем и людских, и храмовых судеб.

Спасо-Преображенский храм. 1900 г.

Крестный ход в усадьбе Гончаровых. 1900-е гг.

Старинная внутренняя стена храма

Ворота усадьбы Гончаровых и возрождающийся Спасо-Преображенский храм

XX век обрушил на Спасо-Преображенский храм мощь катастрофических перемен. Славные имена прежних владельцев имения не могли защитить его от разорения в период гонений на Церковь. В 1929 году служители храма вместе со старостой были арестованы и осуждены. Сам храм был разрушен, разорению подверглась и родовая усыпальница Гончаровых. На месте уничтоженной святыне в 1950-е годы была построена столовая.

Шли годы, менялись эпохи. В новом тысячелетии, когда пришло время «собирать камни», рядом с восстановленным домом Гончаровых, — а возрождение и новая жизнь усадьбы неотделимы от храма, — началось возрождение и семейной церкви.

В 2010 г. было получено благословение Высокопреосвященнейшего митрополита Климента на восстановление Спасо-Преображенского храма. Вскоре при большой поддержке жителей Полотняного Завода, Губернатора Калужской области, региональных властей и меценатов начались строительные работы. А до того в течение нескольких лет на месте будущей постройки проводились предварительные археологические раскопки, в архивах искали чертежи и фотографии, чтобы новый храм внешне максимально точно повторял облик своего предшественника.

Ещё до возведения стен храма, общими усилиями в старинных Спасских воротах была отремонтирована и оборудована временная часовня, организована церковная лавка и приходская библиотека (более 1000 томов). 7 апреля 2011 года, в устроенной часовне прошла первая служба, после которой стали регулярно совершаться богослужения (молебны, акафисты, панихиды).

24 сентября 2013 года в Полотняном Заводе прошло выездное заседание Правительства Калужской области

во главе с губернатором А. Д. Артамоновым, на котором рассматривались, в том числе, вопросы помощи восстановлению храма Преображения Господня в усадьбе Гончаровых. Для поиска и привлечения необходимых финансовых средств был сформирован Попечительский Совет храма под руководством главы областного Законодательного Собрания В. С. Бабурина, председателем его стал заместитель министра культуры Калужской области В. А. Бессонов.

Несмотря на многие трудности и проблемы, восстановительные работы шли полным ходом. Была снесена столовая, расчищена прилегающая к храму территория, проведены археологические исследования, при содействии Института искусства реставрации подготовлен эскизный проект восстановления храма, осуществлены работы по отводу с территории храма сетей, подготовлен рабочий проект, восстановлена единственная сохранившаяся от храма часть родовой усыпальницы Гончаровых. Все эти предварительные, но значительные по времени и объёму работы велись без малого два года, и наступил долгожданный момент — 16 июня 2015 г. начались работы по восстановлению Спасо-Преображенского храма на историческом, бутовом, фундаменте, сохранившемся в земле от разрушенного храма. Он был усилен и частично восстановлен, на нём постепенно начинают воздвигаться стены, окончены работы на воскресной школе, которая начала свою деятельность 25 сентября 2016 года.

Благодаря трудам Попечительского Совета, неравнодушных людей и помощи прямого потомка рода Гончаровых — Анатолия Александровича Гончарова, 12 сентября 2015 года удалось провести перезахоронение обнаруженных останков Гончаровых в отреставрированной усыпальнице.

Заседание Попечительского совета по восстановлению Спасо-Преображенского храма. Апрель, 2014 г.

Часовня при Спасо-Преображенском храме

Митрополит Калужский и Боровский Климент на освящении фундамента Спасо-Преображенского храма. 8 ноября 2015 г.

24 марта 2018 года митрополит Калужский и Боровский Климент совершил чин освящения накупольных храмовых крестов и куполов. К этому времени, в преддверии 300-летнего юбилея Полотняного Завода, строительство нового Спасо-Преображенского храма, в основном, завершилось. Храм был воссоздан на остатках фундамента старинной постройки XVIII века.

После завершения установки всех пяти куполов с крестами, началась внутренняя отделка храмовых помещений.

8 сентября 2018 г. прошёл чин освещения колоколов. Спустя почти сто лет первый, в XXI в., благовест Спасо-Преображенского храма огласил территорию усадьбы Полотняный завод. Храм обрёл свой голос, он начал призывать людей к службе, служению и следованию заповедям Христовым. Чудо, к которому шаг за шагом шли с 2010 г., свершилось.

Процесс восстановления храма шёл непросто, что называется — с нуля. Каждый житель Полотняного Завода вносил свою посильную лепту. Теперь, когда самые сложные работы завершены и храм постепенно обретает свои прежние красоту и изящество, его прихожан наполняет чувство большой радости. Восстановленный из небытия храм в честь Преображения Господня дополнил и украсил комплекс музея-заповедника Полотняный Завод. Но — самое важное! — возвращение в нашу жизнь родового храма Гончаровых стало символом непрерывной связи времён и важной вехой в духовной жизни множества людей — жителей Калужского края, жителей России. 🙏

Настоятель храма иерей Ярослав Клоков

Освящение фундамента Спасо-Преображенского храма. 8 ноября 2015 г.

Освящение колоколов храма. 10 сентября 2018 г.

Колокола храма в честь Преображения Господня

Удар в колокол. 10 сентября 2018 г.

Подъём колоколов на звонницу храма. 10 сентября 2018 г.

